

УДК 32:93:316
ISSN 2500-2988

4.2016

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

Издается с 2010 г.

ИЗДАТЕЛЬ:
Московский
педагогический
государственный
университет

ПИ № ФС 77–63326
от 09.10.2015 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Электронная версия журнала:
www.mpgu.ru

Подписной индекс:
65060 по каталогу «Издания органов научно-технической информации»
ОАО Агентство «Роспечать»

ISSN 2500-2988

4.2016

LOCUS

PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

The journal
has been published
since 2010

THE PUBLISHER:

Moscow State
University
of Education

**Mass media
registration
certificate**

**ИИ № ФС 77-63326
as of 9.10.2015**

E-mail: izdat_mgopu@mail.com

Information on journal can be accessed via:
www.mpiyu.pf

Редакционная коллегия

Главный редактор

Алексей Брониславович Ананченко – кандидат исторических наук; заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Заместитель главного редактора

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Ответственный секретарь

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета.

Игорь Валентинович Бочарников – доктор политических наук; руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности.

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; заведующая кафедрой политических исследований России и постсоветского пространства Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Марина Федоровна Глухова – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин и истории права Московского городского университета управления Правительства Москвы.

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии и социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

Агамали Куламович Мамедов – доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всеобщей истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Эльмира Кямаловна Наберушкина – доктор социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина.

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки.

Лариса Игоревна Никовская – доктор социологических наук, доцент; главный научный сотрудник отдела анализа социально-политических процессов Института социологии РАН, г. Москва.

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Владимир Львович Римский – кандидат социологических наук; заведующий отделом социологии регионального общественного фонда «Информатика для демократии» (Фонда ИНДЕМ), г. Москва.

Джованни Савино – PhD (история); научный сотрудник Университета Неаполя им. Федерико II, Италия; профессор Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва.

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск.

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

Виктор Валерьевич Титов – кандидат политических наук; доцент кафедры политических исследований России и постсоветского пространства Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва.

Дмитрий Борисович Фролов – доктор политических наук; доцент кафедры «Компьютерное право» Национального исследовательского ядерного университета МИФИ.

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Светлана Алексеевна Шаронова – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры общей социологии факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, г. Москва.

Александр (Алек) Давидович Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; страший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль.

Александр Иванович Юрьев – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета.

07.00.00 ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Н.В. Рыбалко

Психологическая мотивация создания Подмосковского
земского ополчения в начале 1611 г. 7

С.А. Жевалов

Внутренние зерновые поставки в СССР в 1936–1940 гг.
(количественный и качественный аспекты) 20

С.И. Белов, Ю.А. Никифоров

Правовое регулирование взаимоотношений
военнослужащих Красной Армии и гражданского
населения Польши в период 1944–1945 гг. 31

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

М.К. Чиняков

Волонтеры французского Иностранного легиона
в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. 39

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Н.О. Блейх

Институт гостеприимства – важнейший этикетный
императив северокавказских народов 51

К.А. Меликова

Отношение к пожилым людям в средневековой Европе 58

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

А.А. Орлов, С.В. Сопленков, В.А. Альбертина

Идеи справедливого мирового порядка: исторический
опыт Западной, Центрально-Восточной Европы и России
(середина XV – начало XXI вв.) 63

23.00.00 ПОЛИТОЛОГИЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

И.В. Бочарников

Социальные и гуманитарные аспекты европейского
миграционного кризиса 77

Д.Н. Карзубов

Новые методы исследования политического протеста
(на примере протестных акций в г. Минеральные Воды,
2014 г.) 87

Д.Е. Слизовский, А.А. Амиантов

Социально-политические предпочтения молодежи
18–20 лет: контраст между заявлениями и данностью 93

22.00.00 СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

М.А. Яковлева

Особенности регулирования социальных конфликтов
в сфере государственного управления 111

ДОКУМЕНТ С КОММЕНТАРИЕМ

В.В. Суховерхов

Б.И. Фейхбо-и-Монтенегро (1676–1764): эссе о состоянии
науки в Испании (начало 40-х гг. XVIII в.) 119

ПАМЯТИ И.С. ТИХОНОВА 133

НАШИ АВТОРЫ 136

CONTENTS 140

Н.В. Рыбалко

Психологическая мотивация создания Подмосковного земского ополчения в начале 1611 г.¹

В статье рассматривается вопрос мотивации создания Подмосковного земского ополчения в Московском государстве в начале 1611 г. Выделены основные мотивы, которые способствовали соединению ратных людей под Москвой, с момента зарождения инициативы до этапа реализации действия. Исследование носит междисциплинарный характер — впервые теория психологии мотивации действия спроецирована на исторический контекст эпохи Смуты. Ключевым моментом, на который обращает внимание автор, является выяснение процесса возникновения начала деятельности: когда, как и у кого зародилась идея выступить против боярского правительства и начать организацию вооруженных людей для борьбы с польским гарнизоном. Автором выделены три инициативных начала, однако для перехода призывов к действию были необходимы условия, связанные с возникновением побуждения надпороговой величины, что объективно произошло в конце декабря 1610 – начале января 1611 г. Основываясь на анализе переписки органов земского самоуправления, отложившейся в Соликамском архиве, автор статьи насчитывает 9 основных мотивов. Побуждающими к действию были мотивы, направленные на благосостояние индивидуума, но на этапе реализации действия они переросли в группу мотивов, направленных на благосостояние общества и сохранение традиционных культурных ценностей (духовные мотивы).

Ключевые слова: Подмосковное ополчение, история России, Смутное время, мотивация ополчения, XVII в.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-31-01202 (а2).

В отечественной исторической науке последние два десятилетия все больше исследователей обращаются к изучению социальных аспектов через историю повседневности, историческую психологию, индивидуальное и коллективное сознание. Отмечается, что человек, его внутренний мир в экстремальных условиях военных действий долгое время не были объектом специального изучения историков, подобные работы стали появляться в отечественной исторической литературе лишь недавно [13].

В настоящее время объем знаний в различных отраслях науки достиг высокого уровня обобщения и теоретизации, накопленный опыт нельзя игнорировать. Становится очевидным, что описательный метод работы с историческими источниками – пройденный этап для российской истории. Новые перспективы оригинальных наблюдений открываются при проведении междисциплинарных исследований. Для создания образа прошлого и понимания причин тех или иных поступков, побуждений к действию, целесообразным будет обращение к области социальной психологии.

Смутное время в России начала XVII в. дает нам богатый материал для исследования поведения человека в период гражданской войны и иностранной интервенции, выяснения моральных ценностей и мотивационных установок, когда людям сложно было разобраться, на чьей стороне правда. И все это в эпоху провиденциализма с ее верой в промысел Божий, царя и верховную власть. Вопрос мотивации создания ополчений в работах, посвященных эпохе Смуты, комплексно не рассматривался.

Ко времени создания ополчений (январь 1611 г.) политическая нестабильность в России продолжалась уже 8 лет и охватила в большей или меньшей степени все регионы страны. Исследования П.Г. Любомирова, а затем А.В. Антонова и И.О. Тюменцева показали, что опыт открытой борьбы в ряде российских городов был приобретен их жителями еще в 1608–1610 гг., когда возникла необходимость выступить на стороне правительственных войск против захвативших Замосковье тушинцев [3; 11, с. 31–36; 26, с. 418–429].

Психологи, тем не менее, подчеркивают исключительность каждой ситуации. По словам профессора В.А. Иванникова, «побуждение к началу деятельности должно каждый раз строиться заново с учетом предметных условий конкретной ситуации. Такое положение позволяет предполагать наличие особого психического процесса, обслуживающего порождение деятельности, который можно обозначить как процесс мотивации» [7, с. 48], т.е. процесс мотивации в организации земских ополчений разных временных периодов следует рассматривать

автономно, с учетом конкретной ситуации, а типизация поможет в дальнейшем провести сравнительный анализ.

Выступления против государя и действовавшего правительства в пользу самозванцев – «законных царей» (в правление Василия IV Шуйского), против правительства в пользу земских ополчений (период междуцарствия), несомненно, требовали глубокого осмысления происходившего, иначе инициатива не смогла бы перерасти в действие. Но, потеряв один политический ориентир, люди находили другой, создавая новые социальные группы, вынужденные взаимодействовать в новых политических условиях.

В течение примерно двух с половиной месяцев (с начала января до середины марта 1611 г.) были приняты основные решения и действия по организации ополчения для изгнания польского гарнизона из Московского Кремля. Должны были быть весомые причины, заставившие людей выдвинуться из своих городов на Москву. Какими же были мотивы, побудившие земство начать борьбу?

В поиске концепций, которые помогли бы выявить и структурировать существовавшие мотивы, выяснено, что в настоящее время насчитывается более 50 только зарубежных теорий мотивации [8, с. 18]. К концу XX в. психология мотивации оказалась разделена на психологию личности, психологию регуляции деятельности и саморегуляции и когнитивную психологию [10, с. 5]. Нашему исследованию соответствует психология деятельности.

Содержание понятий «мотив» и «мотивация» остаются весьма неопределенными ввиду большого количества предметных областей, где применяется данная терминология [7, с. 48]. Это позволяет нам, не участвуя в теоретической дискуссии, в качестве рабочего определения мотива принять наиболее часто используемое понятие: «Мотив – это внутреннее осознанное побуждение, отражающее готовность человека к действию или поступку» [8, с. 57]. Побудители могут быть как внешними, так и внутренними.

Согласно теории установки Д.Н. Узнадзе, «весь процесс следует представить так: сначала установление целесообразного поведения посредством мышления, затем процесс мотивации и, наконец, акт решения» [27, с. 344]. Установка дается в виде «специфического переживания самоактивности», которое считается «переживанием воли». А мотив – это «основа волевого действия» [Там же, с. 344, 348].

Таким образом, акту решению предшествует борьба мотивов, и процесс выбора представляется в виде борьбы мотивов, где преимущество имеет система ценностей [Там же, с. 349–350]. «Значение мотива неизмеримо, поведение становится волевым только благодаря мотиву,

который так видоизменяет поведение, что последнее становится приемлемым для субъекта» [27, с. 353].

Узнадзе рассмотрел процесс мотивации и принятия решения с позицией субъекта, потребностей своего «я», приводя примеры, преимущественно, из клинической практики. Концепция Узнадзе для нас важна, поскольку помогает установить этапы перехода от возникновения идеи к действию.

Эмпирическая база нашего исследования – памятники деловой письменности, отложившиеся в Соликамском архиве. Несмотря на то, что часть документов была опубликована еще в XIX в., специальному исследованию материалов Соликамского архива эпохи Смуты посвящены только некоторые работы [5; 21; 22]. Документы, в числе прочих, отражают процесс организации Подмосковного ополчения. Это два инициативных документа с коллективным авторством (окружная грамота из-под Смоленска и окружная грамота московских жителей), грамоты и отписки земских органов управления, полковых воевод¹. В них мы можем увидеть позицию определенных общественных групп, управленческие решения.

Теория представителя школы психологии МГУ им. М.В. Ломоносова профессора А.Н. Леонтьева дает понимание мотива как предмета потребностей [9]. Его концепция, как и идеи И.М. Сеченова, С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, немецкого ученого-психолога Х. Хекхаузена и др., получили развитие в трудах Иванникова [6, с. 149–169; 7 и др.].

Один из важных вопросов и для истории, и для психологии – выяснение процесса возникновения начала деятельности. Когда, как и у кого зародилась идея выступить против правительства и начать организацию вооруженных людей для борьбы с польским гарнизоном? При этом должно было произойти осмысление того, что поляки, находившиеся в Москве как представители приглашенного московским боярским правительством польского королевича Владислава, фактически – враги, и нужно организовывать борьбу с ними.

Согласно концептуальным построениям Иванникова, деятельность не начинается без наличия у субъекта поведенческой задачи. Исследователь выделил три случая ее появления: «1) при актуализации какой-либо потребности (жизненной задачи); 2) по требованию общества (государства), принимаемого субъектом к исполнению; 3) по решению самого человека, ориентирующегося на будущее» [7, с. 49].

¹ Документы, опубликованные в изданиях XIX в., часто содержат неточности, ошибки и намеренные искажения текстов («редакторскую правку»), поэтому в статье указаны ссылки по библиографическому списку: на архивный и опубликованный документы.

Рассматривая первые инициативные грамоты из-под Смоленска [2, № 176 (II), с. 299–301; 4, л. 2–6] и московских жителей [2, № 176 (I), с. 298–299; 4, л. 1–2], сыгравшие ключевую роль в организации ополчения (поскольку они неоднократно были переписаны и разосланы по разным городам как главные документы), можно выделить три инициативных начала:

1) жители городов и сел Московского государства, собравшиеся под Смоленском (из городов, признавших власть Литвы, но не получивших милость и разоренных)¹;

2) жители Москвы (пережили разорение от пребывавших в Москве поляков и литовцев);

3) патриарх Гермоген (Ермоген) – на него покушались М. Салтыков и Ф. Андронов, он испытывал «гоненье и тесноту великую», «разоренье двора», все это могло ускорить переход к действию, однако более важной ценностью, главной жизненной задачей для патриарха могло являться сохранение православия.

Формирование личных ценностей, целей и поступков под воздействием надиндивидуальной духовной реальности, как отметила профессор С.Б. Токарева, происходит в т.н. «поле духовности», границы которого на каждом историческом этапе для общества задаются содержательно, исходя из опыта и полученных через него знаний [24, с. 283; 25, с. 86]. Как пишет философ, именно в ранние эпохи (в контексте: ранние по сравнению с Новым временем) «духовное начало наполняло высшим смыслом жизнь избранных и выступало организующим и упорядочивающим началом для всех прочих» [Там же, с. 97].

Таким образом, в сознании людей, проявивших инициативу собрания ополчения, реализован первый из трех вероятных случаев появления поведенческой задачи: актуализированная потребность сохранения собственной жизни, семьи, имущества. Равноценным являлось духовное начало (потребность) – сохранение православной веры.

Второй случай появления поведенческой задачи («по требованию общества, государства») реализовался позднее и имел важную особенность: ополчение собиралось против действовавшего правительства, но в соответствии с решением земских органов самоуправления. Земскую власть ценили больше и ее также нужно было мотивировать. Третий случай установить невозможно из-за отсутствия источников личного происхождения.

¹ С.Ф. Платонов усомнился в авторстве этой грамоты, предположив, что писали ее, как и второй главный документ (грамоту московских жителей), представители некой группы москвичей, сторонников патриарха Гермогена [21]. Эта версия требует дополнительной проверки. Пока факт фальсификации грамоты окончательно исследователями не признан.

Можно сконструировать следующую схему организации действия, определяя субъекты:

1) люди, от которых исходила инициатива (смоляне, московские люди, Ергоген);

2) люди, которые восприняли инициативу, транслировали ее дальше и начали реализацию действия (параллельно в Рязани и Нижнем Новгороде [22]);

3) люди, которые реализовали действие (власти земского самоуправления и жители городов и сел).

Выяснив наличие потребностей, посмотрим, какие действия предпринимали люди, от которых исходила инициатива.

1. Жители разоренных городов ходили в Польшу и Литву вызвolyть из плена жен и детей, пришли «в обоз» под Смоленск к польскому королю Сигизмунду III, чтобы «выкупить» их «от плена», «собрано было... откуп, и то всё разграбили» [4, л. 3]. Последнее действие – написали окружную грамоту¹.

2. Жители Москвы после получения грамоты из-под Смоленска написали свою окружную грамоту с призывом к борьбе против поляков, переслали обе грамоты в несколько городов.

3. Ергоген накануне сбора ополчения вел агитацию против поляков и рассылал грамоты (кому и какого содержания – не ясно: грамоты, если и были, до наших дней не дошли, вопрос об их существовании спорный).

То есть действия трех инициативных центров не являются действиями по непосредственной организации ополчения, сама по себе агитация могла не получить дальнейшего развития.

«Порождение деятельности, – пишет Иванников, – требует наличия двух условий:

1) наличие у субъекта жизненной задачи, которая не может быть решена без поведения;

2) наличие у субъекта возможности осуществлять деятельность» [7, с. 49–50].

На втором этапе, когда инициатива была подхвачена в Нижнем Новгороде, Рязани, а затем в других русских городах, имевших возможность осуществлять деятельность, начался сбор людей, снаряжения и провизанта. Иными словами, для осуществления деятельности необходимо наличие средств реализации поставленной задачи.

По мнению психолога, «для запуска поведения необходимо также создание субъектом побуждения надпороговой величины» [7, с. 49],

¹ При условии, что эта грамота подлинная. В любом случае, ее содержание не вызвало сомнений у современников.

ситуации, когда возникает «неотложность удовлетворения актуализированной потребности (например, оборона)». «Все другие виды деятельности предполагают включение процесса мотивации» [7, с. 49–50].

Возникает вопрос: почему именно в январе 1611 г. возникла надпороговая величина? Вряд ли убийство Лжедмитрия II 11 декабря 1610 г. (как потеря альтернативы) сыграло ключевую роль для начала организации ополчения земством Нижнего Новгорода или патриархом Ермогеном. А вот угроза жизни Ермогена вполне могла быть одним из главных мотивов для патриарха. Салтыков и Андронов «перед Николиным днем в пятницу» приходили к нему с уговорами о присяге королю (Сигизмунду III), наутро они пришли снова вместе с кн. Ф.И. Мстиславским, но патриарх в благословении им отказал, а после брани «патриарха хотели за то резать» [2, № 170 (I), с. 192; 14, л. 2–3]. Оскорбленный патриарх стал призывать в соборной церкви «крест королю не целовать» [2, № 170 (I), с. 192; 14, л. 2–3].

Понятие «оборона» подходит здесь не в полной мере, т.к. не было врага, перешедшего границу именно в тот момент – поляки были в Кремле с лета 1610 г., Сигизмунд III осаждал Смоленск с 1609 г. Однако в ноябре, декабре 1610 г. и начале января 1611 г., как показывает исследование Б.Н. Флори, московские бояре стали активно рассылать грамоты и приводить «ко кресту» население русских городов (Серпухова, Калуги, Алексина, Медыни). Сигизмунд III раздавал города в управление своим офицерам, прошла череда назначений приверженцев короля на руководящие должности в приказы и пожалований придворными чинами [28, с. 312–313]. По подсчетам Б.Н. Флори, на протяжении декабря 1610 г. из королевской канцелярии под Смоленском было выдано 90 грамот на владения [Там же, с. 315]. Важным наблюдением исследователя стало то, что среди получателей королевских «листов» в январе 1611 г. были только дети боярские из западных и северо-западных уездов Русского государства. В этом был «симптом нарастания напряженности в отношениях между польско-литовской властью и значительной частью русского общества» [Там же, с. 317].

Таким образом, объективно ситуация развивалась так, что в декабре 1610 – январе 1611 гг. нужно приносить присягу польскому королевичу, и земство городов могло принять требования боярского правительства. Но города стали искать альтернативу, каковой оказался протест против боярского правления и польской власти, вылившийся в подъем народного движения. Произошел очередной политический раскол в государстве, и для реализации новой поставленной задачи нужна была мотивация. Объективность момента подтверждает то, что в Казани и Перми в то же время рассматривали другую альтернативу: «царя Дмитрия», не зная

о его убийстве [2, № 170, с. 291–292; 2, № 170 (I), с. 292–293; 2, № 170 (II), с. 293; 14; 19; 20]. Рассматривая выделяемые Иванниковым подзадачи для реализации процесса деятельности [18, с. 50] сквозь призму изучаемого события, можно отметить:

1) с января 1611 г. начался процесс принятия решения о необходимости «идти в сход», но скорость его принятия в разных регионах была различной;

2) поведенческая задача была одна: собрать людей и обеспечить их поход;

3) выбор конкретного объекта деятельности – борьба с поляками и литовцами;

4) создание образа предметных условий новой ситуации, в которых субъекту предстоит действовать: это можно интерпретировать как информирование земских органов самоуправления о новостях (последних произошедших событиях);

5) способ достижения: собраться «всей землей» под Москву, было определено, через какие города кому идти;

6) цель сформулирована: изгнать поляков и литовцев, выбрать нового царя «всей землей».

Решение вышеназванных подзадач порождения деятельности, по мнению Иванникова, и есть процесс мотивации деятельности, а некоторые потребности могут в процессе становиться мотивами [7, с. 51].

Историк не всегда в полной мере владеет информацией для однозначных оценок. К примеру, о том, почему не сразу были приняты решения о выступлении людей в ополчение из городов. Так, нижегородцы неоднократно писали в Вологду о необходимости «идти в сход», но ответа не получали. Какова была причина? Или вологодцы медлили, не зная, поддержать движение или нет, или отписки просто не доходили до Вологды. Таких ситуаций достаточно много. Оттягивание принятия решения, обращение за советом к другим людям, по мнению психологов, часто используется в качестве приемов снятия напряжения, если не ясны были перспективы и пути достижения целей [12]. А именно эти два момента можно назвать слабыми для мотивации в процессе создания Подмосковного ополчения.

Следует учесть, что речь идет не только о мотивации непосредственных участников вооруженных формирований, которые стояли у стен Кремля, но и тех, кто помогал собирать людей из разных российских городов. Кроме того, для создания ополчения нужны были вооружение, лошади, порох, продовольствие и денежные средства на содержание войска, т.е. возможности реализовать действие.

Как отмечают исследователи, в последнее время получила распространение точка зрения о том, что деятельность и поведение человека обусловлены одновременно несколькими мотивами, а наличие в мотиве цели позволяет осуществлять не только побуждающую, но и направляющую, и регулятивную или управляющую функцию [8, с. 123].

Итак, должны были быть весомые причины, заставившие людей двинуться из своих городов на Москву в начале 1611 г.

1. *Защита православной веры.* В окружной грамоте из-под Смоленска в Москву (декабрь 1610 – январь 1611 гг.) говорится о том, что русские люди рассчитывали на милость польского короля, но после сдачи городов Сигизмунду III была «поругана крестьянская (т.е. христианская. – *Н.Р.*) вера», «разорены Божия церкви», «сокрушены и поруганы божественныя иконы и Божии образы» [2, № 176 (II), с. 299; 4, л. 3]. На современников эта грамота произвела значительное воздействие: ее неоднократно переписывали и рассылали дальше.

В последующем мотив защиты православной веры в грамотах стоит на первом месте. Русские люди, готовые жертвовать жизнью, использовали ряд выражений в вариантах: «хотят за веру все помереть» [2, № 176, с. 301], «идти на разорителей веры крестьянской», «стоять за Пречистые Богородицы дом, и за чудотворные мощи, и за святые церкви» [23, № 230, с. 501].

2. *Спасение близких людей от смерти и плена.* В грамоте из-под Смоленска дается описание того, что милости, на которую рассчитывали жители сдавшихся Сигизмунду III городов, они не получили: их матери, жены и дети взяты в плен в Литву и Польшу на «горькие и смертные работы». Московские люди собрали выкуп, но он был «разграблен», а те, кто пошел в Литву и Польшу за своими близкими, «головы потеряли», «и мы все изо всех городов и из уездов, без останка и без всякого пощажения погигели (в публикации ошибочно: погигли. – *Н.Р.*) немалая, милости и пощажения не нашли» [2, № 176 (II), с. 299; 4, л. 3]. Если даже здесь есть преувеличение, то данный мотив имел весьма эффективное воздействие. Повторяется он в нарративной части грамоты неоднократно, а в заключительной части обозначено необходимое действие. «Не будете только ныне в соединении, обще с всею землею, горько будет плакати...». Речь далее снова идет о защите веры, церкви от разорения, судьбы рода, жизни близких людей (матерей, жен, детей), именно в такой последовательности [2, № 176 (II), с. 300; 4, л. 4–5].

3. *Сохранение домов и нажитого имущества от разорения.* После захвата поляками и литовцами города были разорены, «оскудели», жители стали «неимущи, где главы подклонити» [2, № 176 (I), с. 298; 4, л. 1].

4. *Защита Московского государства.* В крестоцеловальной записи, по которой нижегородцы и «балахонцы» (жители г. Балахна – балахнинцы) «крест целовали», содержался призыв «стать за Московское государство заодин»¹ [2, № 176 (III), с. 301; 17, л. 1].

В грамотах начала февраля 1611 г. произошло слияние всех четырех мотивов, на первый план перед материальными вышли духовные ценности, соединившись в одну формулу: «За православную крестьянскую веру и за Московское государство... стати заодин» [2, № 177, с. 302–303]. Нижегородцы, призывая вологодцев идти в сход, «подвиг учинити», писали: «...не иного чего ради, но избавы крестьянские... покаместа Московского государства и окрестных городов литва (так в тексте. – *Н.Р.*) не овладели и крестьянские веры ничем не порушили... и докаместа многие люди не прельстилися и крестьянские веры не отступили... встать за православную крестьянскую веру и за свою душу стати заодин» [2, № 176, с. 297–298; 15].

5. *Мотив аффилиации.* Этот мотив обозначен Хекхаузенем, он соотносится с «личностным свойством» – «стремлением к одобрению» [29, с. 294]. В грамоте нижегородцев к вологодцам от начала февраля 1611 г. встречается мотив, призывающий на подвиг ради будущей славы у потомков: «...и нам от всемогущего... Бога великие милости к навечной славе и похвале учинится за избаву крестьянскую, на воспоминание, на память душам нашим, во вся роды в предыдущие (так в тексте. – *Н.Р.*) веки...» [2, № 176, с. 298; 15]. Таким образом, этот мотив можно назвать также «*Во славу подвига перед потомками*».

6. *Духовное наставничество.* Людям был нужен не только смысл в поступках, но и тот человек, который мог его определить, – духовный наставник. Наставничество является инструментом трансляции идеологии, эффективным элементом управления и мотивации. Ввиду отсутствия царя место наставника занял патриарх Ермоген, это часто отмечается исследователями.

Первоначально Ермоген выступал за приглашение королевича Владислава на русский престол, однако в декабре 1610 г. патриарх уже был полностью уверен в том, что королевич не крестится в православную веру, о чем, со слов авторов грамоты из-под Смоленска, стал говорить в своих призывных речах [2, № 176 (II), с. 300; 4, л. 4].

Именно благословение Ермогена проходит ключевым лейтмотивом побуждения к действию для московских жителей [2, № 176 (I), с. 299; 4, л. 2], нижегородцев и рязанцев во главе с П.П. Ляпуновым [2, № 176 (III),

¹ Крестоцеловальная запись не сохранилась, о ней речь идет в отписке П.П. Ляпунова в Нижний Новгород.

с. 301; 17]. В грамоте нижегородцев, отправленной в Вологду, мотив сформулирован более четко: «А от святейшего Ермогена... о ото всего освященного собора... приведется нам вечное благословение» [2, № 176, с. 297–298; 15]. Грамота Ермогена упоминается в числе основных, переписываемых и пересылаемых из города в город грамот в первые три месяца сбора Подмосковского ополчения¹.

Ермоген, будучи патриархом, имел большое влияние на управленческие структуры в лице не только служителей церкви, но и светской власти: городских советов, воевод, дьяков. Через ярко выраженную позицию Ермогена сохранить православие во что бы то ни стало религиозная мотивация еще более усиливалась. Мнение патриарха было авторитетным, и мы видим реализацию мотивационного приема сопричастности идеям лучшего будущего.

7. *Денежное жалованье*. Можно рассматривать с двух позиций.

А. *Вознаграждение как мотивация иноземных наемников, рыцарства*. В Европе имела место практика набора наемников, участвовавших в сражениях исключительно за денежное вознаграждение. В то же время, среди иноземных наемников были и русские люди. Так, в феврале 1611 г. в грамоте к калужскому воеводе кн. Ю.Н. Трубецкому литовский гетман Ян Сапега писал о том, что он и его люди готовы выступить «за вашу крестьянскую веру и за свою славу и при своих заслугах горло свое дати... кто будет на Московском государстве царем, тот нам за слуги (так в тексте. – Н.Р.) наши заплатит». Между тем, в той же грамоте Сапега отметил: «У нас в рыцарстве большая половина русских людей» [23, № 237, с. 507–509].

Б. *Жалованье за службу русским ратным людям*. В грамоте ярославского земства в Казань в марте 1611 г. отмечено, что собравшимся в сход в Ярославле стрельцам и казакам «дали жалованье, ден[ь]ги и запасы ярославские люди от себя и ко кресту привели» [2, № 188 (II), с. 322]. В отписке патриарху Ермогену из Перми о сборе ратных людей для освобождения Москвы указано, что «с Перми Великие... собрав ратных людей пятьдесят человек с луки и с пешаями и со всею службою и дав им наемные деньги на пять месяцев... отпустили их... в сход» [1, № 323, с. 384; 18, л. 2]. В апреле 1611 г. руководители собравшегося под Москвой ополчения писали в Казань о скором сборе денег ратным людям «для скорости, чтоб от Москвы ратные люди не разбрелися»² [16].

Денежное жалованье, с одной стороны, является мотивацией для непосредственных участников ополчения – ратных людей. С другой

¹ Вопрос о существовании грамоты до сих пор остается спорным.

² В публикации ошибочно: «для скудости» [20, № 251, с. 536].

стороны, это необходимое средство достижения цели для власти (организаторов) и для жителей городов и уездов. Интересным моментом является то, что срок в 5 месяцев, на который нанимали ратных людей, истекал как раз в июле 1611 г. На этот же месяц приходится кризис и распад Подмосковского ополчения.

8. *Страх наказания.* Хекхаузен назвал эту мотивацию «страх отвержения или положительные аффективные отношения между людьми» [29, с. 293]. Эта мотивация описана в грамоте из Ярославля в Казань. Когда в Ярославле собрали ополчение, то «учинили приговор крепкой за руками: кто не пойдет или воротится, тем милости не дати, и по городам по всем то ж укрепление писали» [23, № 241, с. 519]. По сути, наказание было не физическим, а нравственным общественным порицанием, которое влекло за собой неопределенность в будущем, плохую славу о человеке, жизнь изгоя – отвержение.

Таким образом, анализ начального этапа складывания Подмосковского ополчения в январе-марте 1611 г. с позиции теории мотивации действия позволяет выявить поэтапный процесс, идущий от установки через мотивацию к действию. Побуждающими к действию на этапе формирования инициативы организации Подмосковского ополчения были мотивы, направленные на благосостояние индивидуума: непосредственная угроза жизни, семье, имуществу, но на этапе реализации действия они переросли в группу мотивов, направленных на благосостояние общества. Призыв к защите православной веры и Московского государства стал главным лейтмотивом земского движения. Духовные мотивы выступили объединяющим началом. При этом необходимым условием реализации действия было наличие материальных средств, направленных на обеспечение ратных людей всем необходимым, включая жалованье.

Библиографический список

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 5 т. Т. 2. (1598–1613 гг.). СПб., 1841.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской академии наук: В 4 т. Т. 2. СПб., 1836.
3. Антонов А.В. К начальной истории нижегородского ополчения // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 196–240.
4. Два воззвания московских людей о необходимости единодушно восстать против поляков и литовцев // Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 122 (Акты Соликамские). Оп. 1. Перепл. 1. Д. 335. Л. 1–6.
5. Дмитриева Е.Г. Особенности композиции и лексического состава отписок начала XVII в. // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2016. Т. 15. № 2. С. 81–88.

6. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции: Учебное пособие. 3-е изд. СПб., 2006.
7. Иванников В.А. Анализ мотивации с позиции теории деятельности // Национальный психологический журнал. 2014. № 1 (13). С. 47–54.
8. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2002.
9. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971.
10. Леонтьев Д.А. От инстинктов – к выбору, смыслу и саморегуляции: психология мотивации вчера, сегодня и завтра // Современная психология мотивации / Под ред. А.Н. Леонтьева. М., 2002. С. 5–10.
11. Любомиров П.Г. Очерки истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939.
12. Макарова Н.А. Анализ ключевых понятий мотивации деятельности человека // Вестник Самарского муниципального ин-та управления. 2006. № 4. С. 192–199.
13. Малышева Е.М. Методологические и историко-научные подходы к интерпретации социальной истории периода Великой Отечественной войны // Вестник Адьгейского гос. ун-та. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 49–55.
14. Отписка из Казани на Вятку // Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 122. Оп. 1. Перепл. 1. Д. 324. Л. 1–4.
15. Отписка нижегородцев вологжанам // Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 122. Оп. 1. Перепл. 1. Д. 333. Л. 1–4.
16. Отписка П. Ляпунова казанцам // Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 122. Оп. 1. Перепл. 1. Д. 364. Л. 1–6.
17. Отписка П. Ляпунова нижегородцам // Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 122. Оп. 1. Перепл. 1. Д. 336. Л. 1–3.
18. Отписка пермского воеводы И.И. Чемоданова Московскому патриарху Гермогену // Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 122. Оп. 1. Перепл. 1. Д. 345. Л. 1–2.
19. Отписка пермского воеводы И.И. Чемоданова соликамским старостам и целовальникам // Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 122. Оп. 1. Перепл. 1. Д. 334. Л. 1–2.
20. Отписка Пермского воеводы И.И. Чемоданова Строгановым // Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 122. Оп. 1. Перепл. 1. Д. 331. Л. 1–2.
21. Платонов С.Ф. О двух грамотах 1611 г. // Ст. по русской истории. СПб., 1903. С. 193–200.
22. Рыбалко Н.В. Реконструкция делопроизводства органов нижегородского самоуправления на этапе подъема земского движения в конце 1610 – начале 1611 года (по материалам Соликамского архива) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 117–125.
23. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел: В 4 ч. Ч. 2. М., 1819.
24. Токарева С.Б. Духовность в горизонте повседневно-бытовой жизни и за ее пределами // Личность. Культура. Общество. 2005. Вып. 4 (28). С. 281–292.
25. Токарева С.Б. Методологические основания анализа духовности // Философия и общество: Научно-теоретический журнал. 2005. № 2. С. 80–100.

26. Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.
27. Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб., 2001.
28. Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.
29. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. Т. 1. М., 1986.

С.А. Жевалов

Внутренние зерновые поставки в СССР в 1936–1940 гг. (количественный и качественный аспекты)

Статья посвящена анализу хлебозаготовок в Советском Союзе в последнее пятилетие накануне Великой Отечественной войны. Основу статьи составляют документы, хранящиеся в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ), основная часть которых впервые вводится в научный оборот. На основе архивных данных определяется объем заготовок зерновых культур по обязательным поставкам, закупкам, гарнцевым сборам, натуроплатам МТС и другим источникам поступления зерна и риса от колхозов, совхозов, колхозников и единоличных хозяйств сел и деревень Советского Союза.

Ключевые слова: Советский Союз, урожайность зерновых в 1939–1940 гг., валовый сбор зерна в 1939–1940 гг., поставки зерна накануне Великой Отечественной войны.

В настоящее время Россия переживает сложный период своей истории. Проведены кардинальные преобразования в агропромышленном комплексе, затрачены огромные усилия на практическое осуществление «передовых» идей форсированного перехода к рыночной экономике.

Первоначально, особенно в средствах массовой информации, преобладал взгляд на новые условия хозяйствования как на свободные рыночные отношения. Поэтому вопрос о приоритетах аграрной политики казался незначительным и неактуальным. Реальная практика реформирования довольно быстро развенчала этот рыночный романтизм.

Сейчас сформировалось понимание того, что при современном уровне развития производительных сил, масштабах производства и сложности хозяйственных связей не обойтись без государственной поддержки производителей продовольствия.

Опыт последних 25 лет научил многому. Государство, которое не в состоянии прокормить себя, не может сохранить свою независимость и вести диалог с другими странами как равный партнер, вынуждено идти против своих национальных интересов в обмен на гуманитарную помощь. Глубокое осмысление социального опыта, уроков прошлого необходимо для осознания путей, преград и пределов современных реформ, для разработки и проведения созидательной аграрной политики, адекватной интересам России.

Актуальность исследования определяется не только потребностями критического переосмысления истории аграрных отношений в довоенном СССР и поиска новых подходов к ее изучению, но и усиливается в настоящее время необходимостью преодоления аграрного кризиса в стране и выхода сельского хозяйства из тупика, в который завели аграрный сектор страны реформы постсоветского периода. Опыт развития сельского хозяйства в нашей стране определяется не социально-политическим строем, а климатом и плодородием почв, поэтому довоенный опыт развития отечественного сельского хозяйства нужно изучать и использовать: тогда наблюдался рост объема производства продуктов.

Сейчас все советские достижения принято рисовать только в черных красках. Но жизнь не бывает только темной. В СССР были и достижения, и удачи, и победы. На основе архивных данных видно, что урожаи и урожайность зерновых культур в Советском Союзе увеличивались накануне Великой Отечественной войны (таблица 1).

Исследование системы снабжения населения СССР хлебом можно разделить на три этапа. Первый – это период с начала 1920-х гг. до XX съезда КПСС (1956 г.), когда была осуществлена постановка проблемы и определены основные принципы ее изучения. Второй период, с середины 1950-х до конца 1980-х гг., характеризующийся дальнейшим развитием и углублением исследований. Третий этап начинается с конца 1980-х гг. и продолжается по сегодняшний день. Только на рубеже 80–90-х гг. XX в. исследователи стали рассматривать вопросы, не получившие своего истолкования в предшествующий период, прежде всего, проблемы голода.

Важным шагом в изучении экономики предвоенных и военных лет стала вышедшая в 1947 г. книга видного ученого-экономиста, председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» [3]. Это был крупный обобщающий

труд о развитии народного хозяйства СССР с использованием впервые введенных в научный оборот источников. В разделе «Сельское хозяйство и продовольствие» Вознесенским были отражены изменения и приведены сравнения в объемах сельскохозяйственного производства страны до начала Первой мировой войны, во время Первой мировой войны, в период между двумя мировыми войнами XX в. и в период Второй мировой войны [3, с. 89–98]. Накануне Первой мировой войны, пишет Вознесенский, дореволюционная Россия имела наиболее высокий валовый урожай хлеба – около 4,9 млрд пудов. В СССР накануне Отечественной войны валовый урожай хлеба составил 7,3 млрд пудов. При этом товарная продукция хлеба в СССР накануне Отечественной войны превышала размеры товарной продукции хлеба в России накануне Первой мировой войны почти вдвое [Там же, с. 24]. Вознесенский ввел в научный оборот цифру закупки и заготовки хлеба в 1941–1944 гг. в количестве 4264 млн пудов [Там же, с. 90]. Данная работа и поныне представляет научный интерес.

Вышедшее к 70-летию Великой Победы 12-томное издание «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» сообщает: в годы войны «усилиями преимущественно женщин, стариков и подростков была решена чрезвычайно трудная задача заготовки необходимого количества – 4312 млн пудов зерна и огромных объемов другой сельскохозяйственной продукции» [2, с. 266]. Эта цифра отличается от количества хлебозаготовок у Вознесенского на 1,1%.

На втором этапе развития историографии проблемы появились работы, посвященные малоисследованным темам истории крестьянства. Большой интерес вызвала монография Ю.В. Арутюняна «Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны» [1]. Это крупная монография, выполненная на различной источниковой базе с привлечением нового документального материала. Данные Арутюняна использованы в таблице 1.

Одним из наиболее ценных исследований среди работ, основанных на личных наблюдениях, является книга Я.Е. Чадаева «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [18]. Автор с 1940 по 1949 гг. занимал пост управляющего делами Совета Народных Комиссаров (впоследствии – Совета Министров) СССР. Чадаев также сообщает в своей книге, что в предвоенные годы в нашей стране был рост сельскохозяйственного производства [18, с. 62–64].

Отдельно необходимо назвать большую исследовательскую и редакционную деятельность главного научного сотрудника Института российской истории РАН, руководителя Центра военной истории России, академика РАН Г.А. Куманёва по изучению целого ряда вопросов

рассматриваемой темы. Прежде всего, это сбор и публикация воспоминаний и других материалов непосредственных свидетелей военной поры и мирного строительства. В 2005 г. Куманёв опубликовал книгу «Говорят сталинские наркомы» [12]. Основу этой книги составили записи, интервью и беседы автора с государственными и политическими деятелями, руководителями различных отраслей народного хозяйства СССР, возглавлявшими народные комиссариаты.

В постсоветское время достижения сталинской экономики подвергались критике, порой переходившей в неоправданные нападки, а то и просто преподносились в искаженном виде. Пензенский историк В.В. Кондрашин в своей работе «Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны» голословно заявил: «Колхозная экономика находилась в кризисном состоянии, ярким проявлением которого стали продовольственные затруднения в городах и голод в сельской местности в 1940–1941 гг.» [11, с. 289].

Куманёв сообщает о том, что в предвоенные годы в СССР происходил рост сельскохозяйственного производства и приводит следующие показатели: «Валовая сельскохозяйственная продукция (в среднем за год, в границах до 17 сентября 1939 г.) по итогам первой пятилетки на 26% превышала уровень 1909–1913 гг., в годы второй пятилетки – на 32%, а в 1938–1940 гг. – на 43%. В течение трех с половиной лет третьей пятилетки, т.е. в 1938–1941 (первая половина) гг. в стране ежегодно заготавливалось в 1,2 раза больше зерна, чем во вторую пятилетку, и в 1,8 раза больше, чем в годы первой пятилетки [12, с. 368–369].

Известный советский и российский ученый М.А. Вылцан, автор таких работ, как «Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке» [5] и «Завершающий этап создания колхозного строя» [6], в 1995 г. назвал экономическую победу Советского Союза в сельском хозяйстве «Пирровой победой». Он пишет: «Надо ли говорить о том, что при ручной обработке земли урожаи сельскохозяйственных культур могли быть самые минимальные. Сельское хозяйство оказалось на грани развала. Укоренившиеся в исторической литературе недавнего прошлого пассажи, типа: “Война доказала жизненность колхозного строя”, “Сельское хозяйство одержало экономическую победу” – ничего общего не имеют с исторической правдой. Если по отношению к производству военной техники и вооружений можно и нужно говорить об экономической победе, то сельское хозяйство в “экономическую победу” явно не “вписывается”. Для него больше подошло бы определение “Пиррова победа”» [7, с. 41].

Невозможно согласиться с этим утверждением. Получается, что для Красной Армии – одна победа, для рабочих и служащих – другая,

для крестьян – третья. Победа в Великой Отечественной войне «одна на всех, мы за ценой не постоим», – писал поэт-фронтовик Б.Ш. Окуджава. Поэтому в данной статье мы рассмотрим хлебные поставки в СССР в предвоенные годы для того, чтобы показать прочный фундамент советского сельскохозяйственного производства, позволивший нашей стране одержать Победу в Великой Отечественной войне.

В Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) несколько лет назад были рассекречены дела о заготовке и закупке государством сельскохозяйственных продуктов у колхозов, колхозников, совхозов, единоличников и т.д., которые позволяют заново поднять этот вопрос и сделать новые выводы, отсутствующие в работах предшественников.

Важным источником для исследования данной темы является выступление И.В. Сталина 10 марта 1939 г. на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). Он назвал следующие цифры: «Следует отметить, что за последние три года ежегодные заготовки зерна не спускались у нас ниже миллиарда шестисот миллионов пудов зерна, подымаясь иногда, например, в 1937 году, до миллиарда 800 миллионов пудов. Если добавить к этому около 200 миллионов ежегодной закупки зерна, да несколько сот миллионов по линии колхозной торговли зерном, то мы получим в общем ту сумму отпуска на сторону товарного хлеба колхозами и совхозами, о которой упоминалось выше» [17, с. 74–75].

В период с 1936 по 1940 гг. в СССР происходит увеличение валового сбора зерна. В эти годы в Советском Союзе наблюдается рост (за исключением 1939 г.) посевных площадей под зерновые культуры, рост урожайности зерновых и, соответственно, рост валовых сборов хлеба в стране. Эти факты говорят о том, что из года в год в советском сельскохозяйственном производстве улучшалась агротехника, увеличивалась доля машинно-тракторных работ, уменьшались сроки уборки зерна, что препятствовало перезреванию зерна и осыпанию его на корню. Данные по валовым сборам, урожайности зерновых, а также данные по заготовкам зерновых в СССР в период с 1936 по 1940 гг. (а также для сравнения 1913 г.) сведены в таблицу 1.

Перед Великой Отечественной войной Советский Союз находился в полосе высоких урожаев (таблица 1). Низкоурожайным являлся лишь 1936 г., остальные годы были урожайными. Среднеурожайными были 1938 и 1939 гг., особенно же высокоурожайными были 1937 и 1940 гг. В 1940 г. был получен высокий урожай зерновых культур – 7,3 млрд пудов [3, с. 12] или почти 120 млн т. Такой результат был достигнут из-за высокой урожайности зерновых – 8,6 ц/га, а также вследствие увеличившейся, в сравнении с остальными годами рассматриваемого периода, площади вспашки земли – 150,4 млн га. Такие

Таблица 1

**Данные различных источников по валовым сборам,
урожайности и заготовкам зерновых (1913, 1936–1940 гг.)**

Год	Сталин И.В., Вознесенский Н.А.		Растяников В.Г., Дерюгина И.В.			Арутюнян Ю.В.		РГАЭ	
	Площадь, млн га	Всего, млн т	Площадь, млн га	Всего, млн т	Урожайность, ц/га	Урожайность, ц/га	Заготовка зерновых		Заготовка зерна к валовому сбору, %
							млн т	млрд пуд.	
1913	105,0	80,1	105,0	91,4	8,7	Не указано	21,30	1,30	26,6
1936	133,8	82,7	133,8	76,3	5,7	Не указано	25,52	1,58	31,3
1937	135,3	120,3	135,2	125,7	9,3	9,4	31,94	1,95	26,5
1938	136,9	95,0	136,9	99,9	7,3	7,3	29,09	1,78	30,6
1939	Не указано	97,4	133,7	100,3	7,5	7,4	30,95	1,89	30,9
1940	150,0	119,6	150,4	129,3	8,6	8,5	36,45	2,21	30,6

Источники: [1, с. 431; 3, с. 12; 4, с. 222; 8, л. 16; 9, л. 244; 14, с. 125–127; 16, л. 195; 17, с. 66–67, 72–73].

высокие урожаи зерновых позволяли государству получать по обязательным поставкам и закупкам от 1,6 до 2,2 млрд пудов зерновых ежегодно. Обязательные поставки колхозно-совхозной советской деревни составляли в 1936–1940 гг. 26–31% от общего валового объема сбора зерновых (таблица 1).

Далее в Отчетном докладе XVIII съезду говорилось: «Интересно... отметить, что за последние три года база товарного зерна переместилась из Украины, которая считалась раньше житницей нашей страны, на север и восток, то есть в РСФСР. Известно, что за последние два-три года Украина заготавливает зерна всего около 400 миллионов пудов ежегодно, тогда как РСФСР заготавливает за эти годы ежегодно миллиард сто – миллиард двести миллионов пудов товарного зерна» [17, с. 75].

Вознесенский подтверждает слова Сталина: «К началу первой мировой войны в России 25% всех ресурсов зерна давала Украина, 12,6% – районы Северного Кавказа и 12% – районы Поволжья. На долю Сибири, Урала и Казахстана приходилось только 18% всех ресурсов зерна.

Изменение в размещении зернового производства на территории СССР в сравнении с дореволюционным 1913 г. видно из следующих данных. Удельный вес Украины в валовом производстве зерна снизился с 25% в 1913 г. до 23% в 1940 г.; удельный вес Северного Кавказа уменьшился за те же годы с 12,6% до 10,6%; удельный вес районов Поволжья сохранился на уровне 12%. В то же время, Урал увеличил свою долю в производстве зерна с 8,4% до 9,7%; Сибирь увеличила свою долю с 7% до 11,7%, и Казахстан увеличил свою долю в производстве хлеба с 2,8% до 3,4%» [3, с. 90–91].

Украина из урожая 1939 г. в 1940 г. по обязательным поставкам сдала государству 476,2 млн пудов зерновых, что составляет 27,74% от общего количества заготовленного зерна в СССР (таблица 2). РСФСР из урожая 1939 г. в 1940 г. поставила в закрома Родины более 1,1 млрд пудов зерна, что составляет 64,55% от общего количества заготовленного зерна в СССР. Из урожая 1940 г. Украина поставила государству зерна больше, чем в предыдущем году – 507,5 млн пудов, но доля украинского зерна «в общем котле» оказалась ниже и составила 24%, т.е. почти на 3,7% меньше, чем из урожая 1939 г. Хлебопоставки РСФСР из урожая 1940 г. выросли почти на 30% по сравнению с урожаем 1939 г. и составили более 1,4 млрд пудов зерна. Поэтому доля РСФСР «в общесоюзном хлебном пироге» увеличилась в 1940 г. и составила 68,1%, т.е. хлебопоставки РСФСР выросли на 3,6%.

Интересно рассмотреть долевое участие южных республик, краев и областей в составе РСФСР, а также Украинской ССР в хлебопоставках из урожаев 1939 и 1940 гг. (таблица 3).

Таблица 2

**Поставки зерновых культур из урожаев 1939 и 1940 гг.
РСФСР и УССР**

Наименование республик	Поступление зерновых культур			
	На 1.07.1940 г.		На 1.04.1941 г.	
	тыс. пудов	%	тыс. пудов	%
СССР	1 716 747	100,00	2 112 898	100,00
РСФСР + УССР	1 584 332	92,29	1 947 047	92,15
РСФСР	1 108 107	64,55	1 439 583	68,13
УССР	476 225	27,74	507 464	24,02

Источники: [10, л. 236; 15, л. 176].

Таблица 3

**Поставки зерновых культур из урожаев 1939 и 1940 гг.
южными республиками, краями и областями в составе РСФСР,
а также Украинской ССР**

Наименование республик, краев и областей	Поступление зерновых культур			
	На 1.07.1940 г.		На 1.04.1941 г.	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
Краснодарский край	87 147	5,08	86 868	4,11
Ростовская обл.	74 094	4,32	85 438	4,04
Орджоникидзевский край	58 989	3,44	61 946	2,93
Воронежская обл.	53 369	3,11	55 612	2,63
Сталинградская обл.	47 648	2,78	73 498	3,48
Курская обл.	42 398	2,47	48 191	2,28
Орловская обл.	26 671	1,55	30 781	1,46
Крымская АССР	26 416	1,54	24 769	1,17
Всего по южным обл. РСФСР	416 732	24,27	467 103	22,11
УССР	476 225	27,74	507 464	24,02
<i>Итого:</i>	892 957	52,01	974 567	46,13

Источники: [10, л. 236; 15, л. 176].

Южные районы РСФСР (Крымская АССР, Краснодарский, Орджоникидзевский края), а также Ростовская, Воронежская, Сталинградская, Курская и Орловская области заготовили и сдали по обязательным поставкам в 1940 г. государству из урожая 1939 г. почти 416,7 млн пудов зерновых, что составляет более 24% от общего количества заготовок зерна и риса в СССР. Украинская ССР из урожая 1939 г. поставила в 1940 г. государству в счет обязательных поставок более 476,2 млн пудов зерна, что составляет 27,7% от общего количества заготовок зерна и риса. Таким образом, УССР и вышеуказанные южные края и области РСФСР в 1940 г. засыпали в закрома родины почти 893 млн пудов зерна или 52% от общего количества заготовленного зерна из урожая 1939 г.

В 1941 г. южные вышеуказанные районы РСФСР сдали государству по обязательным поставкам 467,1 млн пудов зерна, что составляет 22% от общих хлебопоставок, полученных Советским Союзом из урожая 1940 г. Украинская ССР сдала государству в 1941 г. почти 507,5 млн пудов зерна, что составляет 24% долевого участия. Суммируя эти данные, получаем, что южные районы РСФСР и Украинская ССР в 1941 г. сдали государству почти 974,6 млн пудов зерна из урожая 1940 г., что составляет 46% от общего количества зерновых, полученных Советским Союзом в счет обязательных поставок в 1941 г.

Следовательно, потеря либо попадание в прифронтовую полосу в ходе Великой Отечественной войны Крымской АССР, Краснодарского, Орджоникидзевского краев, а также Ростовской, Воронежской, Сталинградской, Курской и Орловской областей и Украинской ССР автоматически означало: население Советского Союза недополучит половину зерновых сельскохозяйственных продуктов.

Как известно, крестьянский сельскохозяйственный год в СССР начинался 1 июля и заканчивался 30 июня следующего года. Поэтому хлебопоставки крестьянства начинались с 1 июля и заканчивались 30 июня следующего года. Колхозно-совхозное советское крестьянство стремилось выполнить план заготовки зерновых по обязательным поставкам и засыпать зерно в закрома Родины как можно быстрее (таблица 4). Очевидно, это было связано с отсутствием желания хранить зерно до весны в зернохранилищах. Поэтому колхозы и совхозы Советского Союза с 1 июля по 31 августа, т.е. за два первых месяца, сдавали до половины зернопоставок. С 1 сентября по 30 ноября, т.е. за следующие три месяца, труженики сел и деревень к половине сданного ранее зерна добавляли еще 40% зернопоставок. Таким образом, к 1 декабря текущего сельскохозяйственного года, т.е. года сбора зерна, колхозно-совхозное крестьянство успевало сдать государству до 90% от всего объема зерна, которое требовалось сдать по обязательной поставке. И далее, к началу

следующего года (т.е. к 1 января), крестьяне сдавали свыше 95% от общего объема зернопоставок.

Таблица 4

Заготовка зерновых культур. Нарастающий итог

Зернопоставки на конец месяца	1939–1940 гг.		1940–1941 гг.	
	млн пуд.	% к итогу	млн пуд.	% к итогу
Июль	392,7	22,7	163,5	7,7
Август	942,2	54,6	1043,2	49,3
Сентябрь	1269,4	73,5	1688,9	79,8
Октябрь	1444,2	83,6	1932,1	91,2
Ноябрь	1563,2	90,5	2020,3	95,4
Декабрь	1644,7	95,2	2084,3	98,4
Январь	1668,3	96,6	2103,7	99,3
Февраль	1687,4	97,7	2110,4	99,7
Март	1703,4	98,6	2112,9	99,8
Апрель	1708,5	98,9	2115	99,9
Май	1727,1	100,0	2115,9	99,9
Июнь	1727,1	100,0	2117,5	100,0

Источник: [13, л. 69].

Высокий урожай зерновых 1940 г. позволил создать в нашей стране государственный резерв и мобилизационные запасы хлеба, которые составляли к январю 1941 г. 6,16 млн тонн зерна, муки и крупы. Об этих запасах упоминает нарком земледелия СССР в 1937–1943 гг. И.А. Бенедиктов в своем интервью Куманёву [12, с. 372].

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Советское крестьянство, организованное государством в колхозное и совхозное хозяйствование, сумело ежегодно увеличивать объемы зерна и риса по обязательным поставкам, закупкам и другим источникам поступления. Все эти и другие мероприятия, достигнутые рубежи позволили кооперированному сельскому хозяйству СССР выстоять во время тяжелой войны, продемонстрировать силу и жизнеспособность еще не окрепшего тогда колхозного строя.

Библиографический список

1. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е, доп. М., 1970.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12-и т. М., 2014. Т. 7.
3. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947.
4. Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985.
5. Вылцан М.А. Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке. М., 1959.
6. Вылцан М.А. Завершающий этап создания колхозного строя. 1935–1937. М., 1978. 263 с.
7. Вылцан М.А. Крестьянство России в годы большой войны 1941–1945. Пиррова победа. Научные доклады. № 26. М., 1995.
8. Заготовка и закупка зерна и риса по СССР // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040 (Министерство хлебопродуктов СССР). Оп. 3. Д. 36. Л. 16.
9. Заготовка и закупка зерна и риса по СССР. От 25 марта 1946 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040 (Министерство хлебопродуктов СССР). Оп. 3. Д. 1151. Л. 244.
10. Заключительная сводка. Поступление зерновых культур. На 1 июля 1940 г. От 20 декабря 1940 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040 (Министерство хлебопродуктов СССР). Оп. 3. Д. 981. Л. 236.
11. Кондрашин В.В. Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2005. Т. 7. № 2. С. 289–300.
12. Куманёв Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005.
13. Нарастающий итог. Заготовка зерновых по СССР // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040 (Министерство хлебопродуктов СССР). Оп. 3. Д. 873. Л. 69.
14. Растяников В.Г., Дерюгина И.В. Урожайность хлебов в России. 1795–2007. М., 2009.
15. Сводка № 5. Поступление зерна и риса с начала кампании по состоянию на 1 апреля 1941 г. от 2 апреля 1941 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040. Оп. 3. Д. 756. Л. 176.
16. Сопоставительные данные о поступлении хлеба государству по отношению к валовому сбору по СССР // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040 (Министерство хлебопродуктов СССР). Оп. 3. Д. 1151. Л. 195.
17. Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). М., 1950.
18. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. М., 1985.

С.И. Белов, Ю.А. Никифоров

Правовое регулирование взаимоотношений военнослужащих Красной армии и гражданского населения Польши в период 1944–1945 гг.¹

Представленное исследование посвящено изучению вопроса о правовом регулировании взаимоотношений личного состава советских войск и гражданского населения Польши на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Освещается нормативно-правовая база коммуникации сторон. Раскрыта тема соответствия между реальным поведением военнослужащих и предписанными им моделями поведения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, Польша, Освободительной миссии Красной армии в 1944–1945 гг., солдат-освободитель, освобождение Польши от немецкой оккупации, регулирование отношений советских военнослужащих и польского населения в 1944–1945 гг., гражданское население Польши в 1944–1945 гг.

В современном обществе история все чаще становится ареной политической борьбы. Подобный подход к изучению событий прошлого имеет давние корни, однако в последние десятилетия этот феномен претерпел качественные изменения. Прошлое служит полем битвы в глобальной информационной войне. При этом участников противостояния отличает неразборчивость в средствах. Последнее выражается в значительном росте объема исторических фальсификаций. Масштабы этого явления в последние десятилетия приобрели особый размах. Специалисты вынуждены с сожалением констатировать, что в современном обществе все чаще наблюдаются случаи искажения массового исторического сознания, утраты основных символов социальной памяти и дискредитации сообщества профессионалов-исследователей в глазах значительной части населения [5; 9; 10].

Выбор фальсификаторами объектов искажения имеет выраженные предпочтения. Одним из излюбленных предметов фальсификаций является история Второй мировой войны, представляющая собой поле предельной концентрации символов национальной памяти для ведущих

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-21-01009.

держав мира и их народов. Чаще всего публицисты, специализирующиеся на искажении событий величайшей из войн, что знало человечество, идут по пути «разоблачения исторических мифов». Особым вниманием в рамках этого дискурса пользуется тема Освободительной миссии Красной армии в Европе в 1944–1945 гг.

Под видом развенчания советских «мифов о войне» на деле осуществляется конструирование нового мифа (образа), демонизирующего солдат Красной армии, представляющего их как некий аналог вандалов или гуннов. Как правило, для конструирования соответствующего – далекого от реальности – образа солдата-освободителя используется материал, свидетельствующий о якобы массовой практике насилия со стороны красноармейцев по отношению к гражданскому населению освобождаемых стран Восточной и Центральной Европы [9]. Соответствующая мифология, конструируемая с использованием приемов манипуляции сознанием, служит обоснованием для набирающей обороты войны с памятниками воинам-освободителям, «декоммунизации названий» и т.п. Прежде всего, следует обратить внимание на произошедший в последние несколько лет всплеск соответствующих настроений в Польше, власти которой развернули целенаправленную атаку на память о Второй мировой войне, беззастенчиво переписывая историю. В рамках новой «политики памяти» монументы и места захоронений советских солдат на территории Польши интерпретируются как «памятники оккупации» [11].

В определенной степени данная ситуация отчасти обуславливается внутренними причинами – спецификой государственного развития современной Польши. После крушения социалистического лагеря на территории данного государства установился гибридный политический режим, сочетающий в себе элементы авторитаризма и демократии. Соединение двух принципиально отличных элементов в рамках системы властных институтов закономерно обусловило и противоречия во внутренней политике Польши, а именно – в рамках «политики памяти», реализуемой официальной Варшавой. В социалистический период истории Польши события Второй мировой войны презентовались, в основном, в рамках дискурса «памяти победителей», однако после падения коммунистического режима последний начал сочетаться с речевыми практиками «памяти жертв». Более того, с течением времени «память жертв» начала преобладать, причем была произведена коренная ревизия ее содержания. Если ранее упор делался на противоправных и, в целом, антигуманных действиях немецких оккупационных властей, то постепенно основным трендом развития «памяти жертв» стала демонизация советских военнослужащих.

В то же время, эксперты отмечают, что эскалация данной тенденции на современном этапе связана с общим процессом формирования «образа врага» в лице России в западноевропейских и американских СМИ, связанным с текущим политическим моментом, и представляет собой особую форму политического давления [6].

В совокупности перечисленные факторы ставят перед российским академическим сообществом масштабную задачу ревизии на основе принципов объективности и системности темы взаимоотношений военнослужащих Красной армии и населения Польши в период освобождения от немецкой оккупации.

Изучению данной темы должно закономерно предшествовать исследование нормативно-правовой базы, на основании которой осуществлялось взаимодействие представителей советских войск и польского населения. Приступая к освещению данной проблемы, в первую очередь, необходимо подчеркнуть, что советское руководство накануне вступления Красной армии на территорию западнее «линии Керзона»¹ предприняло ряд шагов, направленных на завоевание лояльности этнических поляков. В Кремле учли уроки как 1920, так и 1939 гг. 31 июля 1944 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял специальное постановление, в котором были закреплены базовые принципы политики в отношении населения Польши.

Содержание данного нормативно-правового акта отличал прагматизм. Как и на территории соседней Западной Украины, в Польше было запрещено, за исключением особых случаев, создавать колхозы или вести агитацию за их образование. Зная о высокой степени приверженности поляков католицизму, советское командование приказало войскам не препятствовать исполнению религиозных обрядов. Также бойцов Красной армии обязали гарантировать польским гражданам охрану принадлежащей им частной собственности и личных имущественных прав [8, с. 114–117; 12, л. 11].

Перед вступлением советских войск на территорию Польши политработники провели соответствующую работу с личным составом, в т.ч. ознакомив солдат и офицеров со всеми документами, принятыми властями относительно поведения бойцов Красной армии западнее линии государственной границы СССР [Там же, л. 10, 19].

В частности, Военным Советом и политуправлением 1-го Белорусского фронта была организована рассылка по всем политотделам фронта типовой справки по истории польского государства, содержавшей

¹ «Линия Керзона» – рекомендованная в декабре 1919 г. Верховным Советом Антанты восточная граница Польши.

в себе характеристику его устройства, политико-экономического положения, культуры, уклада жизни, нравов населения и т.д. Помимо этого, бойцам были прочитаны лекции и доклады, а также проведены беседы на следующие темы: «Задачи личного состава в связи с вступлением Красной армии на территорию Польши», «Победа над германским фашизмом лежит через освобождение народов Европы», «Воин Красной армии – представитель самой сильной и культурной армии в мире», «Железная воинская дисциплина и высокая бдительность – залог победы над врагом», «Красная армия выполняет историческую роль – освобождает народы Европы от фашистского рабства» [8, с. 119].

В директивных инструкциях, созданных на основе постановления ГКО от 31 июля 1944 г., содержался запрет на присвоение личной собственности жителей освобождаемых территорий. Равным образом бойцам воспрещалось заниматься рубкой леса или же предлагать местным жителям советскую валюту. В качестве санкции за нарушение указанных норм было установлено предание обвиняемых суду военного трибунала [Там же, с. 120].

Целенаправленная работа политработников с личным составом и жесткие дисциплинарные меры, конечно, не могли полностью устранить негативные явления в Красной армии, но все же должны были значительно ограничить масштабы стихийных реквизиций и произвола по отношению к польским гражданским лицам.

В частности, к 7 августа 1944 г. (через три недели после вступления на территорию Польши) прокуратурой 1-го Украинского фронта было возбуждено 100 дел по факту правонарушений, совершенных советскими военнослужащими на территории Польши. Свыше 50 из них на тот момент закончились осуждением обвиняемых. При этом, среди вменяемых в вину солдатам и офицерам Красной армии преступлений имелись лишь 4 эпизода изнасилования и 1 случай убийства. На фоне того, что общая численность войск 1-го Украинского фронта была приблизительно равна 1,2 млн чел. [4], это позволяет сделать вывод о крайней незначительности масштабов явления. Безусловно, возникает вопрос о степени достоверности и объективности материалов военной прокуратуры. Однако особое внимание, проявляемое советским руководством к завоеванию симпатий мирного населения Польши, косвенным образом свидетельствует о том, что прокуратура не могла системно игнорировать факты произвола красноармейцев по отношению к гражданским лицам. Отказ от идеи создания колхозов или даже проведения агитации за их образование, запрет препятствовать исполнению религиозных обрядов, включение в состав Люблинского правительства Польши представителей социалистических и крестьянских партий, обещания значительного

расширения территории польского государства, – все перечисленные факты указывают на то, что Москва была крайне заинтересована в обеспечении лояльности мирного населения освобожденной Польши и не могла позволить военному руководству закрыть глаза на факты произвола в отношении нонкомбатантов [4, с. 236–276; 12, л. 1, 10, 12, 19].

На заседании Военного совета 1-го Украинского фронта 7 августа 1944 г. было упомянуто о 20 зафиксированных случаях мародерства со стороны солдат соединений, подчиненных маршалу И.С. Коневу. Чаще всего имели место случаи присвоения лошадей и гуртов скота. Например, член Военного совета 3-й гвардейской армии генерал-майор И.С. Колесниченко упоминал о захвате 32 лошадей. При этом подчеркивалось, что виновники в большинстве случаев были обнаружены и понесли наказание. Командование 1-го Украинского фронта также обращало внимание на то, что поляки, «как ярые частные собственники», крайне жестко реагировали на случаи потравы хлебов и овса. Особенно часто подобные обвинения звучали в адрес 6-го кавалерийского корпуса. Последнее подразделение также заработало себе дурную славу среди поляков в процессе заготовок – его представители вместо денег выдавали хозяевам ферм некие бумаги, по которым советское правительство якобы должно было компенсировать землевладельцам все издержки после завершения войны [Там же, л. 2, 3].

Подобные практики стали причиной издания командованием Красной армии новых нормативно-правовых актов, регулирующих поведение советских бойцов на освобожденной территории. С целью прекращения случаев незаконного захвата имущества местных жителей командованием был реформирован порядок проведения заготовок. Продукты было решено приобретать строго за наличный расчет, через подрядчика, а не напрямую у производителя (что значительно сужало возможности негласных поборов), а затем свозить на специальные сборные пункты, опираясь на которые, можно было бы наладить централизованное снабжение войск [Там же, л. 3, 5]. Также советским командованием были разработаны документы, ставшие правовой основой для организации совещаний начальников политорганов, посвященных проблеме мародерства, и интенсификации процесса подготовки комендантов, на которых была в том числе возложена задача борьбы с хищениями имущества местных жителей. Перечисленные меры способствовали значительному сокращению случаев мародерства [Там же, л. 10].

Однако, несмотря на рост дисциплины в войсках после принятия соответствующих решений в августе 1944 г., задача борьбы с мародерством и разного рода мелкими правонарушениями среди частей Красной армии продолжала оставаться актуальной. В директиве Военного

совета 1-го Белорусского фронта № 044 от 23 января 1945 г. упоминалось, что отставшие от своих частей солдаты Красной армии зачастую занимались попрошайничеством и мародерством, пьянствовали, совершали хулиганские выходки. Было также отмечено, что во время движения через крупные населенные пункты многие командиры и политработники демонстрируют примиренческое отношение к фактам мародерства и чрезмерного употребления алкоголя со стороны своих подчиненных. Отдельные офицеры и вовсе поощряли практику мародерства в отношении продуктов питания, усматривая в этом проявление предприимчивости своих солдат, хотя бы частично освобождающей командиров от заботы о снабжении части. Помимо этого, в документах упоминалось, что дивизионные и полковые обозы, в особенности, в артиллерийских частях, «загружены всяким хламом» [1, л. 66].

Военным советом 1-го Белорусского фронта были даны указания в кратчайшие сроки наладить точный учет личного состава и отправить ответственных офицеров для сбора отставших красноармейцев, снабдив их при необходимости автотранспортом, а также пресечь мародерство и «барахольство». Кроме того, было приказано очистить обозы от ненужных для боя вещей и запретить впредь их перевозку [Там же, л. 67–68].

Урегулировать ситуацию позволило также заключение соглашения между правительством СССР и Люблинским правительством. В соответствии с основанным на данном нормативном акте приказом Ставки ВГК командующим 1-го, 2-го, 3-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов № 220318/сс от 1945 г., западнее «линии Керзона» трофеями можно было считать лишь принадлежащие воинским частям противника вооружение, боеприпасы, технику, военно-интендантское и военно-техническое имущество, горюче-смазочные материалы и содержимое войсковых продскладов. К числу трофеев отныне не относились автомашины с награбленным и реквизированным немцами у местного населения имуществом, которые было приказано брать под охрану и передавать по акту местным органам власти после соответствующего ходатайства со стороны последних. Советское командование воспрещало рассматривать в качестве трофеев и изымать на территории Польши имущество частных владельцев, кооперативных организаций, промышленных предприятий и муниципалитетов. В отношении имущества владельцев поместий, бежавших вместе с отступающей немецкой армией, действовало особое правило – все оставленные ими ценности полагалось брать под охрану и передавать по акту польским органам власти [7].

Все жалобы населения о самовольном изъятии имущества советскими войсками предписывалось тщательно расследовать, как минимум,

компенсируя, в случае подтверждения жалоб, понесенный местными жителями урон (в том случае, если конкретного виновника происшедшего установить не удалось) [7].

Все перечисленные меры способствовали сокращению числа фактов произвола советских военнослужащих в отношении гражданского населения Польши, заметно улучшив взаимовосприятие двух сторон в период, последовавший за проведением Висло-Одерской операции [3, л. 434-437, 441, 442; 12, с. 18].

Таким образом, можно заключить, что советское политическое руководство и военное командование прикладывало значительные усилия для обеспечения защиты прав и свобод населения освобождаемых территорий Польши, причем, исходя из соображений политической целесообразности, разработчики соответствующих нормативно-правовых актов поставили военнослужащих Красной армии в крайне стесненное в плане бытовых удобств положение. В то же время представляется вполне естественным, что в условиях порождаемой войной социальной аномии среди бойцов Красной армии происходил рост правового нигилизма, остановить который были призваны репрессивные практики и заполнение выявляемых пробелов при помощи нормативно-правовых актов, регулирующих взаимодействие с польским населением.

Библиографический список

1. Директива Военного Совета 1-го Белорусского фронта № 044, 23 января 1945 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 236 (1-й Украинский фронт). Оп. 2380. Д. 34. Л. 66.
2. Директива Военного Совета 1-го Белорусского фронта № 044, 23 января 1945 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 34. Л. 67, 68.
3. Донесение отдела по руководству военными комендатурами Военного Совета 1-го Украинского фронта начальнику Политуправления 1-го УФ о деятельности военных комендатур на освобожденной территории Польши, 13 марта 1945 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 236. Д. 33. Л. 434-437, 441, 442.
4. Конев И.С. Записки командующего фронтом. М., 1972. С. 236–276.
5. Никифоров Ю.А. О современных приемах искажения прошлого // Преподавание истории в школе. 2010. № 9. С. 4–11.
6. Польша сносит более 500 памятников советским воинам // MAXPARK. URL: <http://maxpark.com/community/129/content/5164521> (дата обращения: 14.10.2016).
7. Приказ Ставки ВГК Командующим 1-го, 2-го, 3-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов № 220318/сс, 1945 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 33. Л. 71.

8. Сенявская Е.С. Солдаты Красной Армии на польских землях: психологические аспекты отношений с польским гражданским населением // Военно-исторический архив. 2002. № 2(26). С. 114–117.
9. Сенявская Е.С. Освободительная миссия СССР во Второй мировой войне как объект искажения исторической реальности и исторической памяти // СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне: Сб. материалов научно-практической конференции, приуроченной к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 21–22 апреля 2010 г. М., 2010. С. 40–42.
10. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния // Российская история. 2007. № 2. С. 139–151.
11. Снос памятников советским воинам в Польше // РИА Новости / Россия сегодня. URL: http://ria.ru/trend/Poland_monuments_demolition_31032016/ (дата обращения: 14.10.2016).
12. Стенограмма заседания Военного Совета 1-го Украинского фронта, 07 августа 1944 г. // Центральный архив Министерства обороны. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 20.

М.К. Чиняков

Волонтеры Французского Иностранного легиона в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.

В работе исследуется участие волонтеров Французского Иностранного легиона из числа иностранцев в Первой мировой войне 1914–1918 гг. К сожалению, из-за скудости материалов разнообразные аспекты их участия в боевых действиях в составе частей французских вооруженных сил (военный быт, динамика настроения, боевой дух, эффективность уровня боевой подготовки, политические и юридические проблемы, противоречия между политическими организациями, взявшими на себя организующую роль волонтерского движения и др.) до сих пор остаются малоизученными, а порой и вовсе неизвестными даже для французской и английской литературы, не говоря уже о русской.

Ключевые слова: Иностраннный легион, Первая мировая война 1914–1918 гг., волонтеры, Франция, Маршевые полки, Иностраннные полки.

Данная тема в отечественной литературе до сих пор является настоящим «белым пятном». Так, российские читатели могут почерпнуть некоторые сведения, да и то общего характера, практически только из одной книги (переводной на русский язык) [1]. Выявить работы об иностранных волонтерах в зарубежной литературе представляется затруднительным, ибо во Французском Иностранном легионе воевали носители нескольких десятков языков. Можно предположить, что основной массив литературы представлен на французском, итальянском и английском языках, но только в рамках общей истории Иностранного легиона. Отдельных исследований именно по участию волонтеров легиона в Первой мировой войне (во Франции ее назвали Великой войной) даже на французском языке насчитываются единицы [9; 19; 22; 25].

Для лучшего понимания текста статьи следует отметить некоторые особенности терминологии. Иностранцы-волонтеры – это иностранные подданные или граждане, завербовавшиеся на добровольной основе с обязательством воевать до конца войны (*engagés volontaires pour la durée de la guerre*, EVDG) в разные части французских войск, делившихся на три части: войска метрополии, Африканская армия, располагавшаяся во Французской Северной Африке, и колониальные войска. Иностранцы-волонтеры легиона (волонтеры легиона) – это почти 100% иностранных волонтеров, зачисленных в состав частей и подразделений Иностранного легиона. Необходимо заметить, что волонтеры легиона часто называли себя легионерами, что неверно, поскольку легионеры Иностранного легиона – лица, подписавшие 5-летний контракт на прохождение службы в составе легиона (независимо от начала или окончания какого-либо военного конфликта). К 1914 г. Иностранное легионное подразделение входило в состав Африканской армии, но с особым статусом.

Начавшаяся Первая мировая война вызвала всплеск патриотизма и энтузиазма в обоих враждовавших лагерях. Вместе с французами, которые шли защищать свою родину, на защиту Франции поднялись эмигранты (вольные и невольные) как из союзных, так и из нейтральных стран, и иностранцы из нейтральных государств (Италия, США). Порыв волонтеров был подкреплен специальной пропагандой в виде призыва к иностранцам, проживавшим во Франции, во французских газетах. Так, 29 июля 1914 г. итальянский писатель и один из первых кинокритиков Р. Канудо, швейцарский писатель Б. Сандра и другие представители творческой интеллигенции из числа эмигрантов обратились ко всем иностранцам во Франции с призывом: «Час пробил! <...> Интеллигенты, студенты, рабочие, все физически крепкие и здоровые мужчины, – рожденные вне Франции, но проживающие на ее территории, – все мы, кто нашел здесь пищу для нашего ума или пищу для нашего тела, обязаны сгруппироваться в единый крепкий кулак и поступить на службу Франции, самой прекрасной стране в мире!» [13, с. 25; 25, р. 7].

Хотя Париж уже имел опыт формирования отрядов (точнее, одного батальона) из иностранных волонтеров в рядах Иностранного легиона во время франко-прусской войны 1870–1871 гг., он неожиданно для себя столкнулся с наплывом иностранцев, желавших служить Франции с оружием в руках. 3 августа французское правительство издало специальное постановление о приеме с 21 августа на военную службу иностранцев. Однако, в соответствии с законом от 22 августа 1870 г., разрешавшим иностранцам служить только в рядах Иностранного легиона, которому со времени создания (9 марта 1831 г.) запрещалось служить во Франции, Париж зачислил волонтеров в части Иностранного

легиона (известного дурной репутацией), что вызвало недоумение со стороны волонтеров, желавших встать в ряды французских полков. Один из волонтеров рассказывал: «Мы стали добровольцами с крайним воодушевлением... мы должны были жертвовать жизнями во имя Франции!.. Это было так прекрасно, и наша душа пела! Но потом настал кошмар. Все происходившее вокруг нас казалось нам театром абсурда. Мы попали в Иностраннный легион и оказались среди людей с темным и отвратительным прошлым» [4, л. 43]. Французский военный атташе в Лондоне получил письмо от знакомого, чей племянник оказался в волонтерах легиона. Последний писал: «Мы хотели нести военную службу, а не служить с отбросами общества» [11, с. 61–62; 23, с. 345].

В первые месяцы морально-психологическая обстановка среди волонтеров была тяжелой ввиду пренебрежительного отношения к ним легионеров, считавших волонтеров насильно мобилизованными. Легионное начальство видело сохранение и поддержание дисциплины в принуждении, а лояльные командиры терялись на фоне коллег, почитавших грубую силу как самую приемлемую форму сохранения дисциплины. Унтер-офицеры называли волонтеров «метеками» (так в тот период во Франции презрительно именовали иностранцев). Один из легионеров с пренебрежением говорил им: «Дураки, идиоты! Вы что, хотите сказать, что пришли воевать за свободу и цивилизацию?!» [23, р. 342]. Некоторые доведенные до отчаяния волонеры решались на самоубийство. Эти сведения выглядят резким контрастом на фоне пафосных заявлений французской прессы о крепкой дружбе между волонтерами и легионерами [16]. Вместе с тем, один из волонтеров ничем не выражал своего недовольствия: «Я чувствую себя счастливым и довольным. Каждая минута здесь стоит обычной недели жизни» [10, р. 45]. Некоторые волонтеры даже находили среди легионеров собеседников в разговорах на общественно-политическую и философскую тематику [23, р. 339, 341].

В волонтеры записались представители свыше 40 народов Европы, Северной и Южной Америк, Африки, Азии, включая 111 японцев и 15 китайцев. По данным на 1 января 1915 г., в тройку лидеров самого большого количества волонтеров вошли: итальянцы (4913 человек), русские (3393) и швейцарцы (1467 человек). Лидер тройки был предсказуем, ибо именно итальянцы в тот период занимали первое место среди всех эмигрантов во Франции. Среди известных волонтеров можно назвать вышеупомянутых Канудо и Сандра, старшего брата Я.М. Свердлова и крестника А.М. Горького З.А. Пешкова, российского философа А. Койре (Койренского), польского еврея художника Л. Маркусси, будущего убийцу С. Петлюры С.И. Шварцбурда (Шварцбарда)

с братом, американских писателя К. Уикса и поэта А. Сигера, венесуэльского писателя Э. де Бенгоэчеа, сына бывшего персидского посла во Франции Кахраман-хана (он вступил в волонтеры легиона под именем Назар-ага), победителя Тур де Франс (1909 г.) люксембуржца Ф. Фабе, потомков Х. Колумба братьев К.Б. и Ф.Б. де Куирос, чешского художника-кубиста О. Гутфрэйнда, родившегося во Франции британского писателя А. Эрланда. (В волонтеры записался и польский эмигрант В. Вонж-Костровицкий, более известный как Г. Аполлинер, но Париж сразу предоставил ему французское гражданство, и поэт воевал в войсках метрополии.) Как остроумно свидетельствовал французский журналист, в легионе иностранные волонтеры «говорят на большем количестве языков, чем у подножия Вавилонской башни» [16] (см. также [2, с. 53]). В волонтеры записывались музыканты, механики, инженеры, актеры, торговцы, фермеры, преподаватель-филолог Колумбийского университета, адвокаты, охотник за слонами, парикмахеры, фармацевты, торговцы, рабочие, журналисты, служащие банков, портные, маляры, циркачи. Одним из самых малолетних волонтеров стал 15-летний подросток из США М. Рокл, приписавший себе два лишних года. Абсолютное большинство волонтеров не имело никакой военной подготовки.

Причины, побудившие волонтеров отправиться на фронт, были, разумеется, разнообразными. Один русский волонтер попытался объяснить свой шаг: «Так или иначе, мы ушли на войну, не навязывая никому своего решения, и почти сразу же попали в боевую обстановку, которая быстро заставила позабыть нас, что в тылу есть инако думающие и что может возникнуть самая настоящая, не терпящая отлагательства, необходимость обоснования нашего шага во избежание превратных толкований» [2, с. 80]. Итальянец К. Марабини на вопрос о причинах записи в волонтеры ответил: «Сейчас на просторах Франции разворачиваются не боевые действия, а возводятся баррикады для второй революции. Первая произошла в 1789 г. – борьба за права человека, сейчас начинается вторая – борьба за права народов. <...> И вы хотите, чтобы итальянцы остались в стороне?!» [20, р. 32–33] (см. также [25, р. 5–6]. Велосипедист Фабе (родившийся во Франции) выразил самые искренние и прекрасные чувства: «Всем своим существованием я обязан Франции, и в час, когда она терпит лишения, я обязан выступить на ее защиту» [18, р. 103].

Впрочем, на фронт люди шли не только из-за высоких материй. Один итальянец на вопрос военного журналиста Б.В. Савинкова, почему он пошел на фронт, ответил: «Как вам сказать? Пошли товарищи, ну, и я тоже пошел» [5, с. 54] (см. также [23, р. 387, 671; 24, р. 163]). Волонтерами становились и для того, чтобы не дать семье умереть с голода;

французы называли таких волонтеров «голодранцами» и «попрошайками» (иногда французы называли так и итальянских эмигрантов, включая даже тех, кто пошел воевать за Францию совершенно добровольно). Зафиксирован даже случай, когда некий итальянец, арестованный во Франции 5 августа 1914 г. за распространение левой пропаганды, с согласия властей вместо тюрьмы записался в волонтеры. Для осмысления причин записи в волонтеры нельзя не заметить (невзирая на их чувства), что люди по обе линии фронта надеялись на краткосрочность конфликта [3, стлб. 244; 23, р. 343; 24, р. 149, 152, 158].

С 21 августа начался прием волонтеров во французскую армию, продолжавшийся в течение всей войны. Призывные пункты для них работали в трех регионах: во Франции, Алжире (по конституции Франции 1848 г. Алжир вошел в состав Франции, где занимал особое положение) и Танжере (Марокко). Отбор был суровым: приняли только каждого третьего из желавших защищать Францию. Отказали и русскому писателю И.Г. Эренбургу: «Какие изъяны во мне обнаружил военный врач, не знаю; может быть, я показался ему чересчур дохлым – нельзя безнаказанно в течение трех или четырех лет предпочитать стихи говядине» [7, с. 155] (см. также [2, с. 93]).

Общее количество всех волонтеров Иностранного легиона в точности неизвестно. По сведениям, специально подсчитанным (к 1924 г.) депутатом Палаты представителей Франции А. де Лионом де Фешеном, всего во французских войсках воевало в период войны 29 796 волонтеров [26, р. 29]. По данным современного французского исследователя Ф. Гийо, к 25 декабря 1914 г. в легионе служили 10 тыс. иностранцев, к марту 1915 г. – 7 тыс. чел., всего 17 тыс. чел. [13, р. 32]. По некоторым данным на 1 апреля 1915 г., с 21 августа 1914 г. иностранных волонтеров завербовалось 32 тыс. чел. [10, р. 41]. По сведениям современного английского историка Иностранного легиона Д. Порча, к 1915 г. насчитывались 21 887 чел. [23, р. 337–338] (см. также [8, р. 13 (note); 13, р. 32; 14, р. 297; 22, р. 76; 23, р. 337–338]). Нельзя не заметить, что методика подсчета количества иностранных волонтеров до сих пор не ясна.

К 1914 г. Иностраннный легион состоял из двух 6-батальонных Иностраннных полков, дислоцировавшихся в Алжире: 1-го и 2-го, при которых существовали два Маршевых полка (1-й Маршевый полк (МП) 1-го Иностранного полка и 1-й МП 2-го Иностранного полка). Оба Маршевых полка не участвовали в Великой войне во Франции, т.к. они воевали в Марокко. Формирование новых полков из волонтеров легиона прошло сложные этапы, и базировалось на трех принципах.

В соответствии с первым, французы решили произвести некую амальгаму, наподобие объединения по декрету Конвента от 26 февраля

1793 г. регулярных частей армии с волонтерскими формированиями. От каждого Иностранного полка Париж взял по батальону и добавил по батальону волонтеров, ставших основой двух 2-батальонных Маршевых полков: 2-го МП 1-го Иностранного полка и 2-го МП 2-го Иностранного полка.

Поскольку без применения оставалось достаточное количество волонтеров, французы решили использовать легионеров теперь в качестве офицерского и унтер-офицерского состава, и сформировали дополнительно еще по два батальона в каждом из двух полков.

Формирование 3-го МП 1-го Иностранного полка представляло третий путь: в качестве командного и унтер-офицерского состава французы прибегли к помощи офицеров из резерва (в их числе находился 51-летний лейтенант резерва Ж.-М.-С. Думик, брат Р. Думика, историка литературы и члена Французской академии) и из пожарных (представлявших полувоенную организацию). Численность полка росла медленно (возможно, из-за отсутствия стабильных источников пополнения): 6 сентября насчитывалось 14 офицеров и 544 солдата, к 1 октября – 12 офицеров и 784 солдата [19, р. 162–163].

Особенный путь формирования проявился при создании батальона «С» 2-го МП 1-го Иностранного полка, где были созданы роты по национальному признаку (из чехов, словаков, греков, поляков), – создание национальных частей в рамках Иностранного легиона категорически воспрещалось.

Самое крупное исключение французы допустили при формировании 4-го МП 1-го Иностранного полка. Поскольку итальянцы составляли абсолютное большинство среди волонтеров, французское командование не без долгих колебаний приняло беспрецедентное решение: сформировать из них отдельный полк (частично с итальянским, частично с французским командным составом), получивший неофициальное название «Гарибальдийский легион» в честь знаменитого освободителя Италии Дж. Гарибальди, под командованием его внука – подполковника П. Гарибальди. Этот легион постигнет трагическая участь: через три недели пребывания на передовой из состава в 2–3 тыс. человек он потерял (к январю 1915 г.) убитыми и без вести пропавшими около 1,2 тыс. человек, включая погибших на поле брани двух внуков Гарибальди – Бруно, убитого в первом же бою легиона, и Константе [9, р. 16; 26, р. 34–35, 40]. Полк отправили в спокойный сектор, где 5 марта 1915 г. он был расформирован. Именно в этом полку служил Л. Понтичелли (1897–2008) – один из ветеранов Первой мировой войны, доживший до начала XXI в.

Таким образом, на основе иностранных волонтеров Париж сформировал четыре полка: 2-й, 3-й и 4-й МП 1-го Иностранного полка

и 2-й МП 2-го Иностранного полка. На начальном этапе формирования каждый Маршевый полк приблизительно включал: штаб, 4 батальона (по 850 чел.) по 4 пехотные роты и 1 пулеметному взводу (2 пулемета), всего в полку 3500 чел. при 8 пулеметах. Только «Гарибальдийский легион» состоял из трех батальонов, но лишь в силу нежелания Парижа, вызванного скорее политическими, нежели юридическими проблемами, поскольку итальянцы при необходимости были готовы сформировать на территории Франции несколько итальянских полков [21, р. 145–146, 149]. К тому же, Париж боялся дать другим волонтерам прецедент на образование собственных частей по национальному признаку.

В силу больших потерь, 13 июля 1915 г. 3-й МП 1-го Иностранного полка вошел в состав 2-го МП 1-го Иностранного полка, а 11 ноября 1915 г. (ровно за три года до окончания войны), на основе двух оставшихся из четырех «волонтерских полков» (2-го МП 1-го Иностранного полка и 2-го МП 2-го Иностранного полка), Париж сформировал 3-батальонный Маршевый полк Иностранного легиона (МПИЛ), в последующем один из самых знаменитых полков легиона.

В начале формирования Маршевых полков волонтеры столкнулись с большими проблемами в снабжении, поскольку даже питаться приходилось за собственные деньги, т.к. за счет правительства их кормили, по словам очевидца, «кое-как и кое-чем». Форму выдали с большим опозданием и самую скверную и потрепанную, словно остатки с каких-нибудь складов: «В поношенных, а часто и совсем оборванных штанах мы не узнавали друг друга» [3, стлб. 247, 248]. Напротив, по другому мнению, волонтеры жили «сносно, слегка страдаем животами, но, в общем, живем на дачном положении. Кормят весьма удовлетворительно... Начальство в высшей степени вежливо и [дело обходится] без всякой ненужной муштровки» [2, с. 93–94].

Качество обучения было разным. В первые дни обучением волонтеров вообще никто не занимался: они таскали и переустанавливали палатки с места на место. Инструкторы 3-го МП 1-го Иностранного полка из числа парижских пожарных не могли научить волонтеров ничему полезному, даже тому, как правильно натянуть палатку. Волонтер Г. Фарнсуорт обрадовался, когда на смену пожарным прибыли легионеры [23, р. 340, 344].

На фронте Великой войны волонтеры легиона участвовали, главным образом, на двух театрах военных действий: на Западноевропейском и Балканском. Незначительную часть волонтеров легиона, из подданных Австро-Венгрии и Германии (преимущественно, из Эльзаса и Лотарингии), пришедших на французские призывные пункты воевать против германского милитаризма, Париж отправил в Алжир, на базу

Иностранного легиона (например, австрийского художника А. Розенберга), и в Тонкин, для подавления мятежей среди местного населения. Много волонтеров легиона из США воевали на разных должностях, в т.ч. и в качестве пилотов, в составе французской авиации (войска метрополии) в рядах сформированной весной 1916 г. правительством США «Эскадрильи Лафайета». Еще некоторое количество иностранных волонтеров служили некомбатантами: санитарями, водителями санитарных автомобилей.

Главные силы волонтеров легиона участвовали в многочисленных боях с конца 1914 г. до конца 1915 г. во Франции: в Аргонне, при Краоне, в Артуа, Шампани. По воспоминаниям В.И. Лебедева, «из общего состава русские эмигранты выделяются как своим безупречным поведением, так и храбростью. Они вызываются постоянно в патрули, в охотники...» [2, с. 21, 24–25].

Самый известный бой с участием волонтеров легиона в составе 2-го МП 1-го Иностранного полка произошел в Артуа. В 10 ч. утра 9 мая была предпринята атака «Белых укреплений» перед высотами 125 и 140, которые следовало взять. К 11 ч. 30 мин. волонтеры, в первых рядах которых шли поляки, чехи и словаки, выполнили боевую задачу, но, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением неприятеля, к 16 час. отступили. Общие потери волонтеров составили около половины участвовавших в бою: 50 офицеров и 1889 солдат [13, р. 36]. Именно здесь погиб Фабе, чье тело так и не было найдено. (В его честь с 1918 г. до сегодняшнего дня в Люксембурге проводятся велосипедные соревнования «Гран При Франсуа Фабе».) При штурме «Белых укреплений» потерял правую руку Пешков. Вероятно, в бою в Артуа погиб Бенгэчеа, и, вероятно, здесь сражался Шварцбургд.

Тяжелые потери волонтеры легиона продолжали нести и в Шампани. 17 июня 1915 г. погиб Уикс, 28 сентября 1915 г. потерял правую руку Сандра. В том же сентябре серьезное ранение получил Кахраман-хан.

Но волонтеры прославились не только героизмом. 16 июня 1915 г. отказались идти в бой греки из 2-го МП 1-го Иностранного полка под предлогом, что они хотели воевать не против германцев, но против турок. Только под угрозой расстрела греков заставили идти в бой [11, р. 271; 23, р. 358–359].

Второстепенным для участия волонтеров легиона стал Балканский театр военных действий, где они воевали по-прежнему вместе с легионерами в составе Сводного маршевого батальона, сформированного из двух рот 1-го Иностранного полка и двух рот 2-го Иностранного полка, входившего в 1-й Африканский маршевый полк. В составе полка этот батальон участвовал в Дарданелльской операции. 1 октября 1917 г.

из-за серьезных потерь батальон был расформирован, и его остатки вошли в МПИЛ.

В середине 1915 г. французское командование оказалось перед идеей необходимости реорганизации волонтерских частей. Во-первых, из-за вступления Италии в войну на стороне Антанты, повлекшего с мая 1915 г. уход итальянских волонтеров в свою армию, во-вторых, по распоряжению французской Главной штаб-квартиры от 1 и 4 июля 1915 г., в свои армии начали возвращаться русские, бельгийские и английские подданные, в-третьих, из-за серьезных потерь Маршевых полков и отсутствия стабильных источников пополнения для двух полков на фоне затягивания войны. В качестве дополнительной причины можно назвать конфликт в июне того же года между легионерами и волонтерами, окончившийся расстрелом 22 июня 1915 г. девяти волонтеров, восемь из которых были русскими подданными [6, с. 227–230].

Однако многие волонтеры легиона продолжили службу именно в МПИЛ (к моменту формирования полк насчитывал 3 тыс. чел.), в т.ч. Кахраман-хан и Сигер, писавший: «Я все больше и больше ощущаю необходимость быть среди французов, где сильны патриотические и боевые традиции...» [23, р. 344]. К сожалению, процент ушедших из Маршевых полков и оставшихся в составе МПИЛ никто не подсчитал (если его вообще возможно подсчитать).

С ноября 1915 г. до ноября 1918 г. МПИЛ принял активное и достойное участие в боевых действиях: в сражении на р. Сомма, во втором сражении при Вердене, при Весеннем наступлении (1918 г.) германских войск, во втором сражении на Марне, при прорыве «линии Гинденбурга» (где русские волонтеры легиона воевали бок о бок с добровольцами Русского легиона, сформированного из чинов 1-й и 2-й Особых пехотных дивизий). Один из самых жестоких боев полк принял в июле 1916 г. при Беллуа-ан-Сантер, где погибли Сигер (тело не было найдено) и К.Б. де Куирос.

По окончании войны, с 25 января 1919 г. иностранные волонтеры получили разрешение от французского Военного министерства вернуться домой. К моменту расформирования МПИЛ насчитывал лишь половину списочного состава.

Общие потери иностранных волонтеров подсчитать сложно. Тем более что подсчетами потерь, например, французские исследователи занимаются менее интенсивно, чем подсчетами завербовавшихся волонтеров в ряды французской армии. По данным депутата Фешена, безвозвратные потери волонтеров составили: 4390 человек, т.е. 14,7% от 29 796 человек, завербовавшихся за всю войну, что не превышает 16,4% погибших военнослужащих из граждан Франции. Самые большие

потери в процентном составе от записавшихся в иностранные волонтеры, сообщил Фешен, понесли черногорцы (46,1%), сербы (32,3%) и люксембуржцы (30,2%) [14, с. 297; 26, р. 29–31]. По данным современного французского исследователя, через легион прошли 42 883 волонтеров: из них погибли 5172 чел. (12%), получили ранения или пропали без вести около 30 тыс. человек (69,9%) [25, р. 16].

* * *

Военное волонтерское движение как участие, в рамках международного гуманитарного права, группы иностранных лиц в боевых действиях в составе частей той армии, на территории чьей страны они оказались, очень часто остается вне поля зрения исследователей.

К сожалению, из-за скудости материалов разнообразные аспекты участия волонтеров в боевых действиях в составе частей французских вооруженных сил (военный быт, динамика настроения, боевой дух, эффективность уровня боевой подготовки, политические и юридические проблемы, противоречия между политическими организациями, взявшими на себя организующую роль волонтерского движения и др.) до сих пор остаются малоизученными, а порой и вовсе неизвестными даже для французской и английской литературы, не говоря уже о русской. Разумеется, условия военного быта волонтеров оказались нелегкими, но во время широкомасштабной войны, к которой, как показала жизнь, оказалась не готовой ни одна страна, недостатки и изъяны интендантских служб легко объяснимы.

Несмотря на ожидания, французское правительство, руководствуясь существовавшими законами, отправило подавляющее большинство волонтеров, вопреки их желанию, не во французские «старые полки», а в части Иностранного легиона. Возможно, Париж подошел к делу слишком формально, т.к. опасался проникновения во французскую солдатскую среду «старых полков» левых идей. Однако непонятно, что для Парижа было приоритетнее: следование букве закона во что бы то ни стало или некое тайное желание, облеченное в форму законности. В результате произошло странное смешение идеалистов (волонтеров) и прирожденных авантюристов (легионеров), результатом которых стали конфликты и трагедии, которых можно было бы легко избежать (например, расстрел 22 июня 1915 г. группы волонтеров).

Для французского военного руководства опыт иностранных волонтеров не прошел даром. Во-первых, впервые во Франции, именно благодаря начавшейся Великой войне, 5 августа 1914 г. был принят закон, позволявший легионерам, отслужившим пять лет, «автоматически» получать французское гражданство. Во-вторых, после войны, на фоне

резкого увеличения численности легиона, Военное министерство разработало проект закона об облегчении вербовки в легион иностранных граждан, который парламент забаллотировал, но зато был принят закон о создании в рамках легиона новых полков и улучшен статус легиона во французской армии. В-третьих, значительно смягчился и облагородился образ легиона в обществе и прессе [9, p. 19; 16, p. 358].

Идея волонтерства с морально-нравственной и политической точек зрения оказалась более чем востребованной в начале войны, но не имела никакого дальнейшего развития с военной точки зрения – в силу отсутствия широких возможностей пополнения соответствующей живой силой и изначально обреченная на вымирание, тем более в случае затягивания военного конфликта. Но все же пыл иностранцев, особенно тех, кто действительно записался в волонтеры в силу высоких и благородных идей, жертвуя жизнью ради победы над агрессором, достоин восхищения.

Библиографический список

1. Брюнон Ж., Маню Ж. Иностраннный легион (1831–1955). М., 2003.
2. Лебедев В.И. Из рядов французской армии. М., 1916.
3. Онипко Ф. Записки волонтера (1914–1915) // Ежемесячный журнал. 1916. № 1. Стлб. 241–255.
4. Письмо неизвестного лица к [Л.А. Крестовской]. [Ноябрь–декабрь 1914 г.] // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 15220 (Общество помощи русским, сражавшимся под французскими знаменами). Оп. 1. Д. 3. Л. 43.
5. Ропшин В. (Савинков Б.В.). Во Франции во время войны (сентябрь 1914 – июнь 1915). М., 1917.
6. Чиняков М.К. Русские волонтеры на Французском фронте в Первую мировую войну // Россия и Франция. XVIII–XX вв. / Отв. ред. П.П. Черкасов. Вып. 9. М., 2009. С. 205–235.
7. Эрэнбург И.Г. Люди, годы, жизнь // Эрэнбург И.Г. Собр. соч. Т. 8. М., 1966.
8. Bergot E. Régiment de marche de la Légion. Paris, 1984.
9. Comor A.-P. L'impôt du sang des volontaires étrangers de la Légion étrangère dans la grande guerre // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2015. № 259. P. 9–20.
10. Dufour P. La Legion en 14–18. Paris, 2003.
11. Erlande A. En campagne avec la Légion étrangère. Paris, 1917.
12. Guyot Ph. D'un régiment de marche de la Légion étrangère (RMLE) à l'autre: répétition ou évolution de l'histoire? // Revue Historique de l'Armée. 2011. № 265. P. 24–34.
13. Guyot Ph. La Légion étrangère sur le théâtre français // La guerre 14–18. 2002. № 5. P. 32–37.
14. Histoire militaire de la France / Sous la dir. d' A. Corvisier. T. 3. Paris, 1992.

15. Historique du régiment de marche de la Légion étrangère: 3e régiment étranger d'infanterie. Nancy, 1926.
16. Illustration. Paris, 19.01.1918, № 3907.
17. La Légion étrangère. Histoire et dictionnaire / Sous la dir. d' A.-P. Comor. Paris, 2013.
18. Leroy P. François Faber: du Tour de France au champ d'honneur. Paris, 2006.
19. Mahuault J.-P. Engagés volontaires à la Légion étrangère pour la durée de la guerre (EVDG): 1870–71, 1914–18, 1939–45. Paris, 2013.
20. Marabini C. Les Garibaldiens de l'Argonne. Paris, 1917.
21. Milza P. La légion des volontaires italiens dans l'armée française: une anti-chambre du fascisme? // Les Italiens en France de 1914 à 1940. Rome, 1986. P. 143–154.
22. Poinot M.-Ch. Au service de la France. Les Volontaires étrangers enrôlés au service de la France en 1914–1915. Paris, [1915].
23. Porch D. The French Foreign Legion: A Complete History of the Legendary Fighting Force. [L.], 1991.
24. Prezioso S. Les Italiens en France au prisme de l'engagement volontaire: les raisons de l'enrôlement dans la Grande Guerre (1914–1915) // Cahiers de la Méditerranée. 2010. № 81. P. 147–163.
25. Reynaud J.-P. Les étrangers dans l'armée française au cours de la Grande Guerre // L'Académie des sciences et lettres de Montpellier. Nouvelle série. T. 40. Montpellier, 2009. P. 5–17.
26. Saporì J. Les troupes italiennes en France pendant la Première guerre mondiale. Paris, 2008.

Н.О. Блейх

Институт гостеприимства – важнейший этикетный императив северокавказских народов

В статье говорится об институте гостеприимства как о важнейшем этикетном императиве северокавказских народов. В ней показано, что в социокультурном укладе жизни любого этноса присутствует немало событий, причудливо сочетающих в себе историческое прошлое. Самыми яркими и показательными явлениями такого рода являются общенародные правила поведения, называемые обычаями и традициями. Эти императивы отражают жизненные установки этнических групп, а потому возникают как итог практического и духовного изучения окружающей действительности. К ним относится институт гостеприимства, выполнявший (и выполняющий донныне) важную социокультурную роль у народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, горские народы, институт гостеприимства, кавказское гостеприимство, этикетный императив гостеприимства, самобытная культура горцев, народы Северного Кавказа, культура горских этносов, адат гостеприимства.

Северный Кавказ издавна является уникальным регионом. Здесь на сравнительно небольшой территории проживают десятки этносов, имеющих свою самобытную культуру, важной составляющей которой были обычаи и традиции, бережно передававшиеся из поколения в поколение. С давних времен дружба и братство считались у горцев Северного Кавказа источником их силы и могущества. Они являлись для них гарантией мира и свободного развития.

Гостеприимство воплощало дипломатические, экономические и социокультурные отношения между людьми разных национальностей, отличавшиеся особым благородством, верностью, самоотверженностью, готовностью быть рядом и в радостный день, и в горестный час. Это был обычай особого почитания гостя. Он возник еще в древности и потому имеет глубокую историческую подоплеку. Гостеприимство явилось следствием тяжелого горского жизненного уклада, когда человеку требовалось постоянно преодолевать суровые природные условия и стойко обороняться от врагов. В горах было естественно полагаться на помощь родственников и соседей. К тому же, в традиционной бытовой культуре северокавказских народов данный адат имел важное предназначение: с его помощью налаживались интенсивные социальные отношения и поддерживались торговые контакты не только среди земляков, но и между представителями иных национальностей. Примечательно, что еще в начале XX в. один из авторов, побывав в Дагестане, оставил такую запись: «Можно смело утверждать, что только сакральный обычай гостеприимства дает возможность попасть в эту почти недосыгаемую страну» [цит. по: 3, с. 49–53].

Для горцев считалось высокой честью достойно принять гостя. Ими был разработан специальный ритуал, основанный на этикетных нормах поведения, следование которым неукоснительно соблюдалось. Нравственные императивы приема и проводов гостя передавались из поколения в поколение. В то время как многие другие обычаи трансформировались или даже прекращали свое существование, институт гостеприимства с незначительными изменениями сохранился до наших дней. Столь многовековая живучесть данного обычая заключалась в том, что в нем, как ни в каком другом, аккумулировалась народная мудрость, направленная на воспитание у молодых людей толерантного отношения к окружающим, что было запечатлено в народном фольклоре.

Кавказская мудрость гласила: «Гость – Божий посланник». Напротив, о нехлебосольной семье говорили: «Чей дом беден гостями, тот дом проклят» (кабард.); «Дом без гостя не воспринимается» (балк.); «Семья без гостя бедна» (карач.); «Не оказавший почета гостю – не увидит колосащегося поля» (даг.); «С тем, кто не считается с гостем, не будет считаться и Бог» (ингуш.); «В дом, куда не заглядывает гость, не приходит и изобилие» (осет.) и др. [1, с. 13, 15, 27, 37, 38, 41].

«Гостеприимство – это радушие к гостям», – кратко характеризует сущность этого термина словарь С.И. Ожегова [8, с. 122]. В поэме «Измаил-Бей» (1832 г.) М.Ю. Лермонтов так определяет понятие гостеприимства у горских народов:

*Аулы мирные цвели,
Гордились дружбою взаимной;
Там каждый путник находил
Ночлег и пир гостеприимный*
[6, с. 352].

Дать определение гостеприимства народов Северного Кавказа пытались многие путешественники и ученые. Например, французский офицер на русской службе (с 1821 г. – нидерландский вице-консул в портах Черного моря, а с 1830 г. – нидерландский консул в Одессе) Ж.-В.-Э. Тебу (Тетбу) де Мариньи говорил так: «... святость, с которыми они (кабардинцы. – *Н.Б.*) относятся к законам гостеприимства, преисполнила меня восхищением» [10, с. 14]. «Иностранец, успевший сказать хозяину дома, “Аз да вазаг” (“я твой гость”), – писал осетинский просветитель Н.Г. Берзенов, – сразу назначается братом, хотя бы он и был врагом семейства» [2, с. 113].

Как мы уже отмечали в другой работе, обычай гостеприимства существует вообще у всех кавказских горцев, и в основании его лежит общечеловеческая нравственность, которая и придает ему во мнении горцев значение священное. Но обычай этот, собственно говоря, имеет характер правовой и среди горцев является институтом международного права, дающим возможность сноситься одному народу с другим [4, с. 7]. Краткое определение сущности гостеприимства формулирует профессор К.Х. Унежев: «Гостеприимство – это показатель уровня и особенностей нравственности народа, особая форма международной дипломатии» [11, с. 35]. Перечень подобных высказываний можно продолжать и продолжать. Однако поговорим об этикетной специфике данного адата.

На строгие обязанности приема гостя у народов Северного Кавказа обратил внимание в своих заметках о путешествиях в конце XVIII в. академик Пётр Симон Паллас: «Два противоположных закона – гостеприимство и кровная месть – свято соблюдаются как черкесской знатью, так и большинством других народностей Кавказа» [9, с. 221]. Горское гостеприимство восхищало всех путников еще и тем, что, как бы тяжело не было хозяину, он все равно любезно принимал гостей. Горцы пользовались традицией гостеприимства в связи с радостными событиями, большими праздниками, деловыми поездками. В гостеприимстве, вместе с врожденным долгом этой традиции, определяющее место занимало чувство такта, расчет возможностей того или иного хозяина, его семейное и материальное положение.

Но, невзирая на то, что данный императив имелся у всех без исключения северокавказских народов, гостеприимство каждого этноса имело

свою специфику. Она заключалась, в основном, в церемониале приема гостя, который был для горцев непростым делом, прежде всего, в материальном отношении. Тем более что этот прием во многом различался для двух типов гостей – почетных и дорогих. Почетными считались гости, прибывшие издалека. Дорогими гостями были родственники, особенно кровные, а также люди, живущие относительно недалеко или бывающие в доме сравнительно часто. Как различались виды гостей, так неодинаковы были и некоторые традиции их приема. Понятно, что ритуал приема почетного гостя был более развернутым и торжественным, а церемония приема дорогого гостя – более простой и скромной. Также по-разному принимали мужчин и женщин.

Этикет требовал, чтобы подъезжающий к интересующему его дому гость, сидя на коне, дожидался, когда хозяин выйдет ему навстречу. Потом он спешивался и, беря в левую руку бурку, башлык и плеть, здоровался с хозяевами. Ему отвечали: «Добро пожаловать» [3, с. 49–53]. У тушин, например, приветствовать визитера выходило все семейство. По этикету молодые девушки выносили тулуп и, засвидетельствовав свое почтение, набрасывали его гостю на спину. У армян было заведено, чтобы какая-нибудь из молодых женщин снимала с гостя коши (обувь на деревянной подошве и высоком каблуке, без задника, с загнутым носком). В Табасаранском районе Дагестана существовал (да и сейчас не совсем исчез) обряд, по которому хозяин или члены его семейства, встретив визитера, прежде должны были ввести его в кунацкую (гостевую) комнату, предложить присесть и только после этого обменяться рукопожатием и поприветствовать друг друга. Если же это приветствие происходило вне дома, то воспринималось как неготовность оказать путнику гостеприимство.

У приехавшего посетителя не следовало узнавать о его происхождении и цели приезда. Это расценивалось как дурной тон. По обычаю осетин, визитер имел право сохранять свое инкогнито даже в продолжение целого месяца, у остальных северокавказских народов был определен лимит времени (у адыгов и балкарцев – три дня, у абазин – неделя, у ингушей и чеченцев – 20 дней).

Эту особенность горского этикета точно подметил в свое время Лермонтов. В поэме «Измаил-Бей» он описывает, как главный герой, вернувшись на родину, подходит к дому, в котором:

*Одно лишь светится окно!..
Из сакли кто-то выбегает,
Идет – великий Магомет
К нам гостя, верно, посылает.*

*«Кто здесь?» – «Я странник!» – был ответ,
И больше спрашивать не хочет,
Обычай предков сохраняя,
Хозяин скромный...*

[6, с. 354].

В другой своей поэме «Хаджи Абрек» поэт так описывает встречу гостя:

*...Что медлишь, путник, у порога?
Слезай с походного коня.
Случайный гость – подарок бога.
Кумыс и мед есть у меня*

[Там же, с. 221].

После того, как чужеземец переступал порог кунацкой и становился гостем данного дома, не принято было переходить в другое жилище. Подобный поступок оскорблял хозяина и осуждался в народе. Крайне редко бывало, чтобы гость покидал дом своих хозяев. Это случалось, когда казалось, что ему не очень рады в данной семье. Рано утром, не прощаясь, он оставлял кунацкую. За покинутой семьей на долгие поколения закреплялось прозвище «гостя прогнавшие». Поэтому горец делал все возможное для того, чтобы ничем не обидеть чужеземца и оказать ему как можно больше услуг. В древнейшей вайнахской песне «Величальная гостю» есть такие слова:

*...Гость, гостящий под нашим кровом,
Пусть тебя не коснется беда.
Будь свободным ты и здоровым!
Всегда!
Пусть будет цела твоя голова,
Которой нету цены.
Пусть не померкнет слава твоя,
Имя твое и твои слова –
Гордость родной стороны!*

[цит. по: 1, с. 78].

«Мысль о том, что скажут о нем гости по возвращению в свою сторону, – писал Н.Ф. Дубровин, – преследовала хозяина, день и ночь он хлопотал, стараясь быть при нем безотлучно и лишь оставляя его на несколько минут для того, чтобы взглянуть: сыты ли и накормлены ли лошади приезжих. Все делалось из убеждения, что он исполняет завет отцов и долг гостеприимства. И при этом, уважение хозяина семьи зависело от того, насколько часто его посещают гости» [5, с. 8].

Горский этикет точно разрабатывал правила приема, которые никто не смел нарушить. «Уважение к гостю, – писали В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский, – требует, чтобы все стояли перед ним, и даже лица почтенного возраста не решались отступить от этикета» [7, с. 549]. Женщины в приеме гостя не участвовали, но кто-нибудь из снох или дочерей имел право помочь гостям умыться, почистить и починить одежду, помыть ноги (омовение ног – не простая услуга; это распространенный на Востоке и в Средиземноморье своего рода символ заботы о старшем, знак уважения к главе семейства). Хозяйка же могла только зайти и поприветствовать прибывших.

Когда посетитель начинал собираться в обратную дорогу, его (по правилам этикета) просили задержаться еще. Однако те же законы приличия требовали, чтобы и гость «честь знал», не затягивал своего пребывания. «Приезжий, – замечал Дубровин, – мог оставаться в гостях сколько ему угодно, но приличие требовало не засиживаться слишком долго» [5, с. 14]. В день его отъезда устраивалось богатое угощение, произносились прощальные слова благодарности. Визитеру помогали одеться, возвращали оружие, приводили коня. Далее гостей провожали за пределы села и ждали, пока они не исчезнут из вида. Горец «не отпускает гостя, – указывал Берзенов, – не дав ему охранного караула и не вверив его своим знакомым и друзьям» [2, с. 15].

Обычай гостеприимства обязывал горцев оберегать гостя при любых ситуациях, пока он находился у них. «Осетины... строго соблюдают законы гостеприимства, и почти нет примеров, чтобы кто-нибудь нарушил их или обидел своего гостя. Однако если такой случай имеет место, то собирается все селение для суда над провинившимся», – писал академик Ю. Клапрот во время своего путешествия по Кавказу в 1807–1808 гг. [цит. по: 2, с. 113–115]. То же самое отмечает и Ш. Ногмов относительно кабардинцев: «Хозяин по закону отвечает перед всем своим народом за сохранение жизни чужеземца. И горе тому, кто не сумел уберечь гостя от неудачи или неприятности, ибо его всенародно осуждали и наказывали» [11, с. 45].

Как видим, северокавказское гостеприимство было не только социальным институтом, но, прежде всего, составной частью духовной культуры горских этносов. Оно являлось не только показателем уровня социальной жизни народа, но и, преимущественно, его морально-нравственным императивом. Сущность этого адата состояла из нескольких основополагающих принципов. Во-первых, гостеприимство распространялось на любого человека. Во-вторых, церемониал приема визитера имел сложный характер, но его следовало исполнять вплоть до мельчайших тонкостей: имелись особые правила встречи, угощения

и проводов гостя. В-третьих, домовладелец должен оберегать путника от всяких недругов и опасностей, ради его безопасности он обязан был жертвовать всем, даже своей жизнью.

Следовательно, кавказское гостеприимство имело сакральный смысл. Многовековая «живучесть» этого института объясняется следующими позициями:

- дипломатия (гостеприимство помогало развивать социальные контакты, которые были необходимы для расширения дипломатических и торговых отношений между находившимися по соседству племенами);
- безопасность (гостеприимство давало чужестранцу уверенность в своей защищенности, что было нелишним в «смутные времена»);
- культурный взаимообмен (гости предпочитали не только торговать, но и обмениваться различными знаниями; пусть косвенно, но гостеприимство явилось тем катализатором взаимодействия, в результате которого кавказские народы обрели уникальную культуру).

Обычай кавказского гостеприимства имеет многовековую историю. Сегодня мы констатируем удивительную сохранность элементов древнего адата в быту (конечно, с некоторыми поправками на нынешнюю ситуацию – церемониал приема и проводов гостей упростился, но все-таки значительные его свойства сохранились: все домочадцы встречают визитера стоя, накрывают обильный стол (причем стараются его разнообразить национальными яствами), провожают чужака также все члены семьи и желают ему «легкой дороги»). Из этого следует, что институт гостеприимства горских этносов являет собой самую устойчивую традицию, своеобразную жизненную установку, передающуюся из поколения в поколение.

Данный пласт душевного мира горцев консервативен как никакой другой, но он органически вплетается в конструкцию современных ценностей. В этом сохранившемся с древности социальном институте содержится положительный нравственный императив современной аккультурации в Северокавказском регионе.

Библиографический список

1. Алироев И.Б. Народная мудрость Кавказа. Грозный, 2005.
2. Берзенов Н.Г. Из записок об Осетии // Кавказ. 1852. № 125. С. 113–115.
3. Блейх Н.О. Историческая динамика трансформации северокавказского обычая гостеприимства // Вопросы культурологии. 2014. № 8. С. 49–53.
4. Блейх Н.О. Социальная и интернациональная природа северокавказского гостеприимства // Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 2 (39). С. 6–10.
5. Дубровин Н.Ф. Черкесы. Краснодар, 1927.
6. Лермонтов М.Ю. Соч. Т. 1. М., 1988.

7. Миллер В.Ф., Ковалевский М.М. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884, № 4. С. 549–558.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.
9. Паллас П. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 годах. М., 1999.
10. Тетбу де Мариньи [Ж.-В.-Э.]. Путешествие в Черкесию / Пер. с англ. Р.О. Корсакова. СПб., 2015.
11. Унежев К.Х. Феномен адыгской культуры. Нальчик, 1988.

К.А. Меликова

Отношение к пожилым людям в средневековой Европе

В статье рассматривается отношение к пожилым людям и их роль в обществе в эпоху Средневековья. Используя исторический и культурологический подход, автор делает вывод, что высокий статус пожилых людей в данный период был обусловлен сохранением античных традиций в системе наследования, слабо развитой аграрной экономикой с низким уровнем товаро-денежных отношений и использованием ручного труда, а также бесписьменной передачей информации, т.е. отношение к старикам и старости в средние века определяет традиционалистский тип культуры, тип хозяйствования и тип семьи. Пожилые люди в статье представлены как трансляторы культуры, хранители исторической памяти и традиций.

Ключевые слова и фразы: генезис отношения к людям пожилого возраста, историческая типология культур, цивилизационная типология культур, геронтократия, внутрисемейная зависимость, межвозрастные коммуникации, жёнизм.

Генезис отношения к людям пожилого возраста в Западной Европе отражает процесс эволюционного развития, который включает в себя три исторических периода. Каждый из них, согласно исторической и цивилизационной типологии культур (Данилевский, Шпенглер), соответствует определенному типу культуры: архаическому –

первобытнообщинная эпоха, традиционалистскому – эпоха Средневековья и индивидуально-творческому – эпоха индустриального развития. Западноевропейское Средневековье на раннем и среднем этапе развития вызывает особый интерес в связи с тем, что, несмотря на традиционалистские черты, оно не способствует развитию геронтократии. При длительном сохранении аграрного типа хозяйствования, вплоть до эпохи готики, слабо развитой грамотности и преобладания больших многодетных семей, в отличие от древних цивилизаций, в средневековой Европе у детей не было такой рабской зависимости от родителей и старших членов семьи.

Тем не менее, пожилые люди в это время обладали высоким статусом и полномочиями, выполняя ведущую роль в обществе. Это было обусловлено тем, что Европой были унаследованы античные традиции наследования имущества, сохранявшиеся вплоть до конца XIII в. Благодаря римскому праву, закон был на стороне главы семейства. Будучи единственным владельцем имущества, он сохранял свой статус и лидерство. Когда же наступал период немощи, то, в обмен на наследственные права, он получал уход и заботу от старшего сына и его семьи, на основании чего можно сделать вывод о том, что в Западной Европе уже тогда определяющим фактором отношения к пожилым людям был экономический. Чем большим имуществом владел человек престарелого возраста, тем с большим почетом к нему относились.

В эпоху Средневековья европейские государства были примитивно-аграрными. Слаборазвитые товаро-денежные отношения и ручной труд в сельском хозяйстве способствовали сильной внутрисемейной зависимости, где всем управлял старший в доме. Однако, помимо отцов, в средневековых семьях были деды, которые играли особую роль. Они по праву занимали почетное место в семейно-родовой иерархии, хотя не занимались физическим трудом. Какова была их роль в обществе?

Древность и прошлое для средневекового человека составляли главную ценность. Уровень грамотности был крайне низким, потому, благодаря устной форме передаче информации, старики в эпоху феодализма были своего рода служителями времени, храня семейную и историческую память. Таким образом, они осуществляли функцию устных трансляторов как внутрисемейных, родовых, так и государственных ценностей.

Благодаря М.А. Розову, исследовавшему традицию как социальную программу и выдвинувшему принцип «социальной эстафеты», мы можем определить пожилых людей в традиционных культурах как носителей межвозрастных коммуникаций, осуществляющих механизм непосредственной передачи информации от поколения к поколению [1].

Таким образом, осуществляя прямое, непосредственное воспроизведение традиции как формы социального бытия, пожилые люди в Средневековой Европе, по сути, являлись главными культурными трансляторами, сохраняя те же функции, что и в древних цивилизациях. Пока отсутствовала материальная, т.е. письменная фиксация памяти, старики в общинах были «голосом прошлого». Почтение к ним ассоциировалось с почтением к роду, к истории, к государству. Наглядным свидетельством тому являлось то обстоятельство, что на суде человеку преклонных лет достаточно было назвать свой возраст, чтобы его слово было весомым.

Обычаи и традиции, управляющие общественной жизнью, олицетворяли неизменный порядок и позволяли сохранять стабильность, символом которой являлись старики. Кроме того, на их положение в эпоху Средневековья влиял тип семьи с большим количеством взрослых и работоспособных домочадцев, где вполне могли позаботиться о своих немногочисленных пожилых родственниках. К тому же те, кто доживал до преклонного (по меркам Средневековья) возраста, могли не только находиться на иждивении, но и иметь ответственные обязанности: во французской армии, вплоть до 1350 г., командирами были мужчины возраста от шестидесяти до шестидесяти пяти лет, пользовавшиеся всеобщим уважением [3].

С момента, когда в 1460 г. Иоганном Гутенбергом было изобретено книгопечатание, традиционализм начинает трансформироваться, приобретая другие формы, и уже в период нового и новейшего времени он исчезает почти полностью. Появление ранних городов и развитие товарно-денежных отношений немало способствовали ослаблению традиционализма и его видоизменению, хотя на первых порах городская культура в Европе также имела традиционный характер, сохраняя культ древности. Соответственно, в ней продолжал доминировать авторитет старости. Позднее, наряду с ростом образования и резким увеличением числа студентов, происходит ценностный разрыв между поколениями, что связано с отдалением молодых людей от семьи. Обучение молодежи вне семьи – это разрушение традиций как социальной программы, т.е. фактор, заметно снижающий роль пожилых людей в семейных кланах. К тому же их положение усугубляет усилившийся спрос на книги.

Первый всплеск культа молодости, когда меняется отношение к пожилому возрасту, приходится на период второй половины XIV в., наглядным свидетельством чему является художественная литература – большинство главных героев становятся молодыми и красивыми. мода также начинает служить молодости: костюм, прически, манеры – все это должно было подчеркивать юную свежесть их обладателя. Хотя на многих должностях остаются люди в возрасте, омолаживается

административный персонал при дворах. Поскольку главные нравственные критерии выдвигала церковь, то она же и контролировала соблюдение незыблемых устоев, в которых старикам отводилось особое место. Секуляризация искусства, а впоследствии и образования, привели к отходу церкви от многих мирских дел и к усилению разрыва между поколениями.

Усиление культа молодости в западной Европе был тесно связан со страхом смерти, усиленным постоянными войнами (Столетняя война Англии и Франции и др.), эпидемиями чумы и другими бедствиями [3]. Не случайно, что именно на этот период, XIV–XV вв., приходится расцвет алхимии, одна из важнейших целей которой – найти источник вечной молодости и бессмертия. В период позднего Средневековья человек уже ценится в расцвете сил, а геронтократии как таковой не существует вовсе. Именно в это время тема сыновней или дочерней неблагодарности в церковных проповедях становится злободневной, т.к. нетрудоспособные члены семьи, нуждающиеся в уходе, – это уже обуза. Начиная с куртуазных рыцарских времен, молодые синьоры выходили из отцовского повиновения, иногда даже с оружием в руках. Не случайно король Англии Генрих II приказал изобразить себя в виде орла, которого клюют собственные птенцы. Однако, несмотря на это, большинство исследователей отмечает, что в средневековой Европе межгенерационных конфликтов не было. Свойственный этому типу культуры коллективизм поглощал личностное Эго, не давая человеку возможность выходить за рамки общинных отношений. Главная черта социума того времени – корпоративность, а в ней всегда присутствовала зависимость младшего члена от старших и сохранялась преемственность. Поэтому, пока в Европе существовали профессиональные цеха с определенной иерархией отношений: начальник цеха – мастер – подмастерье, в средневековых городах старшие сохраняли свой авторитет.

С началом развития капиталистических отношений, промышленности и наук, когда образование становится повсеместным, а культура приобретает индивидуально-творческий характер, пожилые люди из почитаемых членов общества постепенно превращаются просто в иждивенцев. Для Нового и Новейшего времени характерно то, что урбанизация, наряду с разрушением общины, способствовала распространению семьи нуклеарного типа и усилению дискриминации по возрастным признакам в связи с ростом нетрудоспособных членов общества. Снижение статуса пожилых людей в индустриальном мире привело к тому, что уже в XVII–XVIII вв. строятся дома престарелых [4].

Исторический анализ экономических отношений наглядно демонстрирует, что восприятие старости и социокультурная роль пожилых

людей в Европе в эпоху Средневековья определялась, прежде всего, бесписьменным способом передачи информации и типом хозяйствования. При этом налицо закономерность: трудовой коллективизм и традиционализм способствуют авторитету старших поколений и соответствующего отношения к ним. Таким образом, традиция, являясь формой и одновременно способом существования в Европе доиндустриального периода, давала возможность сохранять пожилым людям статус и социокультурную значимость.

Библиографический список

1. Илларионов Г.И. Социально-философский анализ традиционалистского проекта: Дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2014.
2. Козьякова М.И, История, культура, повседневность. Западная Европа: от античности до 20 века. М., 2002.
3. Фоссье Р. Люди Средневековья. 2010 URL: <http://www.e-reading.by/book.php?book=1034043> (дата обращения: 14.02.2016).
4. Чернышкова Е.В. Статусные характеристики пожилых людей: экономический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 32. С. 175–181. http://otherreferats.allbest.ru/sociology/00294300_0.html 30.08.2015.

А.А. Орлов, С.В. Сопленков, В.А. Альбертина

Идеи справедливого мирового порядка: исторический опыт Западной, Центрально-Восточной Европы и России (середина XV – начало XXI вв.)

Цель статьи – ответить на вопрос, почему существующие с XVII в. принципы системы «справедливого мира» не обеспечивают стабильность международных отношений в современных условиях; каким образом на основе ретроспективного анализа важнейших черт концепций «справедливого мира» Россия может попытаться сформулировать позитивные идеи справедливого мирового порядка на данном этапе.

Не секрет, что сегодня многие западные политики принимают Россию в расчет в лучшем случае лишь как региональную державу. Представляется, что позиции России усилятся, если в своей внешнеполитической концепции она сможет сформулировать проект справедливого мирового порядка, учитывающий исторический опыт (переработанный с учетом современных реалий) мировых систем предшествующих исторических эпох. Главное, чтобы такой порядок создавал условия для успешного экономического развития государств, роста уровня жизни населения при сохранении этнокультурных и цивилизационных особенностей.

Ключевые слова: справедливый мировой порядок, европейские проекты «вечного мира», кодекс международного права, Вестфальская система международных отношений, Венская система международных отношений, Версальско-Вашингтонская система международных отношений, Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, СССР, Россия, Европейский Союз, США.

Мы живем в эпоху, когда постепенно рушится система международных отношений, установленная после Второй мировой войны. Возникла реальная перспектива не только возобновления «холодной войны», но и нового военного конфликта в глобальном масштабе. Как же предотвратить возникшую опасность? Возможно ли в современных условиях установить на длительный срок справедливый мировой порядок, дающий возможность сохранения мира и стабильного развития больших и малых государств?

Отсюда цель статьи – ответить на вопрос, почему принципы создания системы справедливого мира не работают в современной обстановке, какие уроки из прошлого европейского и своего опыта Россия может извлечь сейчас, и каким образом она может сформулировать позитивные идеи справедливого мирового порядка на данном этапе?

Первым шагом к созданию стабильной общеевропейской системы международных отношений стал Вестфальский мир 1648 г. Мирный договор, подписанный представителями Священной Римской (Германской) империи, Испании, Франции, Швеции, Нидерландов и их союзников из числа германских князей, зафиксировал стремление европейских государств после завершения Тридцатилетней войны сохранить существующее положение (*status quo*). В 1659 г. был заключен Пиренейский мир между Францией и Испанией. Утрехтский договор 1713 г. завершил Войну за испанское наследство. В Утрехте впервые официально была признана необходимость введения в действие принципа «баланса сил» (*balance of power*) великих держав. После этого внешнеполитическое взаимодействие европейских государств постепенно трансформировалось в систему, основанную на данном принципе. Он косвенным образом гарантировал независимость малых стран, поскольку их прямое поглощение (или фактическое подчинение) крупными государствами привело бы к нарушению «баланса сил» [15, с. 280–281].

Для того, чтобы лучше понять, каким образом сформировался этот комплекс идей, нам необходимо сделать шаг в прошлое. Еще в 1464 г. появился проект чешского короля Иржи Подебрада («Трактат об установлении мира в мире христианском») [29, р. 91–99] с идеей образования союза сильных европейских государств, правители которых для успешной борьбы с османской экспансией в Европе должны были согласиться на создание единой армии и на замену устаревшего феодального права (порождавшего междоусобные войны) новым правом. «...Новые, из лона природы почерпнутые правила [позволят] и с новыми злодеяниями бороться новыми средствами...» [Там же, р. 94]. По мнению автора трактата, роль международной судебной инстанции могла бы играть общая «консистерия», откуда, «...как из источника, текли бы ручьи

справедливости во все стороны» [29, p. 95]. Известный юрист-международник (член Международного суда ООН) В.М. Корецкий полагал, что этими идеями «...Подебрад предвосхищал естественно-правовую доктрину»¹ [8, с. 396].

Возможно, создание «Трактата...» и его отправка со специальными посольствами в столицы крупнейших европейских государств были запоздалой реакцией лидера гуситов (в католическом мире их считали раскольниками и врагами христианского единства) на письма Жанны д'Арк. После коронации Карла VII в Реймсе 17 июля 1429 г. она вынашивала планы крестового похода воинов Запада против турок и угрожала гуситам скорым мщением, если они не перестанут оскорблять католическую церковь [7; 17, с. 287–288].

Проект Подебрада, конечно же, не был принят Венецией и Францией (главными партнерами, которых чешский король хотел видеть в общем антитурецком союзе) из-за недоверия к схизматикам-гуситам, нежелания видеть их лидера во главе христианского войска и неготовности направить часть средств на содержание этого войска. От старой юридической системы ради установления какого-то «нового права» никто из правителей также отказываться не собирался.

Требование введения «естественного права» могла бы поддержать зажиточная городская верхушка, заинтересованная в борьбе и с феодальной аристократией, и с турецкой экспансией, но проект Подебрада был обращен только к правителям государств. В дальнейшем мы наблюдаем интересное явление: монархи вынашивают захватнические планы, рядя их в одежды проектов «вечного мира», тогда как формирующаяся буржуазная городская среда порождает собственные проекты такого рода [13, с. 43], акцентируя внимание, прежде всего, на необходимости внутренних реформ.

Следующий шаг в осмыслении проблематики справедливого общеевропейского мира был сделан в 1517 г. в трактате Эразма Роттердамского «Жалоба Мира...» [22, с. 29–59]. Обстановка в Европе к этому времени стала еще более тревожной. Революционные изменения происходили в экономике и в мышлении тех, кто трудился в различных ее сферах [5].

¹ «Естественное право» (лат. *ius naturale, ius generis humani*) – в изначальном понимании идеальный свод принципов и норм права, продиктованный человеческим разумом и, как таковой, не зависящий от социально-политических условий места и времени. Основное стремление «естественного права» – поставить над властью некие высшие инстанции, с которыми она должна соотноситься во имя достижения «общего блага». В Новое время требование введения «естественного права», ставшего одной из частей идеологии Просвещения, стало означать равенство прав всех людей (без различия социального статуса) на жизнь и свободу, а следовательно – требование равенства граждан перед законом и судом.

Начиналась эпоха Реформации. По-прежнему продолжалась активная экспансия Османской империи. Казалось бы, положение было безнадежным. Но Эразм видел из него выход.

В «Жалобе Мира...» он сделал принципиальный вывод: прочного европейского единства нельзя добиться только усилиями правителей и одними лишь политическими средствами. Цели можно достичь при помощи широкой поддержки со стороны масс людей, объединенных христианской религией. Поверх голов «сильных мира сего» Эразм апеллировал к нарождающемуся в Европе общественному мнению. После страстного призыва к государям, священникам, богословам, епископам и другим прелатам церкви услышать, наконец, голос Христа, зовущего к Миру, он обращался «...ко всем, кто считает себя христианином: единодушно сплотитесь ради Мира. Покажите, что может согласие народа против тирании сильных мира сего! Пусть все равноправно выскажут свои предложения. Пусть вечное согласие соединит всех, кого столь многими нитями соединили природа и еще больше Христос. Пусть все совместными усилиями стремятся к достижению того, что в равной мере составляет счастье каждого» [22, с. 58]. Под сенью христианства могут ужиться все народы, ибо, как полагал автор, единство христиан не подразумевает полного единомыслия. События эпохи Реформации показали, что этот тезис Эразма остался только его благим пожеланием. Франко-турецкий союз, заключенный в 1528 г., продемонстрировал утопичность концепции Эразма, однако стимулировал размышления французских авторов на эту тему.

Важный шаг был сделан Э. Крюсе, коммерсантом и мыслителем, в сочинении «Новый Киней...»¹ (1623 г.) [22, с. 60–114]. Он пропагандировал идею развития международной торговли как главного условия «вечного мира» и справедливого мирового порядка. (Идеи Крюсе подробно проанализировал в своей монографии «Российский европеизм» академик А.О. Чубарьян [24, с. 104–107].)

Для обеспечения безопасности и успешности международной торговли Крюсе предлагал создать «Всеобщую ассамблею», куда должны были войти монархи не только европейских государств (Англии, Франции, Испании, Швеции и т.д.), но и представители крупных восточных держав (Персии, Китая, Турции, России и др.). Всем им (в первую очередь, конечно, европейцам, но, под их влиянием, и остальным) следует провести на подвластных территориях необходимые реформы, которые

¹ «Согласно Плутарху, Кинеем звали мудрого советника древнегреческого царя Пирра. Новый Киней, по мысли Крюсе, должен наставлять властителей современного мира» [22, с. 11].

дадут производящей части населения свободу экономической деятельности и некоторые политические права. Если же это вызовет сопротивление и появятся «опасные предубеждения», то с ними монархи «...покончат с помощью других суверенов, которые быстро предоставят им помощь, поскольку все заинтересованы в том, чтобы подавить бунты» [22, с. 93].

Здесь автор затрагивает важнейший вопрос: в каких случаях и до какой степени международная организация имеет право вмешиваться во внутренние дела самостоятельных государств? Ответ Крюсе, насколько можно понять из его сочинения, таков: достигнутая при помощи «Всеобщей ассамблеи» стабильность и развитие торговли в мировом масштабе постепенно создадут человеческое общество, функционирующее как единый организм. Следовательно, если продолжить эту мысль, отпадет и всякая необходимость вмешательства в дела народов и государств – составных частей объединенного человечества.

Письма Жанны д'Арк, трактаты Подебрада, Эразма Роттердамского, появившийся в конце XVI – начале XVII вв. «Великий план» французского короля Генриха IV, – все эти проекты говорили о необходимости объединения европейцев ради борьбы с главными врагами христианского мира – турками. Крюсе допускает включение жителей восточных держав (к ним он относит и Московию) в сообщество цивилизованных народов, если это необходимо для развития торговли. При этом обитатели Востока должны принять общие правила игры, т.е. подчиниться европейцам (французам).

Как мы видим, идейный фон перед заключением в 1648 г. Вестфальского мира был очень насыщенным. Такой опыт осмысления постепенно накапливался и использовался по мере необходимости. Его обобщил голландский мыслитель Г. Гроций в знаменитом трактате «О праве войны и мира» (1625 г.). Благодаря ему, правители и обслуживающие их интересы политики получили в свое распоряжение инструкцию по созданию устойчивой международной системы в Европе. Когда Тридцатилетняя война поставила Европу на грань выживания (некоторые области Германии обезлюдели на 80% [16, с. 108]) политические элиты крупнейших держав воспользовались имеющимся идейным «инструментарием» и впервые привели Европу в состояние «баланса сил».

Позже войны французского короля Людовика XIV, которые он вел в течение большей части своего правления (1667–1714 гг.) на время нарушили это равновесие. В лице Людовика XIV на континенте появился агрессор. Борьба с ним породила целую серию пацифистских трактатов. Особенно здесь преуспели англичане. Мы имеем в виду, например, знаменитый трактат духовного лидера квакеров У. Пенна «Опыт

о настоящем и будущем мире в Европе...» (1693 г.) [22, с. 115–135; 28]. По мысли Пенна, объединение государств должно быть создано не ради усиления правителей и даже не ради достижения какой-либо конкретной цели, а ради того, чтобы благо политического равновесия дало государям возможность заняться внутренними делами, обратив внимание на нужды и бедствия подданных. Если государь не будет заниматься этим, рано или поздно волна народного гнева (розга Бога!) сметет его с лица земли, поставив на край гибели и народ, и само государство. Пенн ясно заявил: экономически активная часть населения (в Англии того времени это были джентри и буржуазия) от имени всего народа имеет право призвать национальные правительства и представительное собрание европейских государств¹ (если таковое соберется) уважать ее права.

Французские авторы, в свою очередь, не могли игнорировать утвердившуюся в общественном сознании идею справедливого мирового порядка. Одним из них был талантливый публицист аббат Сен-Пьер (Ш.И. Кастель), заслуживший у потомков славу главного поборника идеи «вечного мира». При жизни Людовика XIV Сен-Пьер издал «Записку о сохранении вечного мира в Европе» (1712 г.), а с 1713 г. начал публиковать свое главное произведение – «Проект вечного мира в Европе» (завершающий [третий] том которого вышел в 1717 г.).

После смерти Людовика XIV (1715 г.) ситуация в Европе изменилась. Утрехтский мир породил новую реальность. Но Семилетняя война 1756–1764 гг. нанесла серьезный удар по Вестфальской системе. Война разрушила сложившиеся в Европе военно-политические союзы и вызвала внешнеполитическую переориентацию европейских держав, известную как «переворачивание альянсов». Мыслители ответили на эти изменения. В 1760 г. Ж.-Ж. Руссо, получив в свое распоряжение рукописи Сен-Пьера, предпринял издание «Избранных мест...» из его проекта, сведя 3 тома в одну небольшую брошюру [22, с. 136–161]. Читая Сен-Пьера в пересказе Руссо, а также комментарий последнего [Там же, с. 162–172], можно представить, какую эволюцию претерпела концепция «вечного мира» в Европе к середине XVIII в.

Главная идея Руссо такова: государю, действительно стремящемуся к миру, следует оставить мысль о внешних завоеваниях и обратиться к реформам в своем государстве. Цель реформ – создание социального слоя, заинтересованного не только в сохранении мира, но и в распространении этого состояния на другие страны. Так удастся обеспечить

¹ В трактате Пенна даны разные названия этого органа: всеобщий Конгресс, Палата государств или Парламент, Верховный совет государств Европы, Европейская лига или конфедерация, Суверенный или Верховный конгресс.

широкую общественную поддержку усилиям монарха и одновременно лишить его возможности использовать общий союз в целях угнетения подданных и установления европейской гегемонии. Сделать это следует законными и справедливыми методами, причем и государь должен отвечать перед законом. (Идея будет развита и конкретизирована в опубликованном в 1762 г. знаменитом «Общественном договоре».) Короли не могут более злоупотреблять своим правом, не опасаясь, что народ не ответит им тем же. Принцип суверенитета народа был выдвинут Руссо более решительно, чем в работах Дж. Локка и Пенна.

С началом войн революционной Франции (1792 г.) против старых монархий Европы – Австрии и Пруссии, к которым в 1793 г. присоединилась Великобритания, на наш взгляд, произошло окончательное крушение Вестфальской системы, хотя на этот счет существуют и другие точки зрения [6; 9; 27]. На ее руинах предстояло построить что-то новое.

Философы и политики предложили разные варианты будущего справедливого миропорядка. Действительно новаторским по многим позициям был трактат И. Канта «К вечному миру» (1795 г.) [22, с. 205–241]. В нем развиты идеи международного федерализма и правового государства, появившиеся в работах Дж. Бенгтама и Руссо. Полемизируя с Н. Макиавелли, Кант утверждал: внутренняя и внешняя политика государства может и должна быть моральной. С этим связаны его предложения о будущем союзе народов, который предстоит создать при опоре на международное (или всемирно-гражданское, по терминологии философа) право, необходимости экспертного сообщества ученых, независимого, насколько это возможно, от государственных структур, а также гласного обсуждения политических проблем, свободного передвижения людей по миру и пр. Кантовские идеи оказали существенное влияние на понимание идеи справедливого мирового порядка в XIX–XX вв.

Такого рода проекты появились и на русской почве, когда Россия, обретя в начале XVIII в. статус великой европейской державы, активно участвовала в международной политике. Самой известной работой до сегодняшнего дня остается «Рассуждение о мире и войне» (1790–1803 гг.) [22, с. 365–387] дипломата (с 1811 г. – директора Царскосельского Лицея, одного из учителей А.С. Пушкина) В.Ф. Малиновского [14; 23, с. 89–97]. Существовали и другие проекты, в частности, проект «всеобщего союза» управляющего Министерством иностранных дел России (совместно с гр. К.В. Нессельроде) гр. И.А. Каподистрии [23, с. 110–122].

Данный комплекс идей был не только осмыслен российской политической элитой конца XVIII – начала XIX вв., но и воспринимался

как способ практического разрешения дипломатических и даже экономических проблем России. В секретной инструкции Н.Н. Новосильцеву от 11 сентября 1804 г. Александр I сформулировал (при участии кн. А.А. Чарторыйского) цели совместной борьбы России и Великобритании против Наполеона I. Предполагалось, что в результате в Европе будет принят «новый кодекс международного права», который позволит мирно решать возникающие между европейскими державами проблемы [12, с. 18–19]. Эта принципиально новая система международных отношений будет одинаково выгодна и большим, и малым государствам. По мысли Александра I, таким образом, возможно, удалось бы приблизиться к благам, которых человечество ожидало от реализации мечты мыслителей о «вечном мире». Впоследствии предполагалось распространить эту систему и на сопредельные с Россией азиатские страны (естественно, с учетом специфики восточных государств, которые император и его окружение воспринимали как государства деспотические), прежде всего, на Османскую империю [20, с. 163; 21]. Характерно, что в послевоенном устройстве Европы предполагалось сделать ставку не на реставрацию прогнивших политических режимов, потерпевших сокрушительное поражение в борьбе с Францией, а на создание обновленных государств в соответствии с идеями Просвещения [20, с. 164].

Длительная борьба, в конце концов, привела к созданию в 1815 г. второй устойчивой международной системы – Венской. Ее главными принципами были провозглашены: легитимизм, система конгрессов, кодекс международного права, включающий в себя арбитраж, мирное посредничество, коллективное силовое давление на агрессора и т.д. При всех кризисах Венская система продержалась до 1914 г., дольше всех других мировых систем. В современной отечественной историографии оценка Венской системы и вклада Александра I в ее создание весьма высока, и это признано на самом высоком политическом уровне [18; 26, с. 14].

Оценка эта вполне заслуженна, однако следует понимать, что международное публичное право, устанавливая принципы международных отношений, прежде всего, фиксирует и закрепляет сложившиеся международный порядок и «баланс сил». Принцип легитимизма на практике не только реставрировал отжившие свой век политические режимы, но и закреплял те социально-экономические отношения, которые требовали реформирования, в России, Австрии, Пруссии, Испании и других государствах. Как показали дальнейшие события (революции и национально-освободительные движения в Европе XIX в., борьба за колонии и складывание военно-политических блоков в конце XIX – начале XX вв.) в этом заключалась слабость Венской системы. Отметим, что в вышеупомянутой инструкции 1804 г. Александр I отмечал:

бесперспективно «...восстанавливать в странах, подлежащих освобождению от Бонапарта, прежний порядок вещей со всеми его злоупотреблениями, с которыми умы, познавшие независимость, не будут уже более в состоянии примириться...» [3, с. 146]. Российский император мог ясно осознавать ограниченность идей легитимизма и намечать в инструкциях дипломатам пути приближения к мечте о «вечном мире», однако международное право способно лишь зафиксировать сложившиеся отношения, обозначив направленность будущего развития.

В дальнейшем опыт существования Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской систем подтвердили простую мысль, очевидную для Александра I и для авторов проектов справедливого мирового порядка, начиная с Крюсе: внешняя политика жестко взаимосвязана с политикой внутренней, и без успешного решения внутренних социально-экономических проблем государств невозможно выстроить сколько-нибудь стабильную систему международного взаимодействия между ними.

Обладая этими знаниями, взглянем на события новейшей истории России. Гонка вооружений подорвала экономические позиции СССР. Начавшаяся в 1985 г. «перестройка» с объявленными принципами «нового мышления» во внутренних и международных делах, призывы к США и странам Запада положить в основу своих действий «общечеловеческие ценности» [4], конкуренты восприняли как признание поражения в «холодной войне» и усилили давление на СССР. Нефтяной кризис 1985–1986 гг., неудачные экономические преобразования ускорили распад страны. Но эти удары сами по себе не привели к распаду. Это было, прежде всего, внутреннее решение, о самом факте и содержании которого пока не готово дать себе отчет и современное российское общество. В России, вслед за западными СМИ и политиками, зачастую принято говорить о поражении в «холодной войне». Это свидетельствует о неготовности принять ответственность за собственный выбор, отрицая факт выбора как такового. Специфика же развития российского общества в данный момент заключается в том, что выбор вектора внутреннего развития во многом окажет существенное влияние и на ситуацию в мире: определит принципы, содержание и особенности развития международного взаимодействия.

Распад Советского Союза сломал прежнюю модель «баланса сил», и доминировать начали США. Им удалось убедить мировую общественность в том, что такое положение будет выгоднее всем, и мир с этим, казалось бы, согласился. В сфере внешней политики – США будут всех защищать с помощью НАТО, в экономике – доллар будет выполнять функцию главной резервной валюты и поможет создать, развивать

и поддерживать глобальный рынок. Для контроля над миром США стали использовать технологии «мягкой силы», «управляемого хаоса» и «оранжевых революций», а также масштабный «информационный зонтик». Это со временем вызвало перекокс в мировой политике и экономике, породив опасения даже со стороны союзников США, что с ними перестали считаться, как с равными партнерами [25].

В результате сложилась ситуация, когда крупные державы демонстрируют, что решения, акты, юрисдикция международных судов на их страны де-факто не распространяются. Сами международные правовые институты используются как инструменты давления, как дополнительное поле для «игры» [10]. С точки зрения «игроков», прежний мировой порядок и международное публичное право «умерли», их роль сводится к декоративной или манипулятивной функциям, новые правовые институты не могут быть созданы, поскольку право не может конституировать состояние «управляемого хаоса». Стороны топчутся на месте в поисках победителей и проигравших (возникла классическая ситуация «ловушки Фукидида»), т.к. привыкли, что победители должны провозгласить новые принципы и условия мирового порядка после того, как побежденные признают себя таковыми. В этом главная причина попыток вынудить Россию согласиться с ролью проигравшего по различным пунктам, взять на себя «вину» и пр. Проблема в том, что даже если Россия сделает такой шаг, то новый справедливый мировой порядок не удастся установить, поскольку в реальности поражение не имело места, а картина мира гораздо сложнее.

В настоящий момент и государства, входящие в Европейский Союз, и Россия, и Китай начали стремиться к пересмотру этих отношений. Возникла настоятельная потребность поиска основ для строительства нового миропорядка. Но как его построить?

Суммируя сказанное выше, отметим: по опыту существования предшествующих мировых систем мы знаем, что для их создания необходимо было сочетание нескольких важных факторов. Все заинтересованные стороны признают необходимость соблюдения «баланса сил». Должна быть создана международная организация, действующая на непостоянной (конгрессы) или постоянной (Лига Наций, ООН) основе, главной задачей которой является выработка (впоследствии – контроль за соблюдением) единого кодекса международного права. Следует обеспечить деятельную поддержку усилий власти имущих со стороны общественного мнения. Правителям XVII–XX вв., желавшим добиться кардинальных изменений европейского (а, значит, и мирового) порядка, приходилось действовать с учетом всех этих условий.

Наряду с вышеупомянутыми, существенные трудности создания стабильной международной системы заключаются в следующем.

Во-первых, размытость субъектов внешней политики. Зачастую непонятно, с кем или с чем мы имеем дело в той или иной ситуации: с государствами, региональными объединениями и военными блоками, с террористическими организациями, стремящимися стать полноправными субъектами политики, с транснациональными корпорациями (ТНК) и даже с частными предпринимателями, активно вмешивающимися в политические процессы (например, Дж. Сорос), с группами влияния, с мировыми религиями? Кроме того, современные государства не всегда в состоянии контролировать все силы на своих территориях.

Во-вторых, реально работающие сегодня концепции поддержания мирового порядка (теория «управляемого хаоса» С. Манна [11] и, в лучшем случае, теория «Великой шахматной доски» З. Бжезинского [1]) приносят политические и экономические дивиденды лишь контролеру этого хаоса и самим «шахматистам», что, в конечном итоге, порождает раскол и волну насилия в современном мире. Какую мораль можно извлечь из шахматного поединка или из описываемых Манном нестабильных «нелинейных процессов»? В чем может заключаться привлекательность этих концепций для тех, кто лишь наблюдает за «шахматной игрой» или воспринимается как взаимодействующие объекты «нелинейных процессов», направляемых подлинным субъектом политики? На уровне аксиомы в качестве высшего блага здесь выступает национальная безопасность США и их союзников. Можно предположить, что со временем будет нарастать разочарование в этих идеях, поскольку интересы большей части человечества остаются за их рамками. Восприятие других народов как лишенных субъектности дегуманизированных существ, источника получения прибыли – ошибка, прощительная для колониального чиновника XIX в., но не для современного политика, осведомленного о судьбе мировых империй в XX столетии. (Показательно, что Бжезинский в одной из своих публикаций 2016 г. предложил вернуться к идее «баланса сил» и учитывать Россию и ее «национальные» интересы как один из факторов мировой политики [2].)

В-третьих, масштабная «лобовая» критика не только авторитарных режимов, но и народов в целом, попытки представить тех, кто не соответствует западным нормам бытия, нецивилизованными людьми, неспособными к ведению диалога (заметим, что такого рода восприятие строится в полном соответствии с колониальным «ориенталистским» дискурсом, описанным Э. Саидом) [19, с. 66–75]), нередко заставляют представителей подвергнутого остракизму народа поддерживать любые действия критикуемых Западом политических и религиозных лидеров. Голос общественного мнения в таких странах, который мог бы громко прозвучать в защиту справедливого мирового порядка, звучит уже

в поддержку автаркии, закрытости государства (или диаспоры) от внешнего мира. Как показывает исторический опыт, в таком случае не будет пользы ни конкретному государству, ни миру в целом.

Что этому можно противопоставить? Не секрет, что сегодня многие западные политики принимают Россию в расчет лишь как региональную державу. Представляется, что позиции России усилятся, если в своей внешнеполитической концепции она сможет сформулировать проект справедливого мирового порядка, учитывающий исторический опыт (переработанный с учетом современных реалий) мировых систем предшествующих исторических эпох. Главное, чтобы такой порядок создавал условия для успешного экономического развития государств, роста уровня жизни населения при сохранении этнокультурных особенностей, сложившейся системы ценностей.

На данном пути следует обеспечить условия для созидательного движения вперед, в котором должны принять участие все государства и народы при обязательном сохранении их своеобразия и права на выбор собственной модели цивилизационного развития. При чем избранная модель может предполагать право каждого участника на свои ошибки, на свой путь к свободе и иным вечным этическим ценностям. Это означает и признание неизбежности конфликтов, и совместное нахождение путей их разрешения, избегая военных действий и насилия. У Западной, Центрально-Восточной Европы и у России есть необходимый исторический опыт, и Россия (даже если сегодня мировые игроки не принимают ее всерьез) способна выработать и использовать в практической политике идеи, которые помогут нам выжить в сложившихся условиях вместе с остальным человечеством.

Библиографический список

1. Бжезинский З.[К.] Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы) / Пер. О.Ю. Уральской. М., 1998.
2. Бжезинский З.[К.] На пути к глобальному переустройству // Сайт «ИноСМИ.ру / Россия сегодня». Политика. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160420/236205740.html> (дата обращения: 18.10.2016).
3. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Сер. 1. 1801–1815 гг. Т. 2. Апрель 1804 г. – декабрь 1805 г. / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1961.
4. Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988.
5. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь / Пер. с нем. М., 2004.
6. «Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв...» // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2015. Т. 13. № 1 (40). URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/011.htm#note1> (дата обращения: 02.07.2016).

7. Кареев Н.И. Франция после битвы при Азенкуре. Ожидания чудесного спасения // Сайт «Русская историческая библиотека». Жанна д'Арк – биография. URL: <http://rushist.com/index.php/west/2463-zhanna-d-ark-biografiya> (дата обращения: 08.05.2016).
8. Корецкий В.М. Проект Юрия Подебрада об организации мира и безопасности // Известия Академии Наук СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 5. С. 382–396.
9. Кортунов С.В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка // Клуб мировой политической экономики. Публикации. URL: <http://www.wpec.ru/text/200708310905.htm> (дата обращения: 02.07.2016).
10. Кракауэр (Kraakauer). Может ли Запад предложить еще что-нибудь, кроме создания фикций? / Пер. В. Харитонова // Obserwator polityczny. 07.05.2016. URL: <https://obserwatorpolityczny.pl/?p=40043> (дата обращения: 22.05.2016).
11. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление // Сайт С.П. Курдюмова. Что такое синергетика? URL: <http://spkurdyumov.ru/what/mann/> (дата обращения: 05.07.2016).
12. Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005.
13. Орлов А.А. Идея естественного права в «Трактате об установлении мира в мире христианском» (1464-й год) // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2010. № 1. С. 34–44.
14. Орлов А.А. Восприятие в России начала XIX в. идеи «вечного мира» (на примере «Рассуждения о мире и войне» В.Ф. Малиновского) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. [Вып.] XIII: Сб. материалов. К 200-летию Венского конгресса / Ред.-сост. В.М. Безотосный, А.А. Смирнов. М., 2015. С. 439–454.
15. Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.
16. Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
17. Послания Жанны. Приложение III // Процесс Жанны д'Арк. Материалы инквизиционного процесса / Пер., коммент., статья А.Б. Скакальской. М.-СПб., 2008.
18. Путин открыл памятник Александру I в Александровском саду Кремля // РИА Новости. Общество. 20.11.2014 г. URL: <http://ria.ru/society/20141120/1034332348.html> (дата обращения: 20.11.2014).
19. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
20. Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). М., 2000.
21. Сопленков С.В. О тезисе русской мысли «Восток как образец для подражания» // «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности. Материалы к научной конференции Ин-та мировой экономики и международных отношений РАН и Ин-та стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 12–14 апреля, 2004 г.). М., 2004.
22. Трактаты о вечном мире / Сост. И.А. Андреева и А.В. Гулыга. [2-е изд.]. СПб., 2003.

23. Чернов А.В. Общественно-политические взгляды и дипломатическая деятельность И.А. Каподистрии в годы российской службы (1809–1822 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.
24. Чубарьян А.О. Российский европеизм. М., 2005.
25. Эксперт: предложение Юнкера создать армию Евросоюза направлено не только против России, но и США // RT на русском. В мире. URL: <http://russian.rt.com/article/78496> (дата обращения: 08.03.2015).
26. Яковенко А.[В.] Мир и международные отношения сегодня: новое и хорошо забытое старое // Международная жизнь. 2013. № 9 (сентябрь). С. 6–20.
27. Cutler A.C. Critical reflections on the Westphalian assumptions of international law and organisation: a crisis of legitimacy // Review of International Studies. 2001. № 27 (2). P. 133–150.
28. [Penn W.] An Essay Towards the Present and Future Peace of Europe, by the Establishment of an European Dyet, Parliament, Or Estates. L., 1693.
29. The Universal Peace Organisation of King George of Bohemia A Fifteenth Century Plan for World Peace. 1462/1464. Russian Translation (L.P. Mozhanskaya, E.V. Tarabrin). Prague, 1964.

И.В. Бочарников

Социальные и гуманитарные аспекты европейского миграционного кризиса

Наиболее очевидными следствиями массового наплыва мигрантов из зон вооруженных конфликтов Ближнего и Среднего Востока, а также стран с неблагоприятной социально-экономической ситуацией, является нагрузка на бюджеты государств – членов ЕС, что закономерно ведет к снижению жизненного уровня европейцев, эскалации напряженности и нарастанию антимигрантских настроений. Важными факторами, определяющими состояние и тенденции развития ситуации с беженцами и мигрантами в странах ЕС, являются массовые посягательства на честь и достоинства граждан, угрозы террористического характера, обострение противоречий. Все это, в конечном итоге, способствует эскалации кризиса и выходу на уровень этноконфессионального конфликта в Европе.

Ключевые слова: миграционный кризис в Европе, миграционные потоки, мигранты, беженцы, контрабанда мигрантов, эксплуатация мигрантов, Европейский Союз, эскалация внутривнутриполитической напряженности, угрозы террористического характера, посягательства на честь и достоинство, криминализация ситуации в Европе.

Текущий миграционный кризис нанес ощутимый удар по одному из наиболее значимых компонентов современной европейской цивилизации – ее благополучию, долгое время являвшемуся предметом особой гордости европейцев и, соответственно, желания приобщения к нему представителей иных цивилизаций.

Массовый наплыв мигрантов повлек за собой обострение целого ряда существующих и реанимацию уже забытых в Европе негативных явлений в социально-экономической сфере: резкое снижение жизненного

уровня, безработица, массовые посягательства на честь и достоинства граждан, угрозы террористического характера, обострение этноконфессиональных противоречий и т.д. Эти и другие явления в значительной мере стали определять состояние и динамику развития внутривнутриполитической ситуации, как в ряде европейских стран, так и в целом в Европейском Союзе (ЕС). Наиболее же очевидным следствием миграционного кризиса является резкое снижение социального статуса и уровня населения.

Это обусловлено тем, что миграционные потоки сопряжены с выделением значительных финансовых средств. Так, по заявлению председателя Еврокомиссии (ЕК) Ж.-К. Юнкера, прием беженцев обошелся ЕС в 10 млрд евро, и это не считая тех средств, которые были потрачены на решение миграционных проблем из национальных бюджетов стран Евросоюза. В последующем эти затраты, по прогнозу МВФ, должны значительно возрасти, по крайней мере, на 0,15% от совокупного ВВП [16]. По мнению же вице-президента по бюджету и проблемам беженцев Еврокомиссии К. Георгиевой, для решения проблемы беженцев Европе нужно еще порядка 15 млрд долл. [7].

Усугубляет ситуацию и «шантаж» со стороны Турции, которая требует все больше средств на сдерживание непрекращающегося потока беженцев в Европу. В апреле 2016 г. Еврокомиссия одобрила создание в Турции специального фонда для беженцев размером в 3 млрд евро, из которых сама ЕК выделит 500 млн евро, а оставшиеся 2,5 млрд предстоит собрать странам ЕС. Эти средства предполагается направить на реализацию совместного проекта помощи и переселения беженцев, которые предположительно будут израсходованы до конца 2017 г. В 2018 г. Евросоюз планирует выделить Турции еще 3 млрд евро для обеспечения нужд беженцев. В то же время, запросы Турции на решение этих вопросов более масштабны и предполагают выделение, как минимум, 30 млрд евро.

Таким образом, на фоне миграции отошли на второй план проблемы рецессии, которые никуда не делись, просто перестали быть в центре внимания европейских и, в целом, мировых СМИ. В реальности же они в значительной мере обостряют и без того сложную социально-экономическую ситуацию в ряде европейских стран.

Это особенно наглядно просматривается в развитии ситуации с долговым кризисом в Греции, принимающей к тому же на себя основные потоки беженцев. По заявлению руководства МИД Греции, с начала миграционного кризиса «страна потратила порядка 2 млрд евро» [11], что составляет более 1% ВВП. И это при том, что с 2010 г. Греция живет в режиме жесточайшей экономии. Сокращение же выплат

на социальные нужды является одним из основных требований Еврокомиссии по выделению кредитов и займов Греции, внешний долг которой составляет 321,7 млрд евро (178% ВВП).

Значительные финансовые средства из бюджета на содержание беженцев, находящихся на их территории, тратят и другие страны Евросоюза.

Так, в частности, расходы бюджета Австрии, по данным Министерства финансов этой страны, в 2016 г. составят порядка 1 млрд евро или 0,3% ВВП. В 2015 г. они составляли порядка 0,1% ВВП [4]. В Швеции затраты на обеспечение проблем, связанных с приемом и размещением мигрантов, в 2016 г. составят 0,9% ВВП. Расходы Словении составляют порядка 770 тыс. евро в день. При этом ее общие затраты уже составили порядка 60 млн евро. Тем не менее, этих средств недостаточно, и для решения проблем нахлынувших в страну мигрантов, по заявлению главы МВД Словении В.Д. Жнидар, необходимо дополнительно порядка 140 млн евро [3].

Из всех стран Евросоюза больше всего средств национального бюджета, начиная с апреля 2015 г., на решение миграционных вопросов потратила Германия. Так, по расчетам Института мировой экономики (IfW) в Киле, в 2015 г. на мигрантов было потрачено не менее 10 млрд евро, учитывая все расходы трехуровневой бюджетной системы страны: федерального бюджета, бюджета земель и муниципалитетов.

При этом динамика расходов на решение проблем, связанных с мигрантами, по прогнозам немецких экономистов, будет стремительно расти. Так, по прогнозу IfW, начиная с 2016 г., Германия будет тратить на выходцев из воюющих государств от 25 млрд евро в год (если в ФРГ будет прибывать ежегодно по 360 тыс. беженцев) до 55 млрд евро (если ежегодный приток мигрантов будет миллионным). Прогноз касается периода с 2016 по 2022 г. Таким образом, по максимальным расчетам, беженцы могут стоить экономике Германии порядка 385 млрд евро в ближайшие семь лет. Несколько иные оценки представляет исследовательский институт DIW, по подсчетам специалистов которого расходы Германии на мигрантов в 2016 г. вырастут с 10 до 15 млрд евро, а в 2017-м – до 17 млрд евро. Несмотря на столь существенные различия в прогнозах, тем не менее, очевидно, что затраты в рамках как оптимистичного, так и пессимистичного характера развития ситуации в целом нанесут существенный ущерб развитию немецкой экономики, являющейся наиболее эффективной во всем Евросоюзе.

На этом фоне несколько лицемерно и издевательски звучат заявления директора Международного валютного фонда К. Лагард относительно того, что мигранты будут способствовать росту ВВП европейских стран [12]. По мнению аналитиков, если рост ВВП и произойдет,

то в значительной мере за счет доходов от полукриминальных или откровенно криминальных видов деловой активности, таких как проституция, контрабанда, торговля наркотиками и т.д., с учетом вступивших в силу с 1 сентября 2014 г. новых правил вычисления годовых показателей ВВП во всех странах Европы [14].

В целом, следует отметить, что экономическая ситуация как в Германии, так и в остальных странах ЕС подвержена серьезным испытаниям вследствие затрат на решение миграционных проблем, которые тяжелым бременем ложатся на бюджет как самого Евросоюза, так и стран, в него входящих.

По сути, это те деньги, которые были предназначены для социальных и иных программ самого Евросоюза и были изъяты из сферы обеспечения жизнедеятельности европейских граждан, что, безусловно, отражается на жизненном уровне граждан ЕС и провоцирует протестные настроения. Они уже проявились во Франции, Италии, Польше, Словении, Греции. Напряженная ситуация складывается в Бельгии, Великобритании и Швеции.

Это отчетливо осознается руководством ЕС, которое пытается для «латания дыр», образовавшихся вследствие непредвиденных расходов на мигрантов, реализовать комплекс мер по их хотя бы частичной компенсации. При этом меры, которые предлагаются реализовать для пополнения т.н. «миграционного» бюджета, носят далеко не финансово-экономический характер и вызывают отторжение даже у руководства ряда европейских стран.

Так, в частности, крайне негативно в Венгрии, Польше, Литве и ряде других стран отреагировали на попытку ввести своего рода налог на отказ от размещения беженцев на своей территории. По замыслу Еврокомиссии, каждая страна должна выделить в общий бюджет средства из расчета по 250 тыс. евро за каждого непринятого мигранта.

Неприятие вызывают и предложения руководства ЕС по квотированию мигрантов по всем странам ЕС, учитывая следующие показатели: численность населения (40%), ВВП страны (40%), уровень безработицы (10%), количество прошений об убежище на миллион жителей страны, поданных в 2010–2014 гг. (10%). В соответствии с этими предложениями, предполагалось расширить квоты на прием мигрантов с 40 тыс. до 160 тыс. чел. на весь Евросоюз [5].

Концепция квот была «принята в штывки» практически всеми главными европейскими акторами, посчитавшими ее противоречащей интересам своих стран. С ней не согласны и сами мигранты, поскольку условия их пребывания и, соответственно, затраты на эти цели существенно отличаются и варьируются: от 73 евро в месяц в Румынии до 336 –

в Германии. Все это является мощным стимулом для освоения ими более благополучных в социальном плане государств.

Важно отметить то, что основная масса мигрантов изначально нацелена в наиболее развитые страны Западной Европы. Это свидетельствует о высокой степени их информированности относительно условий жизни, качества и «щедрости» социально-экономической поддержки, оказываемой мигрантам и беженцам в той или иной стране ЕС. Современные мигранты, в отличие от своих предшественников, не бегут от опасности куда глаза глядят, а действуют, исходя из информации не только СМИ, но также формальных и неформальных информационных сетей этнических диаспор, возникших благодаря распространению Интернета и средств мобильной связи [9].

В результате, в ЕС наметилось несколько «очагов», где опасность достигла максимального уровня. Прежде всего, это Германия и скандинавские страны. Эти страны проводят крайне благоприятную в отношении мигрантов социальную политику. Вследствие чего 43% всех заявлений о предоставлении убежища, поданных в первой половине 2015 г. в ЕС, пришлось на Германию. Именно она и еще три других европейских государства принимают практически всех беженцев. Во многих странах, особенно в Восточной Европе, правительства, да и сами жители, выступают против приема беженцев и мигрантов.

Примечательна в этом плане позиция президента Чехии М. Земана, который сказал: «Никто здесь беженцев не приглашал» и добавил, что его страна может принять больше украинских беженцев, потому что они «могут лучше интегрироваться в общество, в отличие от мусульман» [5]. Аналогичную позицию занимают лидеры и других восточноевропейских стран: Венгрии, Польши и даже прибалтийских стран, традиционно демонстрирующих свою лояльность высшим органам управления ЕС. Так, в частности, президент Литвы Д. Грибаускайте назвала распределение квот внутри ЕС «несправедливым и не имеющим смысла» [6]. Критически воспринимает решения Еврокомиссии и руководство Венгрии.

Помимо этого, финансовые проблемы руководство ЕС пытается решить и за счет тех, кто никакого отношения не имеет ни к ЕС, ни к миграционному кризису в нем. Свидетельством тому стало рассмотрение в мае 2016 г. Европарламентом вопроса о введении нового визового сбора в размере 50 евро для всех прибывающих в Европу иностранцев. Средства, собранные таким образом, будут направлены на урегулирование миграционного кризиса в Европе. Все деньги пойдут на финансирование различных совместных с африканскими странами проектов, которые призваны остановить миграционный поток и решить

часть проблем с беженцами. Кроме этого, планируется ввести еще один дополнительный сбор в размере 10 евро за каждый авиабилет в Европу, приобретенный иностранцами [17]. Все это является, на наш взгляд, проявлением не только некомпетентности в данном вопросе, но и определенного рода паники.

Размещение и содержание мигрантов порождают экономические, политические и социальные кризисы, проявляющиеся в росте недовольства налогоплательщиков, напряженности и национальных предрассудков в обществе.

Пока протесты носят антиправительственный характер и не увязываются, за некоторым исключением, с мигрантами. В то же время, данная тенденция уже обозначилась и в перспективе может привести к радикализации общественного мнения и всплеску антимигрантских настроений. Пока они носят эпизодический характер и проявляются в виде напряженности между людьми в зонах массового скопления мигрантов. Кроме того, сейчас наблюдаются антимигрантские «вылазки», которые совершают местные жители или ультраправые активисты в Швеции, Германии и некоторых других странах.

Большой общественный резонанс получила массовая драка 16 апреля 2016 г. в стихийном лагере у станции метро «Сталинград» в Париже. В массовых беспорядках участвовали, с одной стороны, выходцы из Афганистана, Сомали, Судана, стран Ближнего Востока и Южной Африки, а с другой – т.н. «линчеватели», выступающие против миграционной политики в Европе.

Стихийно образовавшиеся лагеря беженцев в ряде городов Франции, на границе Македонии и Греции, уже получившие название «джунглей», априори являются источником криминализации ситуации. Печальную всемирную известность получил лагерь мигрантов в французском г. Кале, на территорию которого французские законы уже фактически не распространялись. В феврале органы власти Кале приняли решение о сносе лагеря мигрантов, поддержанное решением суда г. Лилля. В марте, несмотря на сопротивление обитателей «джунглей», лагерь был ликвидирован, а мигранты расселены по другим лагерям. Тем самым, проблема в определенной мере была разрешена, хотя бы в приграничных территориях Франции.

Все это постепенно формирует конфликтный потенциал, который в любой момент может стать источником конфликтов более высокого, этноконфессионального, уровня. В перспективе же эскалация внутривнутриполитической напряженности в ряде стран вполне реальна с учетом того, что угрозам подвергаются и такие фундаментальные ценности европейского сообщества, как безопасность, неприкосновенность личности,

защищенность гражданских прав и др. И она уже проявляется, причем в криминализации ситуации в целом ряде стран.

Резонансными в этом плане стали события в ночь на 1 января 2016 г. в Кёльне и ряде других городов Германии (Штутгарте, Гамбурге, Берлине, Дюссельдорфе), связанные с массовыми нападениями на женщин. Только по итогам новогодней ночи в полицию поступило более 600 заявлений от пострадавших, речь идет об избиениях, кражах, изнасилованиях, оскорблениях и сексуальных домогательствах. Этот новый вид противоправных действий, получивший название «охота на женщин», очевидно, так и остался бы малоизвестным фактом криминальной хроники, если бы не видео, попавшее в Интернет и продемонстрировавшее нападения мигрантов на женщин в режиме реального времени. Как оказалось, аналогичные нападения на женщин происходили и в других городах Германии, а также в Швеции, Дании и Бельгии.

Всего же, по состоянию на конец марта 2016 г., в 12-ти из 16-ти немецких земель 1218 пострадавших подали 1527 заявлений о кражах и сексуальной агрессии. 1076 заявлений пришлось на Северный Рейн-Вестфалию и, в частности, Кёльн и Дюссельдорф, а 195 – на Гамбург.

По заявлениям пострадавших, нападения на них осуществляли целые группы молодых мужчин североафриканской внешности, многие из которых не говорили по-немецки. По данным полиции, большинство преступников, которых удалось идентифицировать, оказались недавно приехавшими в Германию с Ближнего Востока и Северной Африки. Данная ситуация, таким образом, свидетельствует о том, что в условиях миграционного кризиса европейцы стали заложниками своих же собственных гуманистических принципов.

Особое возмущение у немецких граждан вызвала вялая реакция полицейских, побоявшихся применять силу к бесчинствующим мигрантам, чтобы не вызвать неизбежного громкого скандала в средствах массовой информации и резкого общественного осуждения, а также последовавшие за тем попытки органов власти как муниципального, так и федерального уровня всячески представить эти противоправные акции как мелкое хулиганство. Возмущение также вызвало и заявление обербургомистра Кёльна Г. Рекер о том, что подвергшиеся насилию женщины сами виновны в «провоцировании» молодых мужчин-мигрантов к нападению на себя [13]. Речь, таким образом, идет, по сути, о фактическом сговоре органов власти против безопасности своих граждан, выражающемся в непринятии мер по обеспечению их безопасности и приукрашиванию ситуации.

Примечательны и официальные заявления Федерального ведомства уголовной полиции Германии, в которых отмечается, что коренные

немцы совершают не меньше преступлений, чем мигранты, а может, и больше. По информации данного ведомства, в 2015 г. мигрантами в Германии было совершено порядка 208 тыс. проступков и преступлений. При этом 80 тыс. зарегистрированных нарушений относится к езде без билета в общественном транспорте и подделке различных документов, в т.ч. – проездных, справок, еще 90 тыс. – мелкое воровство. Относительно серьезных преступлений беженцы совершили в 2015 г. порядка 36 тыс., среди которых – ограбления, нанесение увечий, вымогательство, насилие, в т.ч. и сексуальное [8]. Это, по словам министра внутренних дел ФРГ Т. де Мезьера, свидетельствует о том, что беженцы не более склонны к совершению преступлений, чем другие группы населения Германии. Таким образом, позиция официальных властей Германии, равно как и других европейских стран, сводится к игнорированию криминализации ситуации, связанной с миграционным кризисом.

В то же время, очевидно, что данная статистика не отражает реальное положение дел, как в самой Германии, так и в других странах ЕС, принявших на свою территорию беженцев. Уязвимость этой статистики определяется тем, что она не учитывает преступлений и правонарушений в отношении самих беженцев. А здесь ситуация далеко не такая радужная, как в официальной статистике. Об этом свидетельствуют, в частности, обнародованные Интерполом сведения об исчезновении 10 тыс. несовершеннолетних мигрантов [10]. И это лишь вершина того криминального «айсберга», с которым сталкиваются мигранты, попадая в Европу. Именно беженцы являются объектом массовых преступлений, не учитываемых официальной европейской статистикой.

Уже сам процесс попадания в Европу сопряжен с преступным по своей сути бизнесом – контрабандой нелегалов, приносящим баснословные прибыли. По данным заместителя командующего операцией ЕС в Средиземном море, одно судно может принести контрабандистам до 380 тыс. евро [1]. К настоящему времени сложился целый синдикат преступных группировок, специализирующихся на переправке беженцев в Европу. Их представители не только требуют с мигрантов деньги за перевозку через границу, но и продолжают делать это по прибытии. Большинство беженцев беззащитны, не знают законов новой страны. Поэтому тут же находятся посредники, которые предлагают им помощь в поиске работы и сборе бумаг. Если у них нет денег, они берут в долг у местной мафии, которая заставляет их его отбавлять.

В результате, организованная преступность эксплуатирует мигрантов в ресторанах или в подпольных мастерских. На юге Италии, например, местные банды используют мигрантов для работы в сельском хозяйстве. Помимо такого близкого к рабству нелегального труда, речь может

идти о проституции и сутенерстве. Долгое время проституция нелегалов ограничивалась представителями их общины, однако теперь «рынок» открывается и для европейцев. Особенно остро эта проблематика стоит среди нигерийцев. Женщин заставляют заниматься проституцией, а мужчин – попрошайничать [1].

Аналогичная ситуация складывается и в Германии, где, по заявлению руководителя немецкого профсоюза полиции Б. Пфальцграфа, лагеря беженцев являются объектами пристального внимания различных банд с целью их вербовки. Наиболее уязвимы, по его словам, одинокие молодые люди. Девушки могут против своей воли оказаться в борделях. В самой большой опасности находится молодежь, которая фактически «растворилась» среди местного населения. В одном только Берлине, по словам Пфальцграфа, около 20 тыс. беженцев, о местонахождении которых у полиции нет достоверной информации [2].

Все это является свидетельством того, что преступные группировки, в т.ч. и европейские, извлекают максимальную выгоду от миграционного кризиса. В результате Евросоюз не только фактически финансирует контрабанду мигрантов, но и толкает их «в объятия преступников». Позитивных подвижек в этой области ждать не приходится с учетом отсутствия эффективной политики органов власти как самого ЕС, так и стран, в него входящих. Преступность в отношении мигрантов стараются просто не замечать, чтобы не портить общую благоприятную толерантную картину.

Стараются органы власти ЕС, очевидно, не замечать и другую, не менее значимую проблему. Речь идет об ухудшении санитарно-эпидемиологической ситуации в ряде европейских стран. Уже сейчас в ряде лагерей беженцев сложилась тяжелая ситуация. Так, в лагере на греко-македонской границе в антисанитарных условиях живут почти 10 тыс. чел. Мусорные контейнеры переполнены, у нелегалов нет возможности принять душ, проблемы возникают с едой и питьевой водой. У беженцев выявляют желудочные заболевания, педикулез и даже гепатит.

В перспективе же, по мнению российского профессора-вирусолога А.А. Чепурнова, масштабные миграционные потоки в Европу могут привести к таким тяжелым последствиям, как массовое распространение туберкулеза и гепатитов, а также к риску завоза различных экзотических заболеваний, нетипичных для местных жителей [15].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что, по сути, у Евросоюза в настоящее время нет конкретных решений как проблем, связанных с беженцами, так и в целом миграционного кризиса. Оба эти направления – часть сферы общественных благ (социальное обеспечение, экономика и безопасность), распределение которых являются

первоочередной функцией любого суверенного государства. Именно по этой причине общая экономическая и миграционная политика для Евросоюза оказалась наиболее провальной, т.к. никакая европейская страна не собирается всерьез отказываться от своего национального суверенитета.

Библиографический список

1. Баланш Ф., Керс С. Европа толкает мигрантов в объятия преступников // ИноСМИ.Ру URL: <http://inosmi.ru/social/20160201/235237856.html> (дата обращения: 01.07.2016).
2. Берлинская мафия: преступные кланы вербуют прибывающих в Германию беженцев // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/article/159042> (дата обращения: 01.07.2016).
3. Болгова Е. Словении нужно 140 миллионов евро для разрешения миграционного кризиса // Комсомольская правда. URL: <http://dailynewsight.ru/?u=23102015116> (дата обращения: 01.07.2016).
4. В Австрии расходы на мигрантов в 2016 году оценили в 1 млрд евро // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/world/473413> (дата обращения: 26.06.2016).
5. Гасанов Р.М. Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, перспективы разрешения // VIII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» – 2016. URL: <http://www.scienceforum.ru/2016/1834/23426> (дата обращения: 26.06.2016).
6. Евросоюз планирует ввести новый сбор для иностранных туристов // Tourismetc. Новости туризма. URL: <http://tourismetc.com/evrosouz-planiruet-vesti-novii-sbor-dlya-instrannih-turistov/> (дата обращения: 30.06.2016).
7. Евросоюз подсчитал, сколько еще нужно денег на проблему беженцев // Суть Событий. URL: <http://argumentiru.com/world/2016/04/426647> (дата обращения: 29.06.2016).
8. Каматозов А. Чем промышляют беженцы в Германии // ИноСМИ.Ру. Германия. URL: http://inosmi.ru/country_german/20160227/235559712.html (дата обращения: 09.07.2016).
9. Капица Л.М. Миграционный цунами в Европейском союзе // Университет МГИМО. URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document277067.phtml> (дата обращения: 07.07.2016).
10. Марешаль Э. Невероятная прибыль перевозчиков мигрантов в Средиземноморье // ИноСМИ.Ру. Экономика. URL: <http://inosmi.ru/economic/20151219/234856467.html> (дата обращения: 01.07.2016).
11. МИД Греции заявил, что страна потратила на беженцев около 2 млрд евро // РИА «Новости». URL: <http://ria.ru/world/20160418/1414596655.html#ixzz48YToMoTj> (дата обращения: 05.07.2016).
12. МВФ опубликовал доклад о пользе мигрантов для экономики ЕС // BBC. Русская служба. URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/01/160120_imf_migrants (дата обращения: 07.07.2016).
13. Немецкие СМИ и пользователи соцсетей возмущены шокирующим советом мэра Кёльна женщинам // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/article/140681> (дата обращения: 07.07.2016).

14. Проститутки и наркотики будут поднимать ВВП Европы // Вести. Экономика. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/46422> (дата обращения: 03.07.2016).
15. Профессор [А. Чепурнов]: мигранты «вернут» Европе забытые заболевания // РИА «Новости». URL: <http://ria.ru/world/20160127/1366102787.html> (дата обращения: 05.07.2016).
16. Россия и мир: 2016. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз // ИМЭМО РАН. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2015/2015_024.pdf (дата обращения: 05.07.2016).
17. Osteuropa und die Flüchtlingskrise: “Keiner hat hier Flüchtlinge eingeladen” // Spiegel Online. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/osteuropa-fluechtlingskrise-spaltet-europa-a-1051193.html> (дата обращения: 05.07.2016).

Д.Н. Карзубов

Новые методы исследования политического протеста (на примере протестных акций в г. Минеральные Воды, 2014 г.)¹

В статье представлены данные анализа политического протеста в г. Минеральные Воды осенью 2014 г. Массовая протестная акция проанализирована в соответствии с эмпирической моделью, включающей исследование предпосылок протеста, повода массовой протестной акции, роли государства в урегулировании протестных процессов, ивент-анализа (изучение хронологии протеста), анализа активности в социальных медиа (цифровое сопровождение политического протеста), основных электронных СМИ, распространявших информацию о массовой протестной акции, исследование итогов политического протеста.

Ключевые слова: политический протест, массовая протестная акция, методы исследования протестных процессов.

¹ Работа поддержана грантом РФФИ № 14-07-00694-а «Методология интеллектуального поиска маркеров в Интернет-контенте».

Массовые протестные акции, спровоцированные межэтническими противоречиями, – весьма актуальный объект современных российских политических исследований. Социальные столкновения между местным населением и мигрантами резко усиливаются в условиях кризисных явлений в экономике регионов России и социальной нестабильности. С 2006 по 2014 гг. в РФ произошла серия протестных событий, имеющих межнациональный контекст: в Бирюлево, Кондопоге, Ростове-на-Дону, Пугачёве. Массовые протестные выступления в Минеральных Водах осенью 2014 г. имеют ряд общих характеристик с перечисленными событиями, их анализ позволит в дальнейшем сравнить общие и особенные механизмы протекания протестного процесса во всех названных кейсах.

Теоретическая база исследования представлена основными идеями ученых, изучающих проблемы коллективных действий (Г. Лебон [8], Г. Рейнгольд [14]), межэтнических отношений (В. Бианки [1], Л.М. Дробижева [2; 3], Х.С. Киреев [4; 5], А.В. Коротаев [6], В.В. Костюшев [7]). Исследование также опиралось на работы о природе и факторах массовых протестных действий (М. Кристенсен [25], Н.А. Мязин [11], С. Наумов [12], В.В. Сафронов [15], С.В. Спиридонов [18], А. Соболев [16], Л.Р. Сюкияйнен [21], В. Паниотто [13], А.В. Манойло [9; 10], С.В. Хмельский [24] и др.).

Методологическая основа исследования сформирована трудами М.В. Абрамова, А.А. Азарова, Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской, А.А. Фильченкова, Н.А. Пономарёва и В.Л. Шаповалова [19; 20; 22]. В работах этих авторов разработана и апробирована эмпирическая модель анализа протестных акций, содержащая ивент-анализ, контент-анализ материалов традиционных и новых медиа о протесте и киберметрия сообщений социальных медиа, связанных с протестными событиями.

Цель настоящего исследования состоит в проведении анализа массовых протестных акций в Минеральных Водах в 2014 г. по методике, сходной с эмпирической моделью коллектива указанных авторов. Данные протестные события изучены по следующим параметрам: предпосылки протеста; повод протеста; роль государства в урегулировании протестных процессов; хронология протеста; активность в социальных медиа (цифровое сопровождение протеста); основные электронные СМИ, распространявшие информацию о протесте; итоги массовой протестной акции.

Факторами, способствующими формированию протестного процесса в Минеральных Водах, служил широкий круг обстоятельств. За годы, непосредственно предшествовавшие протесту, в Минеральных Водах

и на прилегающих территориях сложился симбиоз нескольких групп влияния: во-первых, казачества, во-вторых, организованной преступной группы (ОПГ), состоящей из членов армянской диаспоры, в-третьих, представителей местных властей и, в-четвертых, правоохранительных структур.

Существование подобного альянса привело к тотальному господству правового нигилизма в жизни города. В нем развивалась торговля наркотиками, мошенничество, увеличилось количество краж имущества, случаев хулиганства и нанесения тяжких телесных повреждений и пр. Помимо этого, представители криминального альянса активно продвигали свои интересы в сфере ЖКХ и участвовали в разделе земли, в т.ч. – участков курортной территории, действуя в ущерб интересам как широких слоев населения, так и местных предпринимателей.

Анализируя предпосылки протеста, следует также отметить специфику ситуации в современном Ставрополе: усиление потока переселенцев из национальных республик Северного Кавказа и государств Закавказья, отток с территории края русскоязычного населения, межэтнические столкновения, борьба за раздел земли, зачастую осуществляемая криминальными методами, неэффективность работы правоохранительных органов, распространенность «кулачного» и «телефонного» права, близость к очагам террористической активности. В совокупности перечисленные факторы сформировали условия, при которых готовность населения к активному протесту возросла до максимально высоких для России показателей.

Непосредственным поводом, «спусковым механизмом» протестной акции стало убийство 31-летнего Анатолия Ларионова в приемном покое городской больницы, совершенное толпой, состоявшей из представителей армянской ОПГ и казаков в ночь с 20 на 21 сентября 2014 г. Драйвером массовых протестных действий послужило циркулирование сообщений и видео о совершенном преступлении в блогах. Усиленный в этих материалах межэтнический контекст вызвал широкий общественный резонанс как в Минеральных Водах, так и за пределами города. Подобная риторика подключила к произошедшему событию внимание и радикально настроенных группировок, и федеральных властей, и регионального руководства, и элит национальных республик Северного Кавказа, для которых тема межнациональных отношений на Ставрополе традиционно является одним из наиболее значимых элементов повестки дня.

Анализируя роль государства в данном политическом протесте, следует отметить невозможность ее однозначной оценки. С одной стороны, оно выступало в качестве «третьей стороны», арбитра для участников

конфронтации, который своим вмешательством положил конец эскалации протестных событий и в дальнейшем де-факто завершил их. С другой стороны, не только муниципальные органы власти, но и представители полиции и судебных органов, функционирующих в рамках ведомственной вертикали и независимые от местных властей, оказались аффилированы с криминализированными элементами внутри казачества и армянской этнической ОПГ.

Таким образом, можно говорить о том, что наиболее влиятельные в городе социальные силы попытались использовать ресурсы государственного аппарата для достижения собственных целей. При этом методы, использованные группами влияния, напрямую расходились с государственными интересами.

Наиболее серьезные меры были предприняты со стороны федеральной власти. Довольно заметны усилия по урегулированию ситуации председателей комитетов администрации Ставрополя по делам национальностей и казачества, сити-менеджера, всего состава депутатов городского Совета народных депутатов, первого заместителя главы г. Железноводска, главврача городской больницы и высших чинов местных правоохранительных органов.

Региональная власть в лице губернатора Ставрополя В.В. Владимиров предприняла методы неформального воздействия на массу протестующих, что выразилось в публичной критике местного руководства и обещаниях его замены. В то же время, были организованы методы силового воздействия: широкомасштабные розыски участников нападения на больницу, в результате чего последние в короткие сроки были задержаны. Тем самым, власти сумели, с одной стороны, заметно снизить градус недовольства населения и частично реабилитировать государство в глазах граждан, а с другой – пресечь дальнейшее развитие несанкционированных протестов.

Оценивая роль социальных медиа в развитии данного политического протеста, отметим, что им следует отвести роль основного инструмента формирования протестных установок.

Циркулирующий контент об инциденте усиливается с 26 апреля 2014 г. [17]. Освещение событий крупным федеральным СМИ – «Пятым» каналом [23] – придает им общероссийский масштаб.

Спецификой работы СМИ, как известно, является их ориентированность на сенсацию и скандал, что повлекло закрепление в общественном сознании россиян стереотипа этнического фактора социальных противоречий. Вместе с тем, важной социальной задачей, связанной с сохранением межнационального мира и согласия в российском

обществе, видится сглаживание межэтнических противоречий. Необходимо освещать подобные случаи с позиций различных социальных убеждений, а не с позиций этнических различий участников протестного процесса.

Итогами массовой протестной акции следует признать: ликвидацию существовавшей в Минеральных Водах армянской этнической ОПГ и ослабление криминализированных элементов внутри казачества; роспуск городского Совета народных депутатов, который спровоцировал реформирование местных элит, боровшихся между собой за контроль над муниципалитетом, и отчасти – изменения в структуре регионального истеблишмента; усиление позиций русских националистов.

Однако на состоянии правоохранительных органов рассмотренный кейс отразился слабо: возвращение уволенных руководителей на прежние должности показало, что главы соответствующих ведомств фактически удовлетворены работой своих подчиненных в период, предшествующий анализируемым событиям. Последнее закономерным образом создает предпосылки для рецидивов протестных процессов.

В заключении перечислим основные выводы анализа политического протеста в Минеральных Водах осенью 2014 г.: нерешенность проблем межнациональных отношений, высокий уровень недовольства коренного населения Минеральных Вод правящим в муниципалитете альянсом местных властей и ОПГ катализировали протестные процессы и детерминировали повышение уровня социальной нестабильности и напряженности; существенную роль в формировании общественного мнения о протесте и мобилизации протестной активности жителей Минеральных Вод сыграли социальные медиа, ставшие пространством циркуляции националистических идей и призывов к активным протестным действиям; сходные тенденции в сфере межнациональных отношений в значительной доле регионов России обеспечивают вероятность возникновения в них событий, подобных случаю в Минеральных Водах, что подтверждается событиями в Пугачёве, Бирюлево и в Ростове-на-Дону.

Перспективой исследования является сопоставительный анализ протестных процессов в этих городах, позволяющий выявить механизмы данных массовых протестных акций, имеющих межнациональный контекст. Это будет способствовать установлению прогностических маркеров и обоснования технологий урегулирования данных ситуаций с минимальными негативными последствиями для социального порядка и стабильности.

Библиографический список

1. Бианки В. Самоидентификация и контр-идентификация пользователей Северокавказского федерального округа в социальной сети «ВКонтакте». URL: <http://politkavkaz.ru/upload/iblock/723/7235aea6c80e94e-7e6219450654959cd.pdf/> (дата обращения: 14.06.2016).
2. Дробижева Л.М. Российская идентичность и проблемы межэтнического согласия // Казанский федералист. 2012. № 4 (30). С. 4–21.
3. Дробижева Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. 2012. № 4–5. С. 17–34.
4. Киреев Х.С. Межэтнические конфликты в России: истоки и решения // Власть. 2007. № 10. С. 84–88.
5. Киреев Х.С. Национальная самоидентификация в этнополитических процессах России // Власть. 2009. № 2. С. 54–57.
6. Коротаев А.В., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г. М., 2012.
7. Костюшев В. Социальный протест в поле политиков: потенциал, репертуар, дискурс: (Опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 144–157.
8. Лебон Г. Психология масс и народов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. Реферативный журнал. 1995. № 2. С. 166–189.
9. Манойло А.В. Вооруженный мятеж в Украине может стать для России последним тревожным звонком // NB: Международные отношения. 2014. № 2. С. 24–37.
10. Манойло А.В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» Арабской весны // Власть. 2014. № 4. С. 24–30.
11. Мязин Н.А. Межэтнические конфликты в Великобритании в конце XX – начале XXI веков // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 1. С. 166–169.
12. Наумов С. Украинский кризис как момент истины для российской политики // Власть. 2014. № 4. С. 5–9.
13. Паниотто В. Украина. Евромайдан // Вестник общественного мнения. 2013. № 3–4. С. 17–24.
14. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Пер. с англ. А. Гарькавого. М., 2006.
15. Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4. С. 116–130.
16. Соболев А. География, технологии и политика: факторы коллективного протеста в России 2011–2012-х годов // Социология власти. 2014. № 4. С. 104–138.
17. Сотрудниками полиции проводится расследование уголовного дела по факту происшествия в больнице г. Минеральные Воды // Buzznet: Мониторинг СМИ. URL:<http://mvdrus.ru/news/365420-sotrudnikami-politsii-provoditsya-rassledovanie.html> (дата обращения: 18.06.2016).
18. Спиридонов С.В. «Евромайдан» – новая «Оранжевая революция» в Украине? Или альтернативные методы реализации программы «Восточное партнерство» // Армия и общество. 2013. № 5 (37). С. 47–53.

19. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.) / Абрамов М.В., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю. Ч. II // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3. С. 56–74.
20. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.) / Азаров А.А. и др. Ч. I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 2. С. 63–78.
21. Сюкияйнен Л.Р. «Арабская весна» и исламская правовая мысль // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 16–37.
22. Технология организации движения ЭлектрикЕреван – 2015: результаты анализа Интернет-контента // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 1. С. 57–67.
23. Установлены личности драки в больнице города Минеральные Воды. // Youtube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=cp7TaehTIOk> (дата обращения: 18.06.2016).
24. Хмелевский С.В. Пять минут до «ядерной полуночи», или К вопросу об «экспорте демократии (революций)» и позиции национальной элиты в кризисных ситуациях // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 248–254.
25. Christensen M., Christensen C. The Arab Spring As Meta-Event and Communicative Spaces // Television & New Media. Vol. 14. Issue 4. Pp. 351–364.

Д.Е. Слизовский, А.А. Амиантов

Социально-политические предпочтения молодежи 18–20 лет: контраст между заявлениями и данностью

Статья представляет собой попытку сопоставить и проанализировать представления о молодежи, озвученные 1 декабря 2016 г. в Послании президента страны к Федеральному Собранию, и данные нашего исследования о социально-политических и электоральных предпочтениях студенческой молодежи. Результаты исследования показывают, что ожидания видеть в молодежной страте прочную опору и их способность отвечать на вызовы времени могут серьезно расходиться. Очевиден контраст между политическими заявлениями,

видением, верой и реальностью в оценке этой страты российского общества, что оправдывает политические реверансы, но, одновременно, вызывает к более тщательному и взвешенному академическому подходу в изучении этой проблематики.

Ключевые слова: политические предпочтения студенчества, электоральное поведение студенчества, выборы 2016 г.

Поводом к этой статье послужило обращение Президента России в своем послании к Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г. к итогам прошедшей двумя месяцами ранее избирательной кампании и возникших в этом контексте оценочных характеристик молодежи страны. В предвыборный период нами было проведено эмпирическое исследование как раз об отношении молодежи к политическим процессам, выборам в законодательные органы власти страны. Наше исследование о социально-политических и электоральных предпочтениях студенческой молодежи было начато в период проведения серии политических акций, среди которых имели место апробирование обновленного избирательного законодательства, новые формы политического и предизбирательного процесса, в частности, праймериз. По результатам исследования, часть из них уже опубликованы [13; 14; 15], показано, что студенческая страта электората сегодня несет в себе скрытые формы социального инфантилизма и разнообразных переходов от оппозиционных и даже аполитичных настроений к тлеющему, и возможно – резкому, протестному активизму. Такой срез настроений и отношений к политике и политическому процессу у молодежи серьезно контрастирует с ожиданиями и российского общества, и высшего политического руководства страны, которые хотели бы видеть в молодом поколении надежную и прочную опору России [9]. Собственно, достаточно ли оснований к подобным утверждениям без всякой критической оценки, если обратиться к фактам и доводам, почерпнутым из опыта наших наблюдений?

Конечно, и молодежи, и другим социальным стратам нужно постоянно отстаивать саму возможность быть в гуще социальной и политической жизни. Как и политическим партиям, государственным властным структурам необходимо поддерживать творческие силы общества, искать у них поддержки. Но оказалось, что политические партии в прошедшей предвыборной и выборной стратегии тщетно пыгались завоевать доверие молодежной части электората. И если они не виновны в безынициативности молодежи, то, несомненно, в их деятельности есть что-то, что способствуют этому состоянию. Выясняется, что уровень представлений об этой страте российского общества и политических сил, их

отношения друг к другу также не позволяют им даже серьезно поставить интереснейший исторический и политический вопрос о причинах аполитичности и устойчивого недоверия к выборам и политике со стороны молодежного электората. Молодежь и студенчество тоже заслуживают упрека из-за боязни взять на себя социальную ответственность своего уровня и готовить не просто перемены, но перемены просвещенного будущего.

Проверка точек и признаков пересечения взаимных интересов и представлений, с одной стороны, политических сил страны и с другой – молодежного электората состоялась в процессе прошедшей выборной кампании осенью 2016 г. Политические партии всех идейных направлений страны по ходу приближения выборов провели солидную политическую подготовку как по части собирания, сосредоточения, обучения, испытания, закалки своих рядов, так и в смысле ослабления и разъединения своих политических оппонентов и конкурентов. «Разведка боем» по отработке и уточнению стратегии и тактики выборной кампании политическими партиями, их лидерами, штабами, администрацией президента РФ, региональной властью, Центральной (ЦИК) и региональными избирательными комиссиями, общественными организациями и активистами велась по самым разным направлениям: организационным, политическим, идейным, технологическим. На первое место у политических партий вышли стратегии завоевания доверия своей роли и миссии, поддержки своих взглядов у электората, в т.ч. и у молодежи, которой еще предстояло реализовать не только свое активное и пассивное (для другой части – только пассивное избирательное право), но и определиться с предпочтениями своего жизненного и профессионального настоящего и будущего.

Конечно, от выборов и от процесса участия в них все политические силы ожидали получить властные преференции в законодательных и представительных органах власти страны [8]. При этом и политические партии, и чиновничество спрашивали себя: куда мы идем? Что необходимо сейчас сделать? Общественность, в свою очередь, задавалась вопросом, какая партия, какое правительство, какая политическая группа возьмет на себя ответственность за будущее страны?

На политическом смысле прошедшей выборной кампании и связанных с ней подходах и представлениях о текущем политическом моменте необходимо остановиться, ибо они характерны для переживаемого страной периода. Они отчетливо проясняют суть этого момента; они поучительны, ибо перед нами представления самых молодых людей страны, самого молодого электората. Представления об этой части электората и его самого о текущем политическом моменте стоят много, много выше мнений других представителей гражданского общества и политического

процесса, одинаково правых или ошибающихся в саморефлексии, либо жаждущих вывернуться посредством словесного признания своих успехов, а не поражений на почве активной работы с молодежным электоратом.

Подтверждение сказанному только по части научных изысканий мы обнаружили, например, у руководителя Российского центра обучения избирательным технологиям при ЦИК России (РЦОИТ) А.В. Иванченко: «Я бы еще призвал... проводить совместно с органами власти субъектов Федерации исследования, которые позволяли бы аккумулировать ресурс исполнительной власти, представительной власти регионов, избирательных комиссий субъектов Федерации по работе с молодежью. Тогда и нам на федеральном уровне можно будет оценивать эффективность и, может быть, даже говорить и в целом на федеральном уровне, но делать какие-то акценты, выбирать лучшие практики по конкретным субъектам Федерации, потом распространять лучший опыт работы с молодежью и активности молодежи на конкретных выборах» [14]. Это чисто интеллигентная манера забавно все объяснять по-научному, откладывать все «на потом». При этом, простая сводка фактов показывает: интеллигентские партийные и околопартийные «верхушки» оспаривают свое непременно верное понимание момента. И тоже не лишено смысловых парадоксов и огрехов, попыток аргументировать, а не декламировать, что приоткрывает занавес несостоятельности подходов к проблеме и аргументации.

Политолог, член Общественной палаты РФ, член Совета при президенте России по развитию гражданского общества и правам человека И.Е. Дискин в своих комментариях тогда разъяснял смыслы и значение такой акции, как «праймериз»: «Праймериз крайне необходимы в условиях возвращения к мажоритарным округам. Кандидат должен уметь находить подход к избирателям, а не только рассчитывать на партийную поддержку. А для «Единой России» важно поддерживать статус ведущей народной партии» [10]. Как теперь известно, отказались от такой кампании, но вели, тем не менее, активную подготовительную работу к выборам другие политические партии, в частности, парламентские: КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Молодежный состав партийных активистов в среде таких партий мог рассчитывать лишь на предоставление им роли помощников депутатов. Что явно снижало активность поддержки этих партий при таких предпочтениях со стороны молодых активистов. Современная молодежь привыкла рассчитывать на большее.

Свой ракурс подходов и участия в выборах определили непарламентские и оппозиционные политические партии, а также их лидеры.

В надежде на победу идейный лидер «Яблока» Г.А. Явлинский заявлял: «Сейчас появится возможность сделать такой выбор. Он обычно делается наиболее активной частью общества: интеллектуалами, образованными людьми, людьми, от которых на самом деле зависит будущее. И даже в условиях авторитарной системы, как сегодня, когда власть практически не ограничена в своих решениях и действиях, настрой этой части общества, их участие в этом выборе является исключительно важным для будущих элементов общественного развития. Сейчас появляется такой шанс и вызван он процедурой, которая у нас называется “выборы”».

При всех ее ограниченностях это возможность для выражения своего мнения. Если на участки придет 60, 70, 80 (это уже совсем запредельные цифры) процентов избирателей, вы увидите, как изменится политика в стране» [12].

Под покровом иллюзий на успех председатель партии ПАРНАС, бывший премьер-министр России М.М. Касьянов на телеканале «Дождь» объяснял, зачем партия идет на выборы, существуют ли возможности победить, есть ли шансы на перемены для власти и оппозиции. Он уповал на то, что примерно 6 млн человек из примерно 40 млн населения, проживающих в 22 городах РФ, без какой-либо агитации просто голосуют за демократическую альтернативу. Потенциально, как он считает, это их электорат, и в этом их шанс на победу [4]. Ему в помощь выступил другой оппозиционер – М.Б. Ходорковский, который по ходу подготовки к выборам сделал из Лондона интригующее заявление: «Все прекрасно понимают, что сейчас среди просистемных сил идет не подготовка к нормальным выборам, а кастинг на места при дворе, где есть только один избиратель, а доступ к его уху причудлив, как в Византии сотни лет назад» [5]. И, чтобы институировать оппозиционные убеждения и политику, добавлял: «В этих условиях разумной тактикой реальной оппозиции остается использование имеющихся возможностей для демонстрации обществу альтернативы – как кадровой, так и идейной» [6]. Актуальное и сфокусированное развитие этой мысли обнаруживаем в утверждении координатора проекта «Открытые выборы» Т.Р. Валеева в интервью РБК: «Задача подготовки кадровой альтернативы – как с точки зрения профессионализма и идейной твердости по ключевым вопросам при готовности к компромиссам, так и с точки зрения известности обществу – настолько важна сегодня, что все остальное значения не имеет» [7]. Истинная эмоция принимает уже не иллюзорный характер, когда он говорит: «Проблема нашего времени в том, что нами управляют бабушки и дедушки... которые уже не хотят ничего исправлять». И «политические пенсионеры» не думают о будущем, а «нам с вами здесь жить» [Там же].

В такого рода декларациях и заявлениях усматриваем следующее: в чистом виде оппозиция представляет собой совокупность рациональных реакций и действий, но не лишенных ошибочного политического мышления. Их оппозиционная ментальность находит развитие как ментальность «оппозиционного человека», протестующего и стремящегося к власти. И в такой ситуации теперь уже и РБК использует броский заголовок: «Борцы с коррупцией пойдут на выборы в Госдуму по “списку Ходорковского”» [1].

Таким образом, крен в сторону обновления поколения политических кадров очевиден. Но насколько очевидным оказалось понимание политическими партиями, субъектами политического и избирательного процесса, избирательными комиссиями, представителями всей многофункциональной структуры по подготовке и проведению избирательной кампании, насколько для них понятна и ясная была картина того, что собой представляет база нового избирательного и кадрового поколения?

Оказывается, не явились исключением излишне бодрящие оценки электоральной активности молодежи. «...Повышается ли электоральная активность молодых избирателей у нас на выборах? Несомненно, да. На федеральных выборах в 2011–2012 годах в голосовании приняли участие почти 3/4, а это до 70 процентов молодых людей в возрасте до 30 лет, и более 90 процентов 18-летних впервые голосующих. Несколько меньше, ...так в среднем на 5–7–8 процентов молодых избирателей, активность на региональных и муниципальных выборах, но эффективность, результат ...нашей работы под девизом “Дойти до каждого молодого человека” с молодежью очевиден» [11], – заявлял, например, председатель Избирательной комиссии Белгородской области Н.Т. Плетнёв. Подобные суждения распространены среди части партийной и чиновничьей бюрократии и находят объяснения и подтверждение в непомерно большом числе мероприятий и акций.

Остановимся на некоторых теперь уже состоявшихся событийных примерах. Масштабная работа по организации выборов с молодыми избирателями, для обсуждения вопросов избирательного права и избирательного процесса проводилась в течение всего текущего года, например, ЦИК и РЦОИТ в рамках Всероссийских молодежных форумов 2016 г. Они включали в себя насыщенную образовательную программу, встречи с первыми лицами государства, а также с ведущими специалистами из различных сфер деятельности – как общероссийского, так и мирового масштаба. Форматы проведения таких программ: групповые тренинги, форсайт-сессии, панельные дискуссии и т.п. Самыми масштабными легкими образовательными площадками для молодежи являлись: «Территория смыслов на Клязьме», «Балтийский Артек»,

«Таврида на Бакальской косе», «Итуруп». И вновь главными для переживаемого момента при обучении смены под названием «Молодые депутаты и политические лидеры», оказались, как нам представляется, не смыслы содержания и перечень заданных вопросов и ответов на них по поводу возможности участия молодежи в избирательном процессе, в коих пряталась теперь уже молодежная наивность в сочетании с юношеским максимализмом, а столь же максималистский призыв к молодежи, например, председателя ЦИК Э.А. Памфиловой, активной участвовать в выборах [2].

Попытки аргументировать, а не только декларировать эффективность работы по повышению электоральной активности и просвещению молодых избирателей, по повышению правовой культуры и получению правовых знаний в области избирательного права и законодательства о выборах и референдумах обнаруживают себя в бросающемся в глаза обилии проводимых акций и мероприятий в этом направлении. Так, в марте 2014 г. Постановлением ЦИК РФ № 221/1429-6 была утверждена Молодежная электоральная концепция, которая разрабатывалась и принималась во имя того, чтобы устранить имеющиеся проблемы организационного и содержательного свойства в сложившейся системе повышения правовой культуры молодых избирателей. Уже тогда выделялся ряд системных проблем:

- а) ограниченный круг участников;
- б) неоперативное изменение учебных программ и учебно-методических материалов, в т.ч. с использованием современных информационных технологий, их недоступность широкому кругу пользователей;
- в) слабое использование просветительских и информационных возможностей и отсутствие условий для саморазвития этой самой системы;
- г) неспособность и неготовность системы противодействовать использованию неправомερных способов общественного контроля за выборами.

Невозможно отрицать демократический характер и ориентацию подобных оценок существующих проблем и порядка их устранения в деле налаживания правовой культуры молодых избирателей. Но, в действительности, есть основания сказать: заложенные Молодежной электоральной концепцией процедуры и механизмы представляют собой все ту же консервативную систему, которую авторы этой концепции критиковали, поскольку она не способна вызвать здоровый, деятельный интерес к политике и выборам у молодежи.

Вся история подходов к формированию Концепции и реализации ее основных положений во множестве мероприятий показывает торжество этой самой консервативно-бюрократической линии и стилистики в работе структур, причастных к этому делу. Центр тяжести в этой

сфере сместился к организационным, бюрократическим и академическим формам работы. Цели и задачи такой работы сводились к созданию новых структур, рабочих групп, их укомплектованию, поручениям по выработке учебных и методических материалов. Так, в октябре 2015 г. ЦИК РФ, наконец-то, сформировала окончательный состав Рабочей группы по реализации Молодежной электоральной концепции из 26 человек. Уже с 2000 г. ЦИК и РЦОИТ последовательно проводили в жизнь комплекс мероприятий по повышению правовой культуры избирателей и по обучению организаторов выборов и референдумов. Конечно, существенное место в этой деятельности занимала и занимает работа с молодыми гражданами РФ в возрасте от 18 до 35 лет.

С 2007 г. по соответствующему постановлению ЦИК «О проведении Дня молодого избирателя» проводятся ежегодные мероприятия на федеральном уровне, а избирательными комиссиями субъектов РФ принимаются и реализуются соответствующие региональные программы повышения правовой культуры избирателей. В реализации таких программ активно участвуют территориальные избирательные комиссии и избирательные комиссии муниципальных образований. Распоряжением ЦИК от 26 января 2016 г. № 13-р в рамках Дня молодого избирателя предусматривались:

а) информационно-разъяснительные мероприятия, направленные на развитие и повышение правовой культуры молодых избирателей (первая половина 2016 г.);

б) мероприятия, направленные на привлечение молодежи к участию в выборах (первая декада сентября 2016 г.).

Новаторством организаторы этого мероприятия посчитали то, что заседание рабочей группы по реализации Молодежной электоральной концепции от 25 февраля 2016 г. проводилось в режиме видеоконференции с избирательными комиссиями субъектов РФ. На этом заседании, трудно сказать, каким по счету, то ли третьем, то ли четвертом, заместитель председателя ЦИК Л.Г. Ивлев в очередной раз призывал: «В любом случае... приглашаем молодежь для работы в избирательных комиссиях... это важно. Рабочая группа... традиционно занимается этими вещами. Мы ожидаем, что будет большой приток молодых кандидатов в списках партий, уже сейчас лидеры партий делают заявления о том, что они и молодежь участвует в праймеризах партий, кто проводит из них... Молодежный парламент при Государственной Думе [сделал заявление], что они тоже готовы идти в депутаты. Мы с удовольствием, я лично с удовольствием за вас проголосую» [3]. На том же заседании приводились примеры того, как и что нужно предпринять для усовершенствования политики повышения правовой культуры в избирательном процессе

и как привлечь к этим процессам молодежь разных возрастных групп. Говорилось, в частности, о том, что целесообразно было бы опереться во всех этих делах на общественные организации, такие, как Корпус «За чистые выборы» или «Координационный совет молодых юристов», Российский союз молодежи (РСМ), у которых наработаны связи между школами и вузами и которые располагают активистами. Называлось количество этих активистов: у Координационного Совета порядка 10 тыс. по стране и в регионах, у Корпуса – 6–7 тыс., у РСМ – 140 тыс. индивидуальных членов и 1 млн 200 тыс. участников программы «Ученческое самоуправление» [15].

Самым серьезным образом и постоянно на всех уровнях говорилось примерно одно и то же: выявить наиболее эффективные и перспективные формы работы по развитию правовой культуры и электоральной активности молодых и будущих избирателей; в какие сроки проводить то или иное мероприятие, как согласовывать его с профильным министерством. Пафосно звучали речи об уникальности накопленного опыта и не менее уникальных специалистах государственно-общественного управления и самоуправления в школах и вузах, о необходимости единой правильной кампании ради эффективного воспитания молодежи; что без надлежащей политической правовой культуры народа выборы, собственно, демократическими быть не могут, они могут быть только манипулятивными и псевдodemократическими; что выборы не могут быть основным средством решения системных социально-экономических проблем, и, собственно, эти уроки нам и важно доносить до учащихся и студентов.

Рациональными оказываются (только в академическом плане) суждения о том, что нужна точечная работа по изучению того, сколько молодежи должно в первый раз прийти на избирательные участки. Опять-таки, дифференцированно намечалось это делать на уровне выборов 18 сентября. Столь же убедительными для научных изысканий звучали предложения понаблюдать за возрастной динамикой в сравнении: выборы 2011 г., выборы 2007 г., выборы 2003 г. И сравнить их с теперь уже с седьмым избирательным циклом, т.е. выборами в Государственную Думу РФ 2016 г. Активные участники таких мероприятий и авторы подобных предложений сами признают: пока лишь информационно осваивается работа с различными категориями электората, в т.ч. и с молодежью. Поэтому были в прошлом, остаются и сейчас все основания опасаться, что такая ориентация в работе с молодежным электоратом может вызвать иррациональные реакции со стороны этого самого электората.

Что собой представляло и представляет поколение молодых избирателей, покажем на примере проведенного исследования.

Условия проведения исследования. В опросе участвовало более 500 чел. – студентов вузов, объединенных в учебные группы, выходцев из разных регионов страны, проживающих в Москве и Московской области, активно контактирующих со сверстниками из других стран; мотивированных к получению образования в таких сферах, как экономика, менеджмент, таможенное дело, политология. Ставились задачи определить:

а) отношение этой группы к предварительному голосованию и предстоящим выборам;

б) какие факторы оказывают влияние на ее отношение к выборам.

Существенными были попытки выявить уровень зависимости и связи между участием/неучастием в выборах и личностной судьбой, профессиональными предпочтениями; существует ли для данной группы респондентов главная идея выборов и насколько она для них понятна/непонятна, и как этот фактор влияет на поведение электората?

Результаты исследования не являются законченными. Они отражают только статику явления и представлены в виде нескольких диаграмм и графиков. Выводы исследования могут быть основанием к кардинальной коррекции представлений о данной группе электората и существенным поправкам в представлениях об электорате в целом; к уточнению стратегий участия в выборах для политических партий, кандидатов в депутаты.

Исследование велось в те дни, когда началась подготовка к выборам в Государственную Думу РФ в сентябре 2016 г. и избирательная кампания вошла в активную фазу. На том этапе развернулась и приобрела острый характер борьба за голоса электората. Интрига исследовательской темы состояла в том, что смысл реакций политических сил и студенческого электората затемнялся для многих тем обстоятельством, что имели место, с одной стороны, ошибочное представление о политической роли молодежи, студенчества, его электоральных предпочтениях. О скрытых в этой части электората неразбуженных до поры до времени, но всегда тлеющих силах стихийной разрушительной мощи. Эту силу обычно игнорируют в позитивных значениях, в избирательном процессе, отдавая предпочтение старшим поколениям и пенсионерам. Последние, как правило, голосуют активно. Молодежь же нередко оппозиционные политические партии и политически активное меньшинство при определенных обстоятельствах, например, при обострении социально-политического положения, росте протестных настроений в обществе, готовы использовать в своих целях и интересах, в качестве тарана, дестабилизации общественного благополучия. С другой стороны, можно предъявить претензии к самим студентам за их антиполитичность

и аполитичность к акциям вроде предварительных выборов (праймериз), за иждивенческое отношение к исполнению своих гражданских обязанностей. К таким общим суждениям часто приходили политологи и социологи в прошлом и в России, и за рубежом. Предсказуемо, что большая часть студентов малоактивно или почти безразлично реагировала на праймериз «Единой России». Было предположение, что такого рода реакции повторятся и по ходу самих выборов 2016 г. Чтобы выявить характер реакций у студентов на предвыборную и выборную кампании, перед респондентами (студентами) ставились четыре связанные единой тематикой вопросы:

1. Каково Ваше отношение к праймериз?
 2. Считаете ли Вы, что праймериз являются системой, улучшающей предвыборный процесс в России?
 3. Участвовали ли Вы в праймериз?
 4. Следили ли Вы за новостями, имеющими отношение к праймериз?.
- Приведем статистику ответов (рис. 1).

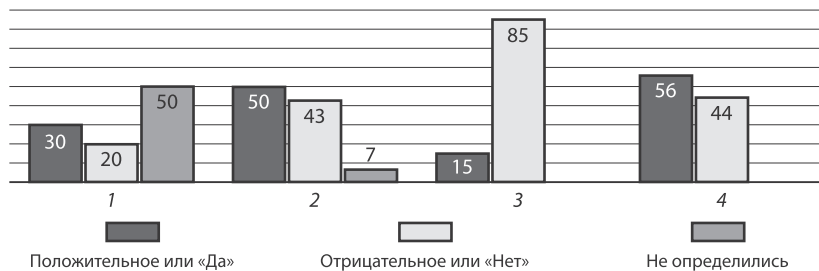

Рис. 1. Отношение и реакции студентов к праймериз (%)

Отношение к праймериз, как можно видеть, распределилось таким образом, что 30% сказали им «да», 20% – нет. И половина опрошенных (50%) не определились в своем выборе. При этом только 43% респондентов не посчитали праймериз достойной системой, улучшающей выборный процесс в стране, а 53% признают эту систему полезной и улучшающей выборный процесс. Бросается в глаза низкая активность молодежи (85%), неготовность в участии в праймериз. Такого рода статистика и вытекающая из нее ситуация, конечно же, является продолжением сложившихся и устойчивых тенденций в электоральном поведении данной категории избирателей. Но продолжение не значит повторение. Могут быть подвижки, когда продолжение будет означать развитие, углубление, обострение электоральных предпочтений и реакций.

К такой логике интерпретации подводит также и зафиксированный достигнутый уровень явки в целом, который, по мнению организаторов праймериз и их аффилированных экспертов, оказался весьма благоприятным. В предварительном голосовании участвовали 9,6% граждан от общего числа избирателей. Конечно, среди проголосовавших были и те студенты, которые вошли в 15% респондентов нашего исследования, заявивших о своем участии в данной кампании. И, если для общего состава электората по поводу его отношения к праймериз приемлем и благоприятен индекс мобилизации в терминах «много или мало», то статистика студенческих предпочтений в форме неучастия (85%) однозначно говорит об их малой мобилизованности и готовности к этой акции. Студенчество, его авангард и даже авангард этого авангарда оказались застигнутыми врасплох. Если и были потуги к активности, то они ограничились лишь отслеживанием новостной ленты по данному поводу в пределах 56%. И даже к этой форме вербальной и познавательной активности не примкнули 46% студентов.

Получается так, что естественной характеристикой политической активности принимается явка от общего состава электората в 9,6%. Но и столь же естественными являются 85% неявки и неучастия студентов, что показывают наши данные. В этом случае за формулировкой о естественной достаточности активности и в 9,6% активности и ее сравнении с 85% неявки и неучастия пробивает себе дорогу бесспорная истина: проблема повышения электоральной активности в текущем политическом моменте остается такой же проблемой, как и до принятия и организации всяческих мер взбадривания этой самой электоральной активности среди молодых избирателей. Значит, правы те, кто будет втолковывать любителям эффективности и активности, что надо уметь работать с этой частью электората. Или уметь искать и налаживать отношения компромиссов и поддержки реальных интересов общества.

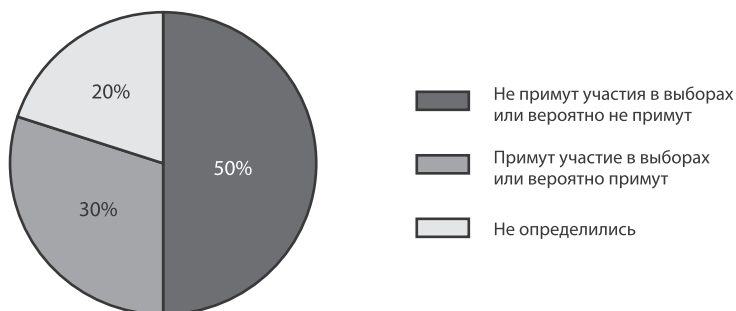

Рис. 2. Отношение к предстоящим выборам в Государственную Думу

Расклад отношений со стороны молодежного электората к праймериз очевиден. Как очевидными оказались и результаты отношения к выборам в Государственную Думу (рис. 2).

Как видим, есть группа неустойчивых антиполитиков и аполитично настроенных. В этой связи, политические партии уж тем более могли бы бороться за голоса и рассчитывать на получение предпочтений в виде поддержки у неопределившихся (20%), и тех, кто примет участие или вероятно примет (30%).

Из приведенных данных видно, что какое бы обилие кивков, намеков, уверток по поводу активной работы с молодежным электоратом не принималось («выявить наиболее эффективные и перспективные формы работы по развитию правовой культуры и электоральной активности молодых и будущих избирателей» [7]), те политические силы, которые хотели бы серьезно поработать с этим электоратом, имели все основания получить дополнительную толику поддержки от еще пассивного состава (30%) тех, кто вероятно не собирался принимать участия в выборах, но мог поменять свои предпочтения и присоединиться к сформировавшейся позиции – пойти на выборы. И за тех (20%), кто не определился, также можно было побороться, если быстро и сосредоточенно перенести внимание и энергию агитации с одних тем на другие, более привлекательные и актуальные, с одних задач – на другие, глубоко отличные, не требующие безрассудных жертв от этой самой, молодежной, части общества. Как была возможность переломить настроение той категории студентов, которая не собиралась принимать участие в выборах (50%).

На что могут рассчитывать политические партии в своей выборной кампании, если будут ориентироваться и на такой слой, как студенчество?

В России сегодня насчитывается 4,7 млн студентов. Только в Москве их число превышает более 887 тыс. чел. Хотя доля его в молодежном составе избирателей и, тем более, в общем составе электората не столь велика, тем не менее, это серьезный электоральный контингент для любой политической партии, идущей на выборы. И еще более значимый, но своевременно недооцениваемый, для любого политического режима страны, в каком бы состоянии он не оказался – устойчивом, стабильном или стагнирующем.

Если оценивать политический вес этой части молодежи в современной сложной социально-политической и экономической ситуации в стране, то его значение, во-первых, в силу ряда имманентных для нее отличительных свойств и признаков, во-вторых, не лучшей (декларативной, заманивающей, многообещающей и обескураживающей) практики отношений к студентам, как политического атрибута, возрастает

существенно. Политический смысл такого роста, к сожалению, не осознается ни самим студенчеством, что не столь прискорбно, ни властными силами, что объяснимо инкрементализмом их сознания, ложной стратегией и нарастающей бюрократизацией партийно-политического аппарата.

Студенчество и молодежь в возрасте 18–20 лет – это группа, которая впервые в своей жизни входит в политический процесс. Подоплека их роли и значения в политике не очень прозрачна и даже обманчива. Но природа смыслов этой социальной категории в структуре политических отношений и процессов, как нам представляется, обнаруживает себя в диаметрально противоположных формах, наполняемых, соответственно, своим уникальным и своеобразным содержанием, импульсивностью жизни и отношением к ней.

Схематично структура форм ролевых и деятельностных значений студентов в современной политической жизни может иметь следующий вид: студенческий активизм, аполитичность, антиполитика.

Комбинация поведения и реакций студенчества в таких терминах показывает явные и скрытые возможности этой части электората. Очень может быть, что современное российское студенчество обнаруживает признаки и специфику своего социально-политического бытия, которое определяется понятием «аполитичность» и которое уже давно известно политической и другим наукам.

Состояние аполитичности в настроениях и поведении молодежи, естественно, беспокоит политические партии, государственную власть. Если в этом есть элементы искренней заботы о молодежи, то такая позиция оправдана. Но и тревоги по этому поводу, как нам представляется, излишни либо преувеличены, о чем свидетельствуют полученные нами данные.

Положительно собирались обсуждать между собой тематику выборов 2016 г. 50% студентов. Не определились в своих намерениях и ощущениях еще 7%, что также можно отнести к той части, которая собиралась хотя бы обсуждать данную кампанию. 47% явно не желавших обсуждать тему выборов говорят о большой доле тех, кто, конечно, остается пассивным и безразличным в своих предпочтениях не только к политической деятельности, но, видимо, и к общественной жизни. Но это не настолько большой процент, чтобы обнаруживать аполитичность. А если такие настроения есть, то насколько они устойчивы? Или это явление свойственно самому субъекту лишь в контексте каких-то обстоятельств? Ответы на вопрос о связях между участием в выборах и судьбой (личностной и профессиональной) многое проясняют.

Не определившихся в своих соображениях (28%) и не видящих прямой связи между политическими процессами, необходимостью их перемен и своей судьбой (43%) можно рассматривать количественной базой для широких обобщений.

Мысль повиснет в воздухе, если мы в очередной раз констатируем лишь то, что молодежь всегда, во все исторические эпохи, тяготеет к переменам. И ее тяга к переменам сегодня ничего нового, специфически необычного для современного периода не дает. И все же! Именно сегодня тяга молодежи и студентов к переменам является отражением других свойств и качеств современности в призывах, лозунгах, способах перемен и пр. Молодежь, чутко воспринимающая невзгоды, являясь мыслящей частью общества, не видит прямой связи своей судьбы и провозглашаемых лозунгов и призывов к переменам, но тяготеет к ним, не ведая об их опасности. И часто не озабочена тем, чтобы понять, о переменных какого рода идет речь. А таковыми сегодня вновь стали лозунги и призывы, смыслы которых отражают термины «революция», «революция достоинства».

М. Ходорковский без всяких экивоков, в ребяческом задоре бросал фразу и провозглашал: «Революция – это хорошее слово. Она может и должна быть мирной. Сделать революцию мирной – наша общая задача» [7]. Может ли человек, сколько-нибудь понимающий российские условия жизни, психологию людей и политиков России, пережившей три-четыре революции в XX в., скатываться до этой точки зрения? Может! Поскольку это точка зрения типичного политического игрока, интеллигента-интернационалиста (глобалиста), который объявляет психологию российской молодежи сегодня бездеятельной, но подвижной, особенно ввиду слабостей внутренней политики, рассчитывающий на ее неокрепшее сознание и изменчивую психологию.

Сознание молодежи, ее поведение аполитично и пассивно, созерцательно и, в то же время, готово взорваться при всяком ином случае и смысле. Случай и смысл современности, действительно, иной. В недалеком прошлом основной лозунг бытия: «хватит политики», «решим социальные проблемы», сегодня меняется другими лозунгами: «Да, революция», «Да, политика», «Иду в чиновники», «Иду в политику», «Живу за счет политики». Смыслы терминов и понятий размыты, даже искажены, но тем, как может казаться, лучше для опытных политических игроков. Сознание молодежи, студентов осознанно или неосознанно, в любом случае, сегодня раскалывается и перегружается радикальными призывами и предложениями. Перенапряжение тяготит, и поэтому идет поиск, не всегда результативный и часто безуспешный,

альтернативных форм успокоения и защиты сознания и бытия. Ищутся способы, каким образом можно преодолеть на общественном уровне социальную безответственность самих себя и политической элиты, склонность подчиняться виртуальным, а не реальным авторитетам. И уже не волнует их, можно ли предотвратить сползание экономической и идеологической войны к более жестким формам противостояния – радикализму и терроризму.

Молодежь и студенчество не находит прямых и быстрых ответов. Это их либо раздражает, либо повергает в состояние уныния, безразличия, безынициативности, часто сменяемых жадой быстрого наслаждения и удовлетворения биологических желаний. Но это лишь фразы о печальных реальностях действительности, обращенные к психологическим и поведенческим характеристикам, частично к настоящему, и поэтому не имеющие политологического и политического значения. Для потребностей внутренней политики следует показать: пассивное, безразличное отношение к политическим акциям, к выборному процессу может быть не только действительным, но и неоднородным и даже мнимым. В таблице 1 представлены ответы респондентов на вопрос «Какие негативные факторы влияют на Ваше отношение к выборам?».

Таблица 1

Вариант ответа	Количество
Пассивность	8%
Безответственность	8%
Безразличие	68%
Неопределенность	16%

Пассивность, безответственность, безразличие охватывают 84% в аполитичных настроениях студентов против 16% неопределившихся. Значит, аполитичных потенциально может быть и больше. Одновременно, мы не можем сказать, что неоднородность действительности и мнимости в структуре аполитичности продуцирует бессмыслицу. Политологический взгляд на социологические данные позволяет обнаружить смысл и в бессмыслице. Ранее бытовало утверждение, что аполитичность как явление распространена среди наиболее отсталых и несознательных слоев населения. Сегодня аполитичностью заражено оказывается и студенчество, которое никак к отсталым слоям общества не отнесешь. Сегодня нормой становится ситуация, когда

аполитичность получает развитие не только в среде отсталых, но и в душах и чувствах продвинутой и мобильной части общества – студенчества. В их сознание проникает выражение безразличия и индифферентности, в т.ч. и к текущим и будущим политическим событиям: 100-летию юбилею в 2017 г. революций 1917 г., предстоящим президентским выборам 2018 г.

Оправдана ли такая интерпретация положения дел с сознанием, отношением и поведением? И насколько верно она соотносится с реальностью? Данные исследования заслуживают того, чтобы на их основе внести в подобные умозаключения серьезные поправки. Очевиден контраст не только между заявлениями и установками, которые озвучивает высшая государственная власть и ее представители по отношению к молодежи, но и данностью ее реального сознания, поведения и отношений к жизни и политическим процессам.

Библиографический список

1. Антонова Е. Борцы с коррупцией пойдут на выборы в Госдуму по «списку Ходорковского». URL: <http://www.rbc.ru/politics/31/01/2016/56ade0a89a794778729865af> (дата обращения: 03.07.2016).
2. Всероссийские молодежные форумы 2016 года. URL: <http://www.rcoit.ru/miv/mizbiratel/detail.php?ID=36304> (дата обращения: 03.08.2016).
3. Выступление Л.Г. Ивлева. URL: http://www.cikrf.ru/molod/zas_20160301/stenogram.html (дата обращения: 02.08.2016).
4. Михаил Касьянов: как бы эти выборы не стали последними. URL: https://tvrain.ru/teleshov/govorite_s_yuliey_taratutoy/mihail_kasjanov_ne_stali_poslednimi-410683/ (дата обращения: 07.06.2016).
5. М. Ходорковский. URL: <https://openrussia.org/post/view/11680/> (дата обращения: 07.08.2016).
6. Михаил Ходорковский: «Объединяющее нас важнее различий». URL: <https://www.openrussia.org/post/view/15391/> (дата обращения: 02.07.2016).
7. Набор Ходорковского. URL: <http://nvdaily.ru/info/68807.html>. (дата обращения: 13.07.2016).
8. Орлов Д. Итоги предварительного голосования «Единой России», ситуация в партэлите, интриги и сценарии кампании – 2016. URL: <http://er.ru/news/143000> (дата обращения: 07.06.2016).
9. Послание Президента Федеральному Собранию. 1 декабря 2016 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 02.12.2016).
10. Праймериз «Единой России» – новый тренд в развитии партийной системы страны. URL: <https://www.politanalitika.ru/russia/praymeriz-edinoj-rossii-novyy-trend-v-razvitii-partiynoy-sistemy-strany/> (дата обращения: 03.07.2016).
11. Плетнёв Н.Т. Председатель Избирательной комиссии Белгородской области. URL: http://www.cikrf.ru/molod/zas_20160301/stenogram.html (дата обращения: 04.06.2016).

12. Речь Григория Явлинского на предвыборном съезде партии «Яблоко». 04.07.2016. URL: <http://www.yavlinsky.ru/news/vyiboryi/speech-july> (дата обращения: 04.08.2016).
13. Слизовский Д.Е. Социальные и электоральные предпочтения и ориентации молодежи 18–20 лет // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. «Социология». 2016. Т. 16. № 3. С. 576–585.
14. Слизовский Д.Е. Парадоксальность молодежных настроений и отношений к выборам – 2016 // Коммуникология. 2016. Т. 4. № 5. С. 84–97.
15. Слизовский Д.Е., Шулунина Н.В. Электоральные предпочтения молодежи 18–20 лет перед выборами 2016: между аполитичностью, антиполитикой и активизмом // Вопросы политологии. 2016. № 3. С. 7–19.
16. Стенограмма заседания Рабочей группы от 25 февраля 2016 года. Выступление руководителя Российского центра обучения избирательным технологиям при ЦИК России Иванченко А.В. URL: http://www.cikrf.ru/molod/zas_20160301/stenogram.html (дата обращения: 04.04.2016).
17. Стенограмма заседания рабочей группы. URL: http://www.cikrf.ru/molod/zas_20160301/protocol.html (дата обращения: 02.08.2016).

М.А. Яковлева

Особенности регулирования социальных конфликтов в сфере государственного управления

Конфликты в сфере государственного управления – форма взаимодействия государственно-политических институтов, организаций и лиц, осуществляющих власть в рамках определенной государственной системы. В статье дан анализ основных типов конфликтов в сфере государственного управления, т.е. конфликтов между различными звеньями управленческого аппарата и конфликтов между органами государственного управления и населением. В статье анализируются комбинации стратегий, использующихся в управлении конфликтом. Проведен анализ природы и причин конфликтов в сфере государственного управления.

Ключевые слова: социальный конфликт, управление конфликтом, государственное управление, государство, общество.

Проблема развития и распространения социальных конфликтов в обществе актуальна в современном мире. Основой социального конфликта являются потребности социальных субъектов. Они образуют сущность эмоций, убеждений, интересов, идей и других субъективных побуждений социальных конфликтов. Социальные конфликты – результат неудовлетворения основных потребностей индивидов в безопасности, благосостоянии, самоутверждении, идентичности. Столкновение убеждений, норм, правил поведения также может стать причиной социального конфликта. Конфликт определяют как конкурентную ситуацию, в которой стороны стремятся занять позицию, не совместимую с желаниями другой стороны [1, с. 19].

Любой социальный конфликт – это взаимодействие социальных субъектов (индивидов, групп, организаций) по поводу объекта конфликта – предмета спора. Всякий конфликт протекает на определенных условиях и имеет масштаб (межличностный, локальный, региональный, глобальный). Субъекты конфликта выбирают определенные стратегии и тактики поведения, которые определяют исход конфликтной ситуации.

Конфликт представляет собой многомерное социальное явление и имеет свое устройство, порядок, расположение элементов – структуру конфликта. Социальный конфликт представляет собой сложный динамический процесс, включающий следующие основные стадии:

1) предконфликтная стадия – ситуация представляет собой не действительность конфликта, а лишь ее вероятность, во время которой происходит накопление факторов и процессов, способных привести к конфликту;

2) открытый конфликт – активная защита собственных интересов возникает, если противоречия интересов не удается разрешить на стадии предконфликтной ситуации;

3) послеконфликтный период – заключительная стадия в динамике конфликта, однако следует иметь в виду, что окончание одного конфликта может послужить толчком развития других, производных, конфликтов.

В рамках социологического подхода можно позиционировать конфликт как модель поведения с особым распределением ролей, последовательностью событий, взглядов, ценностных ориентаций, формами отстаивания интересов и целей. Обычно социально-политический конфликт определяется как противоборство общественных сил, обусловленное различными целями и интересами.

Предметом социально-политического конфликта является дефицит достаточно специфических ресурсов: государственной власти, устройства властных институтов, политических статусов и ролей, социальных групп, ценностей и символов, являющихся базой политической власти и, в целом, данной общности. Приоритетной задачей в зрелом социально-политическом конфликте остается борьба за власть и политическое доминирование с целью трансформации или сохранения в неизменном виде существующего социального и политического порядка [2, с. 71].

Социально-политические конфликты можно разделить на два основных вида:

1) между существующей властью и общественными силами, чьи интересы в структуре властных органов и институтов не представлены или представлены в виде отрицания и подавления этих интересов;

2) внутри существующей власти, где, с одной стороны, каждая группа внутри господствующего класса стремится навязать всему классу и положить в основу принятия решений свои частные интересы и собственное видение ситуации, с другой стороны, внутренний политический конфликт всегда связан с внутригрупповой борьбой за распределение властных полномочий и соответствующих позиций.

Конфликты в сфере государственного управления – сложная система, заключающая в себе ряд противоречий, но именно это дает ей возможность приспосабливаться к изменчивым условиям и развиваться. Поэтому конфликты являются основой механизма адаптации государственно-административной сферы, т.к., с одной стороны, они позволяют выявить и отследить существующие противоречия, с другой же – добиться повышения эффективности всей системы при условии умелого управления конфликтами.

Конфликты в сфере государственного управления имеют свою специфику, отличающую их от политических конфликтов в широком смысле: юридическое оформление начала и конца любого конфликта и его связь с правовыми отношениями сторон.

Основные типы конфликтов в сфере государственного управления представлены конфликтами между различными звеньями управленческого аппарата, обусловленные серьезной функциональной раздробленностью системы государственного управления, и конфликтами между органами государственного управления и населением.

Гражданское неповиновение является самым распространенным видом конфликта между государственно-административными органами и населением. Конфликтное поведение подобного рода свидетельствует о недоверии граждан к существующей власти и стремлении получить свободу в принятии решений по собственному усмотрению. В связи такими обстоятельствами, обостряется проблема и необходимость легитимности – правомочности, законности власти в ее теоретическом и практическом аспектах. Легитимность государственной власти признается лишь в том случае, когда методы ее установления согласуются с общественным сознанием больших социальных групп, а результаты деятельности, в качестве принимаемых законов и указов, выполняются основной частью общества.

Гражданское общество обуславливает успешное достижение целей граждан. В нем свободно создаются независимые от государства гражданские институты, которые повышают эффективность и транспарентность отношений «государство – общество» [7, с. 194]. Гражданское общество – это совокупность негосударственных общественных

отношений, которые выражают индивидуальные и групповые интересы и потребности граждан в различных сферах жизнедеятельности.

Традиционно выделяют следующие пути предотвращения конфликтов в сфере государственного управления как разновидности социально-политических конфликтов.

1. Социальное маневрирование – этот путь заключается во временном перераспределении части ресурсов, необходимых обществу, в интересах участников конфликтных действий.

2. Политическое маневрирование – широкий спектр мероприятий, обеспечивающих преобразование дифференцированных интересов в стабильный политический союз, обеспечивающий функционирование существующей политической власти.

3. Интеграция контрэлиты. Образовавшаяся в результате изменения общественной системы контрэлита представляет собой звено, объединяющее общественные недовольства. Для сохранения стабильности социально-политической системы разумно не допускать образование контрэлиты, однако, если она образовалась, ее необходимо внедрить в существующую политическую элиту, т.к. конечные политические интересы элиты пересекаются с интересами власти.

4. Силовое давление – существуют различные формы применения силового давления, которые колеблются от применения косвенных методов давления и до установленной открытой диктатуры, как правило, осуществляющей целенаправленное насильственное искоренение негативного отношения к системе.

Процесс урегулирования и разрешения конфликтов в сфере государственного управления предусматривает несколько вариантов осознанного отношения к конфликтам: вытеснение или перемещение сферы государственного управления с одного уровня на другой; урегулирование, т.е. лишение конфликта наиболее острых и разрушительных для государственных органов управления проявлений; разрешение, путем устранения объекта конфликта; подавление, не считаясь с формами и ресурсами сопротивления сторон.

Методики контроля и управления конфликтом применяются исходя из того, какие линии поведения выбираются определенными органами на конкретных этапах развития конфликтов. Говоря о контроле, внимание уделяется предупреждающим мерам, направленным на выявление конфликтогенных факторов, их анализ и попытки предотвратить динамичное развитие противоречий и достижение ими разрушительных форм. Управление конфликтом – это деятельность субъектов социальной практики по предотвращению или урегулированию конфликта либо

регулированию его хода в соответствии с изменяющейся ситуацией для рационального достижения целей участников текущего социального процесса [3, с. 117].

Чтобы управлять конфликтом, необходимы большие затраты энергии и ресурсов управляющего субъекта для осуществления определенных мероприятий и действий по целенаправленному изменению линии поведения и трансформации внешней среды, окружения конфликта – проведение конкретной информационной или дезинформационной политики; создание структур институционального характера с целью ведения переговоров, привлечения дополнительных экономических ресурсов для компромиссного решения конфликта и примирения сторон и т.д. [6, с. 50].

Управление конфликтом – сознательная деятельность участников конфликта или третьих сторон, осуществляемая на всех этапах его возникновения, развития и завершения. Если осуществлять деятельность по управлению конфликтами на ранних этапах возникновения противоречий, то она будет более эффективна, и, соответственно, чем раньше обнаружится проблема, тем меньше усилий будет необходимо для того, чтобы разрешить ее конструктивно. Каждый социальный конфликт конкретен, он происходит в определенных условиях, и, следовательно, пути выхода из него должны соответствовать сложившейся конкретной ситуации [4, с. 114].

Прогнозирование помогает заблаговременно обнаружить социальные противоречия, которые могут привести к конфликтам.

Институционализация – первое действие по управлению конфликтом. Институционализированный конфликт – конфликт, протекающий в пределах установленных норм и правил, и в таком состоянии он становится наиболее предсказуемым. В случае с неинституционализированным конфликтом отсутствуют принципы и правила, это чаще всего стихийный и неподдающийся контролю взрыв недовольства.

Следующий этап управления конфликтом – легитимизация – наличие добровольного согласия, готовности людей соблюдать тот или иной порядок. Он может быть соблюден в соответствии с нормами и правилами, выступающими в форме законов, меморандумов, указов, протоколов о взаимопонимании и даже обычных устных договоренностей. Вместе с тем, если какой-то закон перестает быть легитимным, а другой, отвечающий новым условиям, не принят, то роль эффективной институциональной процедуры может выполнять и совершенно незаконный, с точки зрения юриспруденции, акт. Эффективность управления конфликтом зависит от силы поддержки взаимного соглашения оппонентами.

Еще один важный этап управления конфликтом – структурирование конфликтующих групп, что дает возможность для измерения силового потенциала и, как следствие, установления неформальной иерархии влияния в обществе, сдерживающей эскалацию межгруппового конфликта. Умелое управление конфликтом может активизировать выявление качественно-количественного состава участников и, тем самым, ускорить достижение положительного конечного результата.

Завершающим этапом управления конфликтом является редукция, которая представляет собой последовательное ослабление конфликта за счет его перевода на другой уровень. Шкала, охватывающая возможные уровни напряженности в конфликте, является исходным инструментом для выполнения данной процедуры.

Оптимизация конфликта производится в интересах конкретного социального субъекта, поэтому важно воспринимать управленческое воздействие во многих его вариациях в качестве конфликтного – управления, имеющего в основе инициирование одного конфликта в целях редукции другого.

Помимо этапов управления, можно выделить технологии управления конфликтами, которые подразделяются на юридические, конфликтологические и психологические. Главной задачей всех технологий управления конфликтами является поддержание и укрепление сотрудничества между участниками взаимодействия, которое может быть обеспечено с помощью ряда методов [8, с. 358].

Юридические технологии работают на уровне позиций, притязаний, которые помогают участникам конфликта отстаивать свои интересы, не выходя на уровень реальных интересов. Результатом применения таких технологий является решение в пользу одной из конфликтующих сторон.

Конфликтологические технологии выявляют истинные интересы конфликтующих сторон и формулируют их в такие притязания, которые помогают добиться взаимовыгодного решения проблемы.

Психологические технологии также обращены к интересам сторон, но попытки разрешения конфликта как психологической проблемы происходят путем решения внутриличностных проблем.

В отношении социально-политических конфликтов наиболее применимыми являются юридические и конфликтологические технологии. Юридических технологии осуществляются при помощи судебной системы и ее подсистем. Среди конфликтологических технологий можно выделить четыре основных:

1) переговоры – процесс адекватной коммуникации оппонентов конфликта с целью выработки, обмена и выполнения определенного рода

обещаний, которые приводят к реалистичным и прочным соглашениям; переговоры как технология направлены на сотрудничество и полную реализацию интересов всех сторон, единственным ограничением для переговоров является нежелание участников конфликта достигать консенсуса;

2) конфликтологическое консультирование определяется как процесс целенаправленного собеседования с противоборствующей стороной для помощи в исследовании проблем и поиске решений в сложившейся конфликтной ситуации; консультирование может охватывать как отдельных людей, так и представителей правящей элиты, политические организации и институты;

3) медиация предполагает переговоры с участием третьего лица, имеющего интерес лишь в том, чтобы конфликтующие стороны достигли взаимовыгодного соглашения;

4) конфликтологическая экспертиза представляет собой внедрение эксперта в область конфликта с целью анализа причин его возникновения, особенностей протекания, перспектив развития и возможностей урегулирования конфликта [5, с. 14].

Конфликты в сфере государственного управления относятся к категории «конструктивных конфликтов». Развитие и разрешение таковых связано с приоритетом гуманитарных, согласительных, мирных методов и подходов. Из этого следует, что использование силы или угроза применение таковой будут являться вынужденными, нетипичными и исключительными способами урегулирования, а течение таких конфликтов не будет оказывать разрушающего воздействия.

В случае, когда нормы и правила поведения конфликтующих сторон неясны, применяются средства и методы воздействия, не исключая прямое принуждение и удаление отдельных контрагентов за пределы конфликта.

Библиографический список

1. Галиахметов Р.Н. Социально-философский анализ конфликта: Монография. Красноярск, 2012.
2. Глухова А.В. Политическая конфликтология между старыми и новыми подходами // Современная конфликтология в контексте культуры мира. Материалы I Международного конгресса конфликтологов. Сер. «Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения» / Под ред. Е.И. Степанова. М., 2001.
3. Зеленков М.Ю. Социальная конфликтология. М., 2003.
4. Плотников А.А. Проблема познания социального конфликта: современный взгляд // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 3 (31). С. 113–119.

5. Путиловский А.А. Технологии управления политическими конфликтами // Конфликтология. 2014. № 4. С. 192–197.
6. Рыжов О.А., Ларченков В.В. Управление социальным конфликтом // Власть. 2012. № 5. С. 114–117.
7. Трансформация гражданской идентичности в полиэтничном городе: институциональные механизмы и институциональные практики / Барбашин М.Ю., Барков Ф.А., Васьков М.А. и др.: Монография. Ростов-н/Д., 2012.
8. Шейнов В.П. Управление конфликтами. СПб., 2014.

В.В. Суховерхов**Б.И. Фейхóо-и-Монтенегро (1676–1764):
эссе о состоянии науки в Испании
(начало 40-х гг. XVIII в.)**

Цель публикации – сравнительный анализ объективного, быстро прогрессирувавшего развития естественно-научных и философских знаний в ряде стран Западной Европы в XVII–XVIII вв., и субъективная, но во многом оправданная оценка основоположником испанского Просвещения Б.И. Фейхóо-и-Монтенегро состояния науки в собственной стране – неизвестный в российской истории науки и историографии аспект испанской просветительской идеологии. Иллюстрацией данной оценки является впервые переведенное на русский язык автором публикации эссе-размышление Фейхóо «О причинах отсталости развития естественных и точных наук в Испании» («Causas del atraso que se padece en España en orden a las ciencias naturales»).

Перевод дается с минимальными сокращениями, не влияющими на содержание оригинального текста, опубликованного в собрании избранных произведений Б.И. Фейхóо и-Монтенегро.

Ключевые слова: Просвещение, философия Просвещения, теория естественной религии, пантеизм, испанская просветительская идеология, упадок испанской науки в начале XVIII в., образование в Испании XVIII в., схоластика, Б.И. Фейхóо-и-Монтенегро.

*В Испании царит дух неприятия всего нового...
считается, что не надо знать больше того
немногого, что знают.*

Фейхóо-и-Монтенегро Б.И.
Об отсталости наук в Испании

Первый мощный этап творческого самовыражения и противостояния науки и религии в Западной Европе Нового времени, известный в историографии под названием научной революции XVII в., – следствие

предшествовавших Английской революции и особенно последовавших за ней событий. Именно на исходе XVII в. началось высвобождение или попытки высвобождения от теологии в ряде сфер духовной и общественной жизни, преимущественно, образования и политической философии. Однако, вследствие остававшегося в прежней силе контроля католической церкви над мыслью, протестантские страны (прежде всего, Англия и Голландия) стали изначальными центрами деистической, пантеистической, открыто материалистической философии и светских политико-философских концепций.

Ф. Бэкон (1561–1626) в трактате «Новый Органон» (1626 г.) опроверг учение Аристотеля, влияние умозрительных теорий которого доминировало в XVII в. над научной и философской мыслью, в пользу изучения Природы, как единственного источника знания посредством наблюдения, эксперимента и проверки гипотез.

И. Ньютон (1642–1727) продолжил опровергать учение Аристотеля, преподносимое в аудиториях Кембриджа, опубликовав сильнейшим образом повлиявший на развитие знания трехтомный трактат «Математические начала натуральной философии» (1687 г.) о законе всемирного тяготения и трех законах механики. С этого времени Универсум и человек, как часть его, все более стали рассматриваться подлежащими объяснению рациональных законов, которые Бог предназначил человеку открыть в результате размышлений о явлениях Природы, – занятие уже более предпочтительное, чем некритическое усвоение библейских догм и производных от них умопостроений старых христианских авторитетов.

Г. Гроций (1583–1645), голландский политический философ, обосновал теорию общественного права, придал также новый смысл теории естественного права, переставшей быть синонимом библейской политико-нравственной доктрины. Он сделал вывод о наличии Всеобщего закона, имеющего силу для всего человечества, действие которого должно основываться на Разуме и Природе человека.

Тем же путем, что и Гроций, следовал Дж. Локк (1632–1704). Он доказал, что люди должны иметь естественные права, такие, в частности, как личная свобода и владение собственностью, чего они не лишились, заключая Общественный договор при создании государства, но лишь покинули природное свое состояние.

Р. Декарт (1596–1650), французский мыслитель, творец дуалистического философского учения, с 1629 г. создававший свои труды в Нидерландах, обосновал онтологическое доказательство бытия Божьего, врожденности человеку идеи Бога, сформулировав на его основе принцип свободы людей.

Б. Спиноза (1632–1677) открыто подверг христианскую религию переосмыслению. Эмигрировавший в Голландию из-за преследований Инквизиции, он доказал несостоятельность идеи антропоморфного иудео-христианского Бога, создавшего Вселенную, безличностной всеобъемлющей концепцией Бога, которая, по существу, отождествлялась с Вселенной, обосновав новое философское направление – пантеизм.

Было положено начало развитию идеи естественной религии. Ее сторонники утверждали, что поклонение Богу в специальных для этой цели зданиях – церквях – не является обязательным, равно как и государственное их покровительство.

К концу XVII в. приоритет светской политики, власти и науки все основательнее утверждался в протестантских странах. В последующие десятилетия обозначилось проявление аналогичных тенденций в католических странах, прежде всего, во Франции, олицетворением которых, в итоге, явилось одно из крупнейших идеологических движений, названное Просвещением.

Ф. Вольтер (1694–1778), находясь в Англии (1726–1728 гг.), был восхищен механикой И. Ньютона и политической философией Дж. Локка. Его энтузиазм скоро разделили многие национальные мыслители. Сенсуалистская теория Локка была доведена до логического завершения Э. Кондильяком (1715–1780). Все более распространенной становилась теория естественной религии. Идея Бога как естественного явления была отвергнута П. Гольбахом (1723–1789).

Критика религии французскими просветителями совмещалась с разработкой вопросов усовершенствования земной человеческой жизни. Они отвергли догму о первородном грехопадении человека, обречшего его на вечные страдания.

Ж.-Ж. Руссо (1712–1778), напротив, утверждал, что именно общество испортило природу человека и его добродетель. Но ее можно все же сохранить и развить правильным воспитанием и образованием, что было основной мыслью его педагогического романа «Эмил, или О воспитании». К тому же, с точки зрения Руссо, образование в церковных школах необходимо давать в духе естественной религии.

Противоположную позицию занимала католическая церковь, не оставлявшая средневековой претензии обучать истинам только своей религии. Этим в особенности отличалась Испанская церковь, сильнее всего оказывавшая давление на развитие науки и образования. Некоторую поддержку стали получать проникавшие в страну новаторские идеи от Бурбонов, пришедших к власти на смену Габсбургам в результате Войны за испанское наследство. Появились возможности более открытого выражения светской духовности в образовании

и науке. Их выразителем стал основоположник национального испанского Просвещения Б.И. Фейхóо-и-Монтенегро. Он, заявив об отсталости испанской науки, открыл на эту тему полемику, не закончившуюся до сих пор. Написанное с обращением к вымышленному высокопоставленному лицу (в большинстве случаев эпистолярный прием Фейхóо) – бесспорное доказательство теоретической незрелости испанского Просвещения в одном из его основополагающих аспектов.

Бенито Иероним Фейхоо-и-Монтенегро **«Об отсталости наук в Испании»**

Многоуважаемый сеньор! В ответ на сожаление вашей милости о слабом развитии в Испании *физики и математики* (здесь и далее курсив Фейхóо. – В.С.), что ученые соседних с нами стран сильно опередили нас в этих науках, а мы по-прежнему не торопимся развивать их, я хотел бы выразить, насколько позволяют мне мои знания, свою точку зрения.

Я думаю, ваша милость, что здесь несколько причин, совокупность которых образует непреодолимое препятствие для развития науки.

Во-первых, непрофессионализм преподавателей. Среди таковых, приверженцев поверхностных знаний, считается, что не надо знать больше того немногого, что они знают. Быть может, ваша милость, видела и слушала таких.

...Не имея других знаний, кроме логики и метафизики, преподаваемых в наших школах [не беру *теологию*, не относящуюся к данному вопросу], они столь довольны ими, будто изучили всю энциклопедию¹. Стоит заговорить с ними о новой философии, как у них начинаются колики. Они не могут без насмешек слышать имя Декарта. А если их спросить, о чем он писал, или какие новые идеи предложил миру, они не знают, что ответить, ибо не знают ни в общем виде его теории, ни отдельных ее положений. Мало что изменилось в этом городе. Я был свидетелем, как старый опытный схоласт, дискутируя об идеях Декарта вне аудитории с двумя сеньорами, один из которых был сведущ в философии, ничего не мог ему противопоставить, как лишь выразить презрение к этому философу. На что сеньор пожелал, чтобы он назвал какую-либо из идей мыслителя, вызывающую у него раздражение, и доказал бы, почему. Чем же эта дуэль закончилась? Тем, что схоласт умолк, ибо из философии Декарта он знал единственное, что это – *картезианская философия*. Во «Вселенском Критическом театре» я как-то уже описал подобный спор, в котором невозможно было не заметить путаницы в доводах ученого схоласта.

Мáксима, что никого нельзя осуждать, не выслушав прежде, – общеизвестна. Но схоласты, о которых толкую, безапелляционно выносят вердикт, ничего

¹ Имеется в виду «Большой исторический словарь» (1674 г.) Луи Морери, давший идею эмигранту Пьеру Бейлю для написания знаменитого «Историко-критического словаря» (1697 г.). *Прим. публикатора.*

не зная об идеях критикуемого. Они не слушали отзывы, не видели авторов, даже отвергали мысль, чтобы кто-то защищал его. Непреклонные, они сочли бы такого защитника тоже еретиком. Может ли это быть более тираническим нарушением того, что мы называем справедливостью и равноправием?

Этими малограмотными, но с большим самомнением схоластами, считающими, что они познали в философии все, что им нужно знать в ней, забыта мысль из «Апокалипсиса»: «Ибо ты говоришь: "я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды"; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг».

Вторая причина: в Испании царит дух неприятия всего нового. Достаточно указать в названии теории, что она новая, чтобы быть сразу отвергнутой: новшества вызывают подозрение. ... Но особенно подозрительными они считаются в теологии, и усиливать это неприятие на теологических факультетах – значит оказывать неразумное покровительство беспримерному невежеству.

Однако не всякая новая идея заслуживает подозрения или сомнения. И никто не может осуждать ее автора. В обратном случае, схоласты всегда будут правы. Сомнения ведут к необходимости исследований, а не бездоказательных выводов. Так в любых сферах жизни, кроме религиозной, в которой подозрение является доказательным аргументом.

Поистине, если верить всем этим «аристархам», тогда не следует принимать выдвинутую Галилеем идею о четырех спутниках Юпитера, ни идей Гюйгенса и Кассини о пяти кольцах Сатурна, ни разработку почти всей элементарной алгебры и алгебраической символики Виетом, ни логарифмов Непера, ни открытия Гарвеем кровообращения. Ведь всего этого не было в античные времена. ... Точно так же тогда можно осудить смысл действия громадного количества изобретенных за последний век полезных механизмов. Вдумайтесь теперь, сеньоры, к каким нелепостям ведет безграничное неприятие схоластами ранее неизвестного. Они не осознают, что отрицание его ведет к прямому абсурду, который тяжким грузом падет на их головы. Науки и всяческие изобретения – результат нового времени. К Аристотелю они не имеют никакого отношения. Он привел в систему физику (если ее еще можно так называть), представления мыслителя о которой до сих пор не подвергают сомнению противники новейших идей. Что, его система оказалась более новой, чем картезианская, которой немногим более ста лет? Посмотрим. Философы, современники Аристотеля, сторонники корпускулярной теории, уже не считали ее «новой», а такое определение – «одиозным». А теперь приверженцы Аристотелевой системы не признают систему картезианскую. Но уже за сотню лет до Аристотеля существовала корпускулярная теория не только Левкиппа, но и жившего, согласно Посидонию, до Троянской войны финикийского философа Мохоса. Видите, сколько было философов, сторонников корпускулярной теории до Аристотеля, вполне имевших право в философии называть себя его предшественниками, а свою философию «новой», однако, не в пример тому, как современные приверженцы

теории Аристотеля в отношении картезианцев и их сторонников. Таким образом, приверженцы аристотелизма должны признать, что не нужно было ничего другого, чтобы существовала их философия в мире, но лишь мир, наводящий на мысль о его корпускулярном строении.

Ответ не может быть более ясным. Истина, однако, в том, что как тогда были несправедливыми притязания сторонников корпускулярного строения, так и теперь – приверженцев аристотелизма. В самом деле, философия не может подчиняться правилам благородства, которое, как пытаются доказать, олицетворяла античность – лучшие века человечества.

Если она не отвечала истине, может, тем не менее, оставаться таковой на протяжении долгого времени, то есть ошибочной. Если же отвечала истине, она – доказательный луч разума.

Третья причина – это ошибочное представление о новых философских идеях, будь они истинны или ложны, как курьезных, смутных или попросту бесполезных безделках. Поэтому незачем тратить силы на их изучение? Дискутировать о них – значит впадать в постоянные противоречия. Между тем, нужна истина и польза. Однако нет ни одной истины, восприятие которой не было бы полезно рассудку, ибо все стремятся утолить жажду знания. Она привела к пониманию Создателя. Разве не худшее оскорбление Божества, если оно внушает душе стремление к бесполезному? Разве не удивительно, что наши аудиторные профессора философии считают исследования и открытия современных ученых бесполезными? Но что может быть более полезным, как не изучение созданного Творцом природы физического мира, или природы разума, путем воображения, логических или метафизических абстракций? Именно это дает уму возможность созерцать восхитительную картину величия и мудрости Создателя... Изумительно сказал Аристотель: невежественно отрицать изучение самого неприятного из животных, ибо нет такого создания природы, в котором природа (теперь мы скажем, как должны бы сказать, *Творец природы*), не является замечательной...

Как-то дон Жан Д'Эльгар, превосходный французский анатом, который теперь живет здесь, в нашем городе, принес в мою келью сердце барашка, чтобы маэстро коллегии ознакомились с работой этого удивительного механизма. С неизбежным многословием он показывал и разъяснял нам его строение, объясняя каждую его частицу и функцию. Могу утверждать, что это было не только удивительно слушать и наблюдать. Это было изумление, которое произвело на нас знание столь сложной и необычной текстуры. Какое многообразие механизмов! Как они малы и тонки, но все вместе насколько эффективны и сильны! Какое разнообразие функций ради одной цели! Какая гармония! Сколь искусна комбинация всех составляющих ее частей и движений! <...> В общем, мы все согласились, что никогда не видели такого органа, который

дал бы нам такую ясную, осязаемую, животрепещущую и жизнеобеспечивающую идею о всемогуществе и мудрости высшего Мастера.

Эти и другие органы исследуются учеными соседних стран, в то время как наши, которых мы называем аристотеликами, наживают себе головную боль и заполняют аудитории криками «сущность и сущее – однозначные или аналогичные понятия...» и т.д.

Четвертая причина – в уничижительном или ложном понятии многих о современной философии, более всего – о идеях Декарта. Почти полностью игнорируется все, что имеет название новой философии. А что понимается таким образом, исходит, считается, от Декарта. Как бы то ни было, сложившееся извращенное мнение о его идеях распространилось на всю современную физику.

Неутомимый гонитель Декартовой философии отец Даниэль в своей блестящей, но никогда в достаточной мере не проанализированной книге «Путешествие в мир Декарта» писал, что заслуживают прозвания шутов те перипатетики, которые всячески осуждают доктрину этого философа, толком ее не зная, «подобно тем авторам, – подчеркивал он, – кто причислил Декарта к философам-атомистам». О, сколько такого в нашей Испании!

Декарт – чудо гениальности, чудо изобретательства. <...> Солдат и философ, он свои философские спекуляции объединил с воинским духом, и его энергия обратилась в интеллектуальное безрассудство. Он продумывал самые необыкновенные проекты. Его размышления о новых доктринах не ограничивались критическими замечаниями. Они превращались в оригинальные концепции, странные философам и кощунственные священству. Его мысли были удивительными, но не во всем одинаково основательными. Частью они воспринимались одними, частью – другими, отрицая одно, исправляя по-своему другое. ...В конце концов, он не сумел соединить свою философию с тайной пресуществления.

Со всем тем, хотя Декарт в некоторых вопросах рассуждал неправильно, он научил множество философов рассуждать правильно. Он открыл путь законной дискуссии, оставив, правда, немало на нем препятствий, но которые можно было обойти или устранить вовсе.

Не столь гениальные, как Декарт, появляются философы другой, чем он, тенденции. Не столь гениальные, но более осторожные. Конечно, легко пользоваться собственным огнем, чтобы не обжечься. Декарт же создал новый метод, в отличие от практиковавшегося ранее, применив его ко многим объектам. Им был сконструирован механизм, ни в чем не нарушавший священные постулаты. Доказательством тому служат религиозные воззрения многочисленных ученых других королевств, не согласных с католической верой, которые убрали из философии все материальные формы.

Все это сказано, чтобы показать, насколько несправедливо пренебрежение по отношению к Декарту наших схоластов, поскольку вопрос, о котором толкуем, вовсе не касается Декарта. То, что мы называем *новой философией*, не имеет никакой связи с картезианской системой. Можно сказать, что она – новая философия, но нельзя, что новая философия – картезианская. Это все равно, что можно сказать, что человек – животное, но нельзя, что животное – человек. Здесь два типа сущностей: род и вид.

Философия, взятая в целом, делится на системную (общую. – *В.С.*) и экспериментальную. В первой много разделов. Например, философия Пифагора, Платона... и т.д. При этом не нужно понимать так, что когда испанцев обвиняют в неприязни к новой философии, они отдают предпочтение какой-либо уже известной. Любая из них имеет свои недостатки, каждой можно возразить, и, возможно, система Аристотеля менее всему этому подвержена, хотя имеет дефект, которого нет у современных систем, являясь почти полностью метафизической, ничего не объясняющей действием органов чувств. Не следует поэтому закрывать глаза на экспериментальную физику, которая, отрицая любую систему, объясняет причины явлений действием органов чувств, а там, где не может это сделать, применяет для доказательства эксперимент. Какую связь или зависимость имеет эта физика с той, которую наши схоласты, справедливо или нет, излив свое негодование и пренебрежение, сделали из философии Декарта? Той, которая царит во Франции, Англии, Голландии и т. д. – нациях, где работают такие знаменитые академии, в которых с трудом найдешь картезианство в изначальном виде.

В частности, не руководствуясь никакой из существующих философских систем, в них показывают вес и давление воздуха, давая по поводу того и другого ясные объяснения многих серьезных явлений, что невозможно проделать в схоластической философии. <...>

Пятая причина – это боязнь, набожная, конечно, но бестактная и необоснованная, пустой страх, что новые доктрины нанесут религии вред. Те, кто им охвачен, считают, что он может проникнуть двумя путями. Или под влиянием завуалированных в больших трактатах отдельных максим, противоположных тому, чему нас учит вера. Или с помощью призывов (французов, например) широко исследовать естественные сущности в надежде, что испанцы примутся с таким же азартом искать разгадку в сверхъестественных.

Думаю, однако, что нет очевидных признаков, чтобы произошло то или другое. Первое, потому что у нас изобилие образованных субъектов, прекрасно сведущих в вопросах догматики, которые легко сумеют отличить, что противоречит вере, а что нет, и передадут соответствующее их воззрениям в Священный Трибунал, следящий за чистотой веры, и отделить ликер¹ от яда. <...> Это

¹ Имеется в виду знаменитый ликер «Бенедектин», который изобрели монахи-бенедиктинцы. *Прим. публикатора.*

учреждение всегда под рукой, чтобы уберечь нас даже от философских идей, которые приходят из стран, пораженных ересью. Да и вообще – невежество считать, что в королевствах, где преобладает ошибка (протестантизм. – В.С.), она передает свой яд физике. В Англии царит философия Ньютона. Исаак Ньютон, ее основатель, был таким же еретиком, как и все обитатели того острова. Тем не менее, в его философии до сих пор ничего не найдено, что прямо или косвенно противоречило истинной вере.

Чтобы безосновательно не бояться второго, следует напомнить, что теология и философия имеют четко выраженный круг вопросов. Каждый испанец знает, что доктрина Откровения имеет право превосходства над размышлениями человека о них. <...> Признаю, однако, что некто осмелится выйти за ее пределы, которые указаны Церковью и человеческому пониманию недоступны. В таком случае, она не промедлит... с корнем вырвет самые пагубные мнения.

Признаю также, что это учреждение не только вредное для новых идей, но и крайне жестокое. Оно забирает душу в рабство, держит разум на коротком поводке, запирает в тесную камеру неопытный рассудок, чтобы избежать в будущем безрассудств, совершенных в прошлом.

Шестая и последняя причина отставания – национальное, прежде всего, корпоративно-цеховое и межличностное соперничество (можно и резче назвать). Если ваша милость всмотрится в сердца некоторых из немалого количества выступающих против новой философии или вообще всей литературы, отличающейся от той, которая постоянно изучается ими в аудиториях, то обнаружит в них совсем другое, что они говорят. Вы услышите осуждение ее либо как бесполезной, либо – опасной. Но не это говорят их сердца. Ее они не презирают или ненавидят, они завидуют. <...>

Это соперничество в ряде случаев идет от национальной неприязни. Еще не все народы Испании избавились от своей ненависти к Франции. Сохранился этот застарелый недуг и в некоторых почитаемых духовных святынях. Там хотели, чтобы Пиренеи поднялись до небес, а побережье Франции покрылось скалами, закрывшими бы выход из этой страны в нашу. Оставьте неразумным эту мысль о столь желанном им ограждении. Но так думать непозволительно профессорам, которым должны быть ясны цели и причины сближения нас с другими нациями, особенно католическими. <...>

Но мало чем отличаются от тех недалеких мрачные особы, многие из которых с большой бородой, ...которые, просматривая или слушая какую-нибудь книгу на французском языке, делают вид и убеждают других, что не находят в написанной на этом языке книге ничего, кроме нелепостей.

Несколько лет назад мне довелось участвовать в разговоре образованного, высоких духовных степеней схоласта, и сеньора, весьма начитанного в литературных новинках, особенно французских. Схоласт, не зная об этом, сказал, что не находит ни одной значительной вещи на французском языке, которая

не была бы уже напечатана на латыни или испанском. В ответ сеньор назвал солидный и удобный в обращении «Словарь» Морери, в котором масса исторических сведений. Но схоласт, несколько не убежденный сказанным, вскричал: «Что за странные вещи вы мне рассказываете? Все, что ваша милость мне говорит об этом “Словаре”, есть в небольшой, написанной на латыни книжке, которая не больше “Искусства” Небрихи»¹. Посмотрите, ваша милость, что это так. Большая работа по новой философии – дело Испании. Омерзительно считать, что она издана во Франции».

Большого масштаба явление – корпоративно-цеховая вражда. Многие ремесленные заведения изготавливают и облачают Божество или Святых города, местности и т.д. во всякого рода и красоты одеяния, почитая их своими покровителями. И тут же с презрением относятся и в самом черном, в каком только можно, цвете отзываются о мастерстве ремесленников других цехов и сделанных ими украшениях для своих святых покровителей.

Но самое распространенное из всех соперничеств – межличностное.

Например, один из старейших докторов (хочется назвать его Теопомпо²) считает хорошо поставленным обучение в наших аудиториях. Особенно он приписывает себе честь великого философа, поскольку публично дискутировал не менее пятисот раз, на его взгляд, удачно, по вопросам «Имеет ли материя собственное существование?»; «Отличается по своему существу единство от своих частей?»; «Как начинает действовать субстанция: незамедлительно или нет?» и т.д.

Случись так, что на одном из частных ученых собраний Теопомпо встретился с Харисто³, тоже доктором, который учился в тех же аудиториях, что и его знакомец, и, по крайней мере, столь же успешно усвоивший, что в них слышал. Но он остался недоволен поверхностным преподаванием философии, иначе не скажешь, и сам начал изучать вопросы, касающиеся природы, как их преподносят иностранные авторы. Собрание высказалось продолжить занимательный разговор и перешло на вопросы натурфилософии. Пользуясь возможностью, Харисто, не столь простой, как о нем думали, нарочито подробно начал объяснять смысл разных физических систем, особенно Декарта, Гассенди и Ньютона, отчасти Лейбница. Поскольку Декарт разделял теорию Коперника о гелиоцентрическом строении мира, он взял ее в качестве отправной для сравнительного анализа с концепциями Птолемея и Тихо Браге, поставив вопрос о наиболее из них убедительных.

¹ Средневековые эрудиты «Грамматика испанского языка» – «Gramática de la lengua Española» (1492 г.) Антонио де Небриха – из-за учености ее автора и содержательности трактата называли «El Arte» – «Искусство». *Прим. публикатора.*

² Примерный перевод – «Отучневший в служении Богу».

³ Измененное *Jurista* – юрист, справедливость.

Затем беседа перешла на проблему широчайшего значения – экспериментальную физику. Во время нее Харисто рассказал о редких явлениях пневматического и барометрического механизмов, любопытных исследованиях Бойля¹, многих полезных открытиях, сделанных учеными ряда академий наук, особенно Парижской и Королевским обществом Лондона.

По виду Теопомпо, одного из тех аристотеликов, которые раздражаются или делают вид, что раздражаются даже от терминов «система» и «феномен», легко можно было определить, с каким мучением он слушал Харисто, и, наоборот, с интересом – все остальные. Аристотелику очень хотелось бы внести свой «ученый» вклад в общую беседу, но более эрудированный, чем у Харисто, чтобы затмить его в глазах собрания и собственное невежество перенести на присутствующих. Теопомпо оценивает научные новшества, но не только. Он завидует. Но покажет ли это? Ни за что. Напротив. Он сполна выразит им свое презрение, охарактеризовав как сны или бредовые проекты, какими иностранцы хотят обмануть людей. Что даже когда они содержат некоторые интересные мысли, к ним должно относиться с подозрением. Вполне вероятно, что они занесены из пораженных ересью стран, не очень стойких в истинной вере, в облачении, пропитанном во вред теологии ядом. Или, на языке писателей-концептистов, – **заразным Севером** (т.е., прежде всего, Францией, Англией, Голландией. – **В.С.**).

Ну, а если узнает, что Лейбниц, Бойль и Ньютон были еретиками? Тогда он разразится проклятиями, способными потрясти египетские пирамиды. Воспалится гнев под покровом смирения. Цитировать еретиков? Да возможно ли это и ради чего? Чтобы напомнить о нечестивых авторах, авторах-безбожниках, врагах Бога и Церкви? О, не ко времени эта дозволенная негодная свобода! О, плохо прикрытая зависть! Я бы даже сказал: о, невежество, скрытое лицемерием!

Если бы все вышеозначенные убеждения исходили от грубой черни, тогда можно было бы верить им, несмотря на их нелепость, хотя искреннюю. Но вот, читайте. Несколько лет назад одному из городов Испании, страдавшему от недостатка воды, было предложено несколькими инженерами Севера (Англии. – **В.С.**) провести ее за относительно невысокую цену. Думаю, что администрация города не согласилась с ними, сочтя цену высокой. Но пока шли переговоры об условиях сделки, многие, в том числе и некто, представлявший высший класс, возмущенно потребовали, что им не надо воды, проведенной руками еретиков, подозревая в этом нечестивую для католиков махинацию. Такой это народ, и можно верить, что в его сердце глубоко еще лежат эти неразумия.

Но еще труднее понять, почему схоласты с тем же или даже большим ожесточением отвергают верную мысль, которая исходит от авторов-еретиков

¹ Англичанин Роберт Бойль (1627–1691) вошел в историю науки не только как автор фундаментальных открытий (один из основателей современной химии), но также как первый в мире организатор науки. *Прим. публикатора.*

или только за таковых принимаемых. Почему труднее? Потому что – схоласты. Послушайте, ваша милость, мои аргументы. Будучи схоластами, они не могут не знать, что Св. Фома много раз уважительно ссылался в вопросах физики и метафизики на Аверроэса и Авиценну, известных мусульман, отчасти соглашаясь с их идеями или разъясняя свое несогласие с ними.

Спрошу теперь этих схоластов: они что, более ревнивы к чистоте веры, чем Св. Фома, или же мусульмане более набожны и менее враждебны к Церкви Бога (т.е. римско-католической. – **В.С.**), чем лютеране и кальвинисты?

Они хорошо знают, как ответить на тот и другой вопрос, но им нелегко найти ответы на них в связи с философией Св. Фомы. С почтением к его авторитету и подражая ему, они очень часто цитировали Авиценну и Аверроэса, когда писали работы по своим дисциплинам.

Но какая необходимость вспоминать об этих арабских философах? У них и обожаемого их учителя Аристотеля была разве лучшая вера, чем у Лейбница, Бойля и Ньютона? Разве не заметно в их трудах идолопоклонства? <...>

А разве не могут также не понимать эти сеньоры, что осуждение доктрины и чтение трудов авторов, о которых говорилось выше, – косвенное порицание магистратов, на которых возложена обязанность позволять или запрещать их? Святой Трибунал, грамотно предостерегая, позволяет чтение физико-математических трактатов Бойля и Ньютона, какими бы великими еретиками-грешниками они ни были, распорядившись, чтобы ни одна строка из трудов названных авторов не была вычеркнута, за исключением разночтений общего характера. Грамотно предостерегая, говорю, поскольку они не какие-то неавторитетные ученые, но которых знает весь мир. С другой стороны, известно, что Трибунал обязан запрещать книги, подрывающие веру в нашу религию и мораль. Кроме того, те, кто считает чтение этих авторов порочным, косвенно также считают невежественными или равнодушными официалов Святого Трибунала. Но не в этом их намерения, как они, эти намерения, внешне выглядят. Их декламации – это подражание театральной эмоциональной речи, которую мы можем воспринимать как несущественную, но которые имеют благое значение для этих сеньоров, старающихся показать, что незнание ими философии иностранных авторов – не следствие отсутствия прилежания или способностей, но – любви своей религии.

Признаю, что очень немного схоластов с таким неистовым непреклонным характером. Но эти немногие, внушая публике свои, как будто отштампованные идеи, наносят большой вред. Запугивая учащуюся молодежь опасностью для религии, они не дают возможности читать книги иностранных авторов многим талантам, которые могли бы стать прекрасными философами, заниматься массой других полезных вещей, не покидая аудиторий и оставаясь грамотными схоластами. Подумав, можно прийти к выводу, что такие схоласты

хотят подменить религию дикими предрассудками, закрыть свет дымом, при-
дать невежеству принадлежащий религии атрибут истины.

А в подтверждение того, что ваша милость пишет мне с восхищением и жало-
стью, что знаете профессоров философии, не только отрицающих вес возду-
ха, но и считающих это философской химерой, я расскажу вам шутку, которую
вычитал в четвертом номере английского журнала «Хозяйство» и которая, наде-
юсь, обратит ваши восхищение и печаль в смех.

В правление Карла II решено было направить ученых, умеющих экспери-
ментировать с весом воздуха, на вершину Тенерифе. Двое из них отправились
за рекомендательными письмами к испанскому послу Канарских островов.
Тот, сочтя депутацию представителем интересов какой-нибудь купеческой
компании, желающей извлечь значительную выгоду от закупок великолепного
ликера, производимого на островах, спросил, какое количество продукта они
хотели бы закупить. Члены депутации ответили, что об этом они не думали, что
их интересует вес воздуха на вершине Тенерифе. «Как это? – выразил недоу-
мение посол. – Хотите взвесить воздух?». «Да, таково наше намерение», – было
ответом.

Мудрый сеньор, не дослушав делегатов, распорядился выкинуть их из каби-
нета как сумасшедших, и сразу же поехал в Уайт-Холл рассказать Королю и при-
дворным, что у него только что были двое сумасшедших с забавным предло-
жением определить вес воздуха. При этом он сопровождал свое сообщение
неистовым хохотом. Но хохот обратился конфузом, когда посол узнал от боль-
шинства дворцовой публики, что инициаторами экспедиции и эксперимента
были сам Король и его брат герцог Йоркский.

Ехидная шутка была высоко оценена в Лондоне и Париже. Но все же не было
явных причин высмеивать невежество испанского посла. В ту пору открытие
веса воздуха не было еще, что называется, свежим фактом, чтобы о нем знали
все, кто не занимался физикой, и особенно испанцы, включая профессоров.
Испания отстояла тогда в научном отношении от Италии и Франции, как в поли-
тическом – от Японии.

Знаменитый евангелист итальянец Е. Торричелли, ученик падре Бенедик-
та Кастелли, аббата Монте Касино, образованнейшего монаха, которого папа
Урбан VIII забрал в Рим, чтоб обучать монахов математике в тамошнем монасты-
ре, примерно в середине прошлого века (XVII-го. – **В.С.**) открыл наличие атмо-
сферного давления и определил вес воздуха («торричеллиева пустота»). Тем
самым, он изгнал безосновательный страх перед пустотой, столь закрепивший-
ся прежде в школьном преподавании. Отмечу уж, кстати, ошибку многих, счи-
тавших Торричелли учеником великого Галилея, хотя в некотором смысле оно
так и было. Но не непосредственно, а опосредованно: аббат Кастелли, маэстро
де Торричелли, был учеником Галилея. <...>

Еще раз должен сказать, что насмешка англичан и французов над испанским послом была напрасной. Но если ваша милость говорит, что даже в Испании есть профессора, считающие вес воздуха химерой, новостью, проникшей из Италии, Англии и Франции, тогда что скажут другие, кроме того, что испанцы – киммерийцы, лангобарды и готы? <...>

Вывод

Для того чтобы читатель, сторонний от обсуждаемых вещей, понял, почему члены Королевского Лондонского общества намеревались проделать эксперименты с весом воздуха на вершине Тенерифе, столь удаленном от Англии, а не в каком-нибудь другом месте, должен заметить, что опыт подтверждает, что не ужас пустоты, но вес воздуха поддерживает ртуть в барометре. Это значит, что пропорционально высоте местности опускается ртуть в трубке барометра. То есть, чем выше поднимается экспериментатор в гору с барометром в руках, тем меньше высота ртути в трубке барометра. И наоборот. По мере спуска с горы, ртуть в трубке поднимается.

В основе эффекта явление, смысл которого в том, что чем больше высота, тем меньше вес воздуха. ...Указанную пропорцию понижения ртути соответственно высоте нахождения экспериментатора можно с большой точностью проверить, поднимаясь, скажем, на более высокую гору. По общему мнению, пик Тенерифе является самым высоким из ближайших к Англии, поэтому на нем англичане решили поставить свой эксперимент.

Библиографический список

1. Feijóo-y-Montenegro B.J. Causas del atraso que se padece en España en orden a las ciencias naturales // Feijóo-y-Montenegro B.J. Biblioteca de Autores Españoles. Madrid, 1934. Т. 56. P. 540–546.

Игорь Сергеевич Тихонов (1956–2016)

23 ноября 2016 г., на 61-м году жизни, скончался выдающийся российский архивист, заместитель заведующего Отделом использования документальных материалов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) Игорь Сергеевич Тихонов. Он много лет был членом Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года (после выхода из него в 2008 г. – Общества потомков участников Бородинской битвы), а также первым председателем Историко-патриотического объединения «Багратион».

И.С. Тихонов родился 20 мая 1956 г. в Москве в рабочей семье. Он учился в Московском государственном историко-архивном институте (ныне – Российский государственный гуманитарный университет), но вуз не закончил. Высшее архивное образование ему получить так и не удалось, хотя сама жизнь и разнообразные интересы сделали из него специалиста, которого, без преувеличения, знали все историки, работавшие в ГА РФ. Архиву было отдано 28 лет его жизни. Он пришел на работу в Отдел использования документальных материалов ЦГАОР СССР¹ 21 марта 1988 г. на должность архивиста 1-й категории. 2 августа 2004 г. стал заместителем заведующего этим отделом. За период работы в архиве Игорь Сергеевич являлся заведующим архивохранилищем личных фондов и архивных коллекций XIX – начала XX вв. Отдела хранения документов по истории Российской империи, заместителем начальника этого отдела.

¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР существовал с 1961 по 1992 гг. После этого он был переименован в Государственный архив Российской Федерации.

Главными темами исследовательских работ И.С. Тихонова были история Отечественной войны 1812 г., жизнь и полководческая деятельность кн. П.И. Багратиона, история рода Багратионов в России. И.С. Тихонов вел большую научно-исследовательскую деятельность: с 1989 г. делал доклады в Бородинском военно-историческом музее-заповеднике, в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА) г. Москвы, в Государственном музее изобразительных искусств (ГМИИ) им. А.С. Пушкина, в Музее истории русско-грузинских отношений, в Военно-политической академии им. В.И. Ленина (ныне – Военный университет Министерства обороны РФ), в библиотеке № 59 Ленинградского района Москвы, в Музее П.И. Багратиона в с. Сима Юрьев-Польского района Владимирской области (здесь, в усадьбе кн. Б.А. Голицына, в 1812 г. скончался и был первоначально похоронен Багратион) и др.

По инициативе И.С. Тихонова с 1990 г. начали проводиться (и проводятся до сего дня) ежегодные Багратионовские чтения. В сентябре 1997 г. во время коллективной поездки в с. Симу друзей, интересующихся жизнью и деятельностью Багратиона, было создано историко-патриотическое объединение «Багратион» – общественная неформальная организация, сплотившая в своих рядах любителей отечественной истории, прежде всего, энтузиастов изучения эпохи Отечественной войны 1812 г. Члены этого объединения принимают активное участие в работе научных конференций в Бородино, в Музее-панораме «Бородинская битва», в Малоярославце, Больших Вязёмах, Боровске и т.д. Их усилиями охраняются могилы секунд-майора кн. И.А. Багратиона (отца Петра Ивановича) у Храма Всех Святых во Всехсвятском в Москве и писателя С.Н. Голубова на Новодевичьем кладбище. Приведена в порядок и поставлена на государственный учет в качестве памятника могила Н.С. Меншикова, адъютанта Багратиона, на Ваганьковском кладбище.

И.С. Тихонов участвовал в подготовке выставок и музейных экспозиций в Бородинском военно-историческом музее, в Музее декоративно-прикладного искусства, в Музее Багратиона в с. Сима, в Музее П.И. Багратиона на теплоходе «Багратион» и т.д.

С 1987 г. он принимал участие в подготовке телепередач «Служу Советскому Союзу», «Оглянись, Россия», «Под знаком “я”», «Добрый вечер, Москва», «Слово» и др., а с 1990 г. – в подготовке радиопередач на «Радио России», Ленинградском и Владимирском радио.

Публикационная деятельность И.С. Тихонова началась в 1989 г. Его публикации архивных документов и научные статьи появились на страницах журналов «Советские архивы» (ныне – «Отечественные архивы»), «Вестник архивиста», «Московский вестник», в сборнике

документов «1812–1814», изданном Отделом письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), в «Сборнике ДОСААФ», в газете «Известия» и др.

Он деятельно участвовал в издании первой в российской историографии энциклопедии «Отечественная война 1812 года» (М.: РОССПЭН, 2004) и ее продолжений – «Заграничные походы российской армии. 1813–1815 годы: Энциклопедия: В 2-х т.» (М.: РОССПЭН, 2011) и «Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: Энциклопедия: В 3-х т.» (М.: РОССПЭН, 2012). Был не чужд и художественного творчества, в частности, выступил как составитель поэтического сборника, в который вошли стихотворения членов историко-патриотического объединения «Багратион», под общим названием «Идем путем Двенадцатого года».

И.С. Тихонов постоянно оказывал помощь школьным музеям в д. Царёво Займище Смоленской области и в с. Новый Быт (Давидовой Пустыни) Чеховского района Московской области, участвовал в организации перезахоронения праха героя Отечественной войны 1812 г. генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова в Вознесенской Давидовой пустыни.

Неоценимой оказалась помощь Игоря Сергеевича авторам документальных фильмов, докладов, статей, книг, телепередач. В его личной библиотеке не одна полка оказалась занята книгами с их дарственными надписями, выражающими благодарность и признательность замечательному человеку и историку-архивисту.

И.С. Тихонов не имел семьи и не оставил после себя наследников. Вся его жизнь без остатка была посвящена любимой работе. Друзья и коллеги Игоря Сергеевича глубоко скорбят по поводу этой тяжелой утраты.

Редакция журнала «ЛОКУС»

Альбертина Валентина Александровна – учитель истории и общественного, Лицей № 1535, г. Москва. E-mail: rim315val07@yandex.ru.

Амиантов Алексей Андреевич – кандидат политических наук; главный специалист Управления организационного обеспечения законодательного процесса, Аппарат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, г. Москва. E-mail: amiantov@duma.gov.ru.

Белов Сергей Игоревич – кандидат исторических наук; заместитель директора Департамента экспертно-аналитической и проектной работы, Исполнительная дирекция Русского географического общества. E-mail: belov2006s@yandex.ru.

Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры социального обеспечения и управления, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. E-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru.

Бочарников Игорь Валентинович – доктор политических наук; руководитель, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности; профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана. E-mail: nic.bezopasnost@yandex.ru.

Жевалов Сергей Анатольевич – аспирант кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики Московского государственного педагогического университета. E-mail: szhevalov@mail.ru.

Карзубов Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики Московского педагогического государственного университета. E-mail: karzubovdn@gmail.com.

Меликова Каринэ Андреевна – аспирант кафедры культурологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета. E-mail: byrsik@bk.ru.

Никифоров Юрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой политических исследований России и постсоветского пространства Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет. E-mail: 9035038012@mail.ru.

Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет. E-mail: arkigolkin@yandex.ru.

Рыбалко Наталия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России, Волгоградский государственный университет. E-mail: rybalko_n@mail.ru.

Слизовский Дмитрий Егорович – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов, г. Москва. E-mail: de373@mail.ru.

Сопленков Сергей Владимирович – кандидат исторических наук; учитель истории и обществознания, Западный комплекс непрерывного образования, г. Москва. E-mail: slenkoff@gmail.com.

Суховерхов Валерий Васильевич – кандидат философских наук, доктор исторических наук, профессор. E-mail: sujovertjov@gmail.com.

Чиняков Максим Константинович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет. E-mail: 111.222.333@rambler.ru.

Яковлева Мария Александровна – кандидат социологических наук; доцент кафедры теоретической и специальной социологии Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет. E-mail: masha1604@yandex.ru.

Albertina Valentina A. – Teacher of History and Social Science, Lyceum № 1535 of Moscow. E-mail: rim315val07@yandex.ru.

Amiantov Alexey A. – PhD in Political Sciences; Chief Specialist of the Organizational Support of the Legislative Process of the Russian Parliament (Gosudarstvennaya Duma) of the Federal Assembly of the Russian Federation. E-mail: amiantov@duma.gov.ru.

Belov Sergei I. – PhD in History; Deputy Director of the Expert-Analytical and Project Work, Executive Directorate of the Russian Geographical Society. E-mail: belov2006s@yandex.ru.

Bleikh Nadejda O. – PhD in History; Professor of Department of Social Welfare and Management, North Ossetian State University named K.L. Khe-tagurov. E-mail: nadezhda-blejikh@mail.ru.

Bocharnikov Igor V. – PhD in Political Sciences; Head, Research Center of the National Security; Professor of the Department «Information analyst and political technologies», Bauman Moscow State Technical University. E-mail: nic.bezopasnost@yandex.ru.

Chinjakov Maxim K. – PhD in History; Associate Professor of Department of History of Institute for Social and Humanities Education, Moscow State University of Education. E-mail: 111.222.333@rambler.ru.

Karzubov Dmitriy N. – Postgraduate Student of the Department of Social and Political Research and Technology of the Institute of History and Politics, Moscow State University of Education. E-mail: karzubovdn@gmail.com.

Melikova Karine A. – Postgraduate Student of the Department of Cultural of Institute for Social and Humanities Education, Moscow State University of Education. E-mail: byrsik@bk.ru.

Nikiforov Jury A. – PhD in History; Associate Professor, Head of the Department of Political Studies of Russia and the Former Soviet Union of Institute of History and Politics, Moscow State University of Education. E-mail: 9035038012@mail.ru.

Orlov Aleksandr A. – PhD in History; Professor of Department of Modern and Contemporary History of the Institute of History and Politics, Moscow State University of Education. E-mail: arkigolkin@yandex.ru.

Rybalko Natalia V. – PhD in History; Associate Professor of Department of Russian History, Volgograd State University. E-mail: rybalko_n@mail.ru.

Slisovskiy Dmitriy E. – PhD in History; Professor of Department of Russian History, RUDN University. E-mail: de373@mail.ru.

Soplenkov Sergey V. – PhD in History; Teacher of History and Social Studies, Western Complex Continuing Education of Moscow. E-mail: slenkoff@gmail.com.

Sukhoverhov Valery V. – PhD in Philosophy, PhD in History, Professor. E-mail: sujoverjov@gmail.com.

Yakovleva Maria A. – PhD in Sociology; Associate Professor of Department of Theoretical and Special Sociology, Institute for Social and Humanities Education, Moscow State University of Education. E-mail: masha1604@yandex.ru.

Zhevalov Sergei A. – Postgraduate Student of the Department of Russian Contemporary History of the Institute of History and Politics, Moscow State University of Education. E-mail: szhevalov@mail.ru.

S. Belov, Y. Nikiforov

Legal regulation of relations between soldiers of the Red Army and the civilian population of Poland in the period of 1944–1945

The present study investigates the issue of legal regulation of relations between the personnel of the Soviet forces and the civilian population of Poland in the final stages of World War II. It focuses on the legal framework of communication parties. The authors dwell on the topic of correlation between the real behavior of the military and their prescribed behavior.

Key words: Great Patriotic War, the Red Army, Poland, the legal regulation, the civilian population, regulation of relations between soldiers of the Red Army and the civilian population of Poland in 1944–1945, Polish civilians in 1944–45.

N. Bleikh

Institute of hospitality – the most important etiquette imperative of the North Caucasian peoples

The article talks about the Institute of hospitality etiquette as the most important imperative of the North Caucasian peoples. It shows that in the socio-cultural way of life of any ethnic group there are a lot of events combining whimsical historical past. The brightest and significant phenomena of this kind are nationwide rules of conduct called customs and traditions. These imperatives reflect the attitudes of ethnic groups, and therefore arise as a result of practical and spiritual learning of the environment. These include the institute of hospitality performing up to this day important socio-cultural role among the peoples of the North Caucasus.

Key words: North Caucasus, mountain peoples, the Institute of hospitality, etiquette imperative, Caucasian hospitality, original culture of mountain peoples, distinctive culture.

I. Bocharnikov

Social and humanitarian aspects
of European immigration crisis

The article analyzes the social and humanitarian aspects of modern migration crisis in Europe. The most obvious consequences of the mass influx of migrants from areas of armed conflict in the Middle East as well as countries with adverse socio-economic situation is a burden on the budgets of the member States of the EU, which naturally leads to a decrease in the standard of living of Europeans, to the escalation of tension and increasing anti-immigrant sentiment. The most important governmental factors determining the status and trends of development of the situation of refugees and migrants in the EU are mass attacks on the honor and dignity of citizens, threats of a terrorist nature. All this, ultimately, contributes to the escalation of the crisis and entering the level of ethno-religious conflict in Europe.

Key words: migration crisis, migration flows, migrants, refugees, human smuggling, exploitation of migrants, European Union, the escalation of internal political tensions, threats of terrorist character, infringement of honor and dignity, criminalization of the situation in Europe.

M. Chiniakov

Foreign volunteers of the French Foreign Legion
during the First World War of 1914–1918

The author investigates the participation of volunteers of the French Foreign Legion in the First World War of 1914–1918. Unfortunately, due to the scarcity of materials of various aspects of their participation in the battle as part of the French armed forces (military life, the dynamics of the mood, morale, efficiency level of combat training, political and legal problems, the contradictions between political organizations, accepting the organizing role of the volunteer movement, and others) are still poorly understood, and at times even unknown to the French and English literature, not to mention the Russian.

Key words: Foreign Legion, The First World War of 1914–1918, volunteers (EVDG), France, Marching regiments, Foreign regiments.

D. Karzubov

New methods of study of political protest:
case – public protest in Mineralniye Vodi in 2014

The article presents data of analysis of protest events in Mineralniye Vodi in 2014. The protest was analyzed in accordance with the empirical model, including the study of the prerequisites of protest causes, the role of the state in regulation the protest, the event-analysis (the study of the chronology of the protest), activity analysis in social media (digital accompanied), the major electronic media spreading of information about the protest, the study of the outcome of the public protest action.

Key words: political protest, public protest action, methods of the protest analysis.

K. Melikova

Attitude to the elderly in the medieval Europe

The article is focused on the attitude to the elderly and their role in society in the medieval ages. Using historical and cultural approaches the author comes to the conclusion of the high status of the elderly at that time due to the antic traditions in the system of inheritance, weak agrarian economy with the low level of trade and money relations and the use of manual labor as well as only verbal information flow, i.e. the attitude towards the elderly and the old age in general is based on the traditions of the culture, the type of economic management and family type. The elderly in the article are viewed as the transmitters of culture, keepers of historical memory and traditions.

Key words: genesis of attitudes towards the elderly, historical typology of cultures, civilizational typology of cultures, gerontocracy, interfamily dependence, inter-age communications, jeunism.

A. Orlov, S. Soplentkov, V. Albertina

The ideas of equitable world order:
historical experience of Western,
Central-Eastern Europe and Russia
(the middle of the XV – beginning of XXI centuries)

The purpose of this article is to answer the questions: why existing principles of an equitable world order which were established since XVII century are not working in the present political situation, which lessons from European projects of «eternal peace» Russia can retrieve now, and how

Russia can formulate a positive idea of an equitable world order at the present stage of political development.

It is no secret that many Western leaders are taking Russia into account only as a regional power today. It seems that Russia's position could be stronger if its foreign policy concept included a project of the equitable world order. This concept should take into account historical experience of the preceding epochs. The main idea is that new equitable world order should provide conditions for better standards of living for all nations, for constructive movement forward, which should be open to all states and nations with obligatory preservation of their identity.

Key words: equitable world order, European projects of «eternal peace», code of international law, Westphalian system of international relations, Vienna system of international relations, Versailles-Washington system of international relations, Yalta-Potsdam system of international relations, the Soviet Union, Russia, European Union, the United States.

N. Rybalko

Psychological motivation of creating national movement of Moscow state in early 1611

The article deals with the beginning of the organization of national movement in Russia in early 1611. The main motives that contributed to the collaboration of fighting men outside Moscow since the birth the initiative to the implementation phase of action are identified. This research is interdisciplinary. For the first time theory of psychology of motivation of actions developed in the works of foreign researchers and scientists of the Moscow school of psychology, projected on the historical context of the Time of Troubles. The key point, which draws the attention of the author, is to find out the process when the activity began. The author allocates three initiatives, however, to start actions it was important to have conditions connected with the occurrence of the above-threshold value of motives, which objectively occurred in late December 1610 – early January 1611. The implementation of activities became possible when the motivation was formed. The author counts 9 basic motives identified in the process of analyzing the correspondence between the bodies of territorial self-government. Correspondence had been preserved in the Archive of Solikamsk. Calls for action were the motives aimed at the welfare of the individual, but at the stage of implementation of the action they grew into a group of motives, aimed at the welfare of society and the preservation of traditional cultural values (religious reasons).

Key words: national movement, zemstvo, the history of Russia, the Time of Troubles, militia motivation, XVII century.

D. Slisovskiy, A. Amiantov

Socio-political preferences of 18–20 year-olds:
the contrast between statements and reality

The article is an attempt to map and analyze the perceptions of young people in the message of the President of the country to the Federal Assembly on December 1, 2016 and the data of our study on the socio-political and electoral preferences of the student youth. The results of the study show that the expectations of seeing the youth strategic buttress and their ability to respond to the challenges of our time can seriously be at odds. Obvious contrast between political statements, vision, faith and reality in assessing this strata of the Russian society that justifies the political overtures, but at the same time, calls for more thorough and balanced academic approach in studying this issue.

Key words: political preferences and voting behavior of students, election of 2016.

V. Sukhoverkhov

B.j. Feijoo-y-Montenegro (1676–1764):
essay about the state of science in Spain
(the beginning of the 40s of the XVIIIth century)

The purpose of this publication is comparative analysis of objective and quickly progressing development of scientific and philosophical knowledge in Western Europe in the XVII–XVIII centuries, and subjunctive but in many ways justifiable assessment of the founder of Spanish Education B. Feijoo of the state of science in his own country – unknown in the Russian history of science and of historiography the aspect of the Spanish educational ideology.

An illustration of this evaluation is the translated for the first time into the Russian language of an essay-reflection of Feijoo («Reasons for the backwardness of development of Sciences in Spain»). The translation is given with minimum cuts, thus not affecting its content and the adequacy for the Collection of selected works of Feijoo-y-Montenegro.

Key words: Enlightenment, philosophy of Enlightenment, theory of natural religion, pantheism, Spanish Enlightenment ideology, decline of Spanish science at the beginning of XVIII century, education in Spain in XVIII century, scholastics, B.J. Feijoo-y-Montenegro.

M. Yakovleva

Features of social conflict management in public administration

Conflicts in public administration is a form of interaction of state political institutions, organizations and persons exercising power within a particular governmental system. The article analyzes main types of conflicts in the field of public administration, i.e. conflicts between different levels of management and conflicts between public authorities and the population. The article analyzes the combination of strategies used in the conflict management. The author also presents the analysis of the nature and causes of conflict in the field of public administration.

Key words: social conflict, management of conflict, governance, state, society.

S. Zhevalov

Domestic grain supply in the USSR in 1939–1940 (quantitative and qualitative aspects)

The article is devoted to the analysis of grain supply in the Soviet Union in the last five years before the great Patriotic war. The article is based on the documents stored in the Russian state archive of economy (RGAE), the bulk of which was firstly introduced in the scientific analysis. On the basis of archival data the volume of crops is determined for compulsory deliveries, procurement, natural charges MTS and other sources of grain and rice from collective farms, state farms, collective farmers and individual farms and villages of the Soviet Union.

Key words: Soviet Union, grain yield in 1939–1940, total grain output in 1939–1940, the grain supply before the Great Patriotic War.

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2016.4

Электронная версия журнала:
www.mpgu.rf

Сдано в набор 20.12.2016 г.
Подписано в печать 30.12.2016 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 9 п. л.